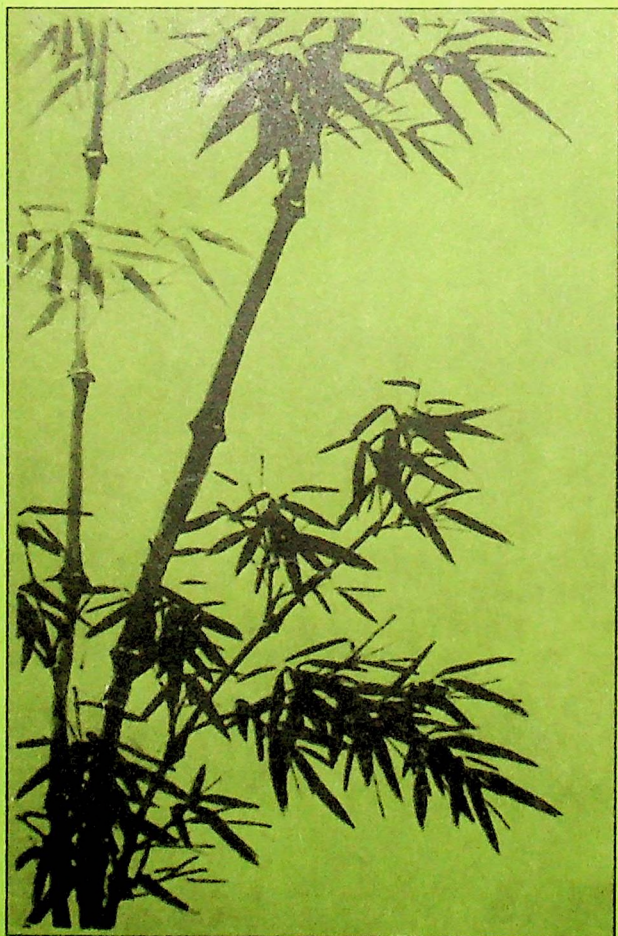

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 2/2004

ISSN 0131-2812

Корейский полуостров сегодня

•
Треугольник

Вашингтон-Пекин-Тайбэй

•
Россия и АТЭС

•
Внешнеэкономические связи
российского Дальнего Востока

•
К 100-летию японо-русской войны

1-й кз

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

2/2004

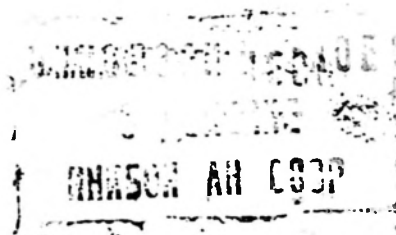
Март - Апрель

Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и четыре раза в год на английском языках

Выпускается под руководством Отделения общественных наук РАН

Издается с марта 1972 года

ПОЛИТИКА

- А.Жебин.* Ядерный кризис в Корее и интересы безопасности России.....6
В.Михеев. Глобализация и корейская проблема.....23
Г.Зиновьев. Отношения в треугольнике Вашингтон-Пекин-Тайбэй: политические аспекты (2002-2003 гг.).....30
В.Федотов. Россия и АТЭС.....48
А.Клименко. К вопросу об эволюции военной политики и военной стратегии Китая.....55

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

- А.Левинталь.* Развитие внешнеэкономических связей Дальнего Востока России: проблемы и перспективы.....66
Л.Забровская. Миграционные процессы на Дальнем Востоке и российская зарубежная диаспора (К итогам III Тихоокеанского форума во Владивостоке).....78

ЭКОНОМИКА

- И.Цветова.* Япония: бизнес и политика.....83
Л.Ходов. Сингапур — налоговое убежище для европейских банковских вкладов.....97

© Российская академия наук, 2004 г.

© Редакция журнала "Проблемы Дальнего Востока" (составитель), 2004 г.

1-6 012

Е.Бирюлин. Борьба с опустыниванием и оскудением мира животных в Китае..... 101

ОБЩЕСТВО

Е.Пащенко. Обновленный Закон КНР об авторском праве..... 110

ОБРАЗОВАНИЕ

В.Пак. Некоторые черты системы образования в Республике Корея..... 120

ИСТОРИЯ

В.Балакин. К 100-летию японо-русской войны (1904-1905): урок для современных политиков..... 131

К.Марш (США). Распад Советского Союза и проблемы новой России: уроки для Китая..... 139

А.Хисамутдинов. К истории русской общины в Пекине..... 151

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ "ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА КИТАЯ"

✓ М.Титаренко, В.Феоктистов. Китайская философия как часть мировой философии..... 157

КУЛЬТУРА

С.Торопцев. Китайская культура у врат глобализации..... 166

Ван Мэн. Волна глобализации и строительство культурной державы (перевод с китайского С.Торопцева)..... 168

РЕЦЕНЗИИ

В.Михеев. Потапов М.А. Внешнеэкономическая модель развития стран Восточной Азии..... 172

А.Григорьев. Ларин А.Г. Китайцы в России вчера и сегодня. Исторический очерк..... 174

Ю.Песков. Шэн Чжихуа. Советские специалисты в Китае (1948-1960)..... 178

Г.Яскина. Полвека без войны и без мира: Корейский полуостров глазами российских ученых..... 184

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

✓ К юбилею Анастасии Ивановны Картуновой..... 187 ✓
Ивану Николаевичу Наумову — 80 лет..... 189

Главный редактор А.М. Григорьев

Редакционная коллегия

Р.М. Асланов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, Ю.М. Гарушняц, В.И. Глунин, Л.М. Гудошников, А.С. Давыдов (зам. главного редактора) В.Л. Ларин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов, П.А. Минакир, В.В. Михеев, В.Н. Павлятенко, А.Н. Панов, Л.С. Переломов, В.Я. Портяков, И.А. Рогачев, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.П. Ткаченко.

Статьи этого номера

А.Жебин. Ядерный кризис в Корее и интересы безопасности России.

В статье говорится о причинах нынешнего кризиса ядерной безопасности в Корее, анализируются скрытые мотивы его главных участников. Особое внимание уделяется позиции России и КНР по урегулированию кризиса политико-дипломатическими методами. Рассматриваются перспективы шестисторонних переговоров по указанной проблеме. Перечисляются факторы, которые, по мнению автора, необходимо учитывать при определении подходов России к ситуации вокруг северокорейских ядерных программ.

В.Михеев. Глобализация и корейская проблема

Корейский полуостров продолжает жить по законам "холодной войны". Страны, причастные к корейскому конфликту, еще не до конца избавились от прежнего политического мышления, не увидели те возможности, которые дает корейской проблеме подход в контексте экономической и политической глобализации. Цель данной публикации состоит в том, чтобы взглянуть на корейский кризис через призму глобализации и предложить новые механизмы его решения.

Г.Зиновьев. Отношения в треугольнике Вашингтон-Пекин-Тайбэй: политические аспекты (2000-2003 гг.)

Автор прослеживает политические маневры США, Китая и Тайваня вокруг вопроса о статусе острова в 2000-2003 гг., отмечая стремление сторон не обострять ситуацию в Тайваньском проливе и не доводить ее до стадии вооруженного конфликта. Возможность сохранения такой ситуации во многом будет зависеть от результатов проходящих в этом году на Тайване президентских и парламентских выборов и намечающегося там референдума.

В.Федотов. Россия и АТЭС

В статье рассматривается процесс вхождения России в Организацию Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, а также характер и особенности функционирования этой организации. Автор считает, что после ряда лет пребывания в АТЭС Россия в настоящее время осознала свои задачи, выгоды и риски, связанные с членством в ней: она стала активным и инициативным участником экономического сотрудничества в АТР, прежде всего, с целью налаживания в регионе либеральной и открытой торговли. Кроме того, в России сложилось понимание необходимости использования АТЭС в качестве рычага и средства на пути в ВТО.

А.Клименко. К вопросу об эволюции военной политики и военной стратегии Китая

Автор рассматривает направленность военной политики и военной стратегии Китая. На фоне широкого диапазона мнений, представленных в российской прессе относительно военных приготовлений КНР, предпринята попытка непредвзято проанализировать и оценить некоторые тенденции и факторы, подводящие к ответу на эти важные вопросы.

А.Левинталь. Развитие внешнеэкономических связей Дальнего Востока России: проблемы и перспективы

Автор знакомит читателей с хорошо разработанной системой институтов, организуемых, как правило, местной администрацией и зарубежными представителями, деятельность которых способствует развитию внешнеэкономических связей российского Дальнего Востока с Китаем и странами АТР.

Л.Забровская. Миграционные процессы на Дальнем Востоке и российская зарубежная диаспора

Автор знакомит читателей с тематикой III Тихоокеанского форума соотечественников "Миграция и диаспоры: потенциал развития тихоокеанской России", который проходил в г. Владивостоке в конце октября 2003 г. В центре внимания форума находились такие проблемы, как стратегия развития экономики дальневосточных регионов и способы привлечения интеллектуального и финансового капитала соотечественников, живущих на территориях сопредельных стран.

И.Цветова. Япония: бизнес и политика

Организации предпринимателей располагают большими возможностями в определении и формировании образа жизни гражданского общества, влиянии на государственную политику. Программные установки и первые шаги созданной в мае 2002 г. в Японии новой общенациональной организации предпринимателей "Ниппон кэйданрэн" свидетельствуют о ее твердом намерении усилить воздействие на определение социально-экономической и политической линии государства.

Л.Ходов. Сингапур — налоговое убежище для европейских банковских вкладов

Министры финансов ФРГ, Франции, Италии и других стран Европы приняли решение о том, что с начала 2004 г. доходы с капитала, в какой бы из стран ЕС он ни был помещен, будут известны налоговым органам государств, резидентами которых являются вкладчики капитала.

Автор полагает, что России было бы выгодно присоединиться к данному соглашению с целью хотя бы частично возратить вывезенные банковские депозиты или часть налога на проценты по вкладам. Он считает также, что некоторые европейские вкладчики могут использовать банки Сингапура, где минимальны затраты на обслуживание банковских вкладов, а налоги с процентов по депозитам не взимаются.

Е.Бирюлин. Борьба с опустыниванием и оскудение мира животных в Китае

Отмечая нарушение экологического баланса в Китае как результат нерационального использования земель, необоснованного размещения отраслей сельского хозяйства, попыток любым путем увеличить производство зерновых, автор концентрирует внимание на разработке мер по активизации научных, организационных и финансовых усилий, в результате реализации которых можно добиться немалых успехов в решении экологических проблем.

Е.Пашенко. Обновленный Закон КНР об авторском праве

Как отмечает автор, обновленный "Закон КНР об авторском праве" свидетельствует не только о формировании и совершенствовании гражданского законодательства Китая, но и о становлении так называемого института интеллектуальной собственности, который призван более полно и последовательно защитить права китайских и зарубежных авторов в процессе перехода КНР на рельсы рыночной экономики. В этих условиях необходимость сохранения

интеллектуального потенциала общества, уровня его культурного развития становится насущной задачей.

В.Пак. Некоторые черты системы образования в Республике Корея

В статье говорится о современном состоянии системы образования в РК и имеющихся структурных трудностях, показаны пути решения данной проблемы. Автор приводит интересный статистический материал.

В.Балакин. К 100-летию японо-русской войны (1904-1905): урок для современных политиков

Анализируя причины и последствия японо-русской войны 1904-1905 гг., автор подчеркивает необходимость укрепления современного российско-китайского стратегического взаимодействия, исходя из исторически сложившихся цивилизационных предпосылок построения внешней политики России и Китая. Сохранившаяся до настоящего времени логика взаимоотношений России, Китая, Японии и США в начале XX века позволяет, по его мнению, прогнозировать национально ориентированную дипломатическую стратегию нового российского государства в Восточной Азии на ближайшую перспективу.

К.Марш. Распад Советского Союза и проблемы новой России: уроки для Китая

Американский политолог излагает свое понимание того, какие выводы должна сделать КНР из событий конца 1980-х—начала 1990-х гг. в СССР и странах Восточной Европы.

А.Хисамутдинов. К истории русской общины в Пекине

Хотя русская община в Пекине была немногочисленной, она играла роль формального центра русской эмиграции в Китае. Автор подробно характеризует вклад пекинской эмигрантской общины в научную деятельность, основным направлением которой было китаеведение, а также в развитие издательского и печатного дела.

М.Титаренко, В.Феокистов. Китайская философия как часть мировой философии

Вводная статья из энциклопедии "Духовная культура Китая" посвящена специфике китайской философской традиции, которую авторы видят, прежде всего, во влиянии на нее земледельческой культуры, в ее антропологичности и социально-политической ангажированности, в своеобразии ее методологии.

Ван Мэн. Волна глобализации и строительство культурной державы

В конце 2003 г. в Китае широко отмечалось 50-летие творческой деятельности одного из выдающихся современных писателей Ван Мэна. В журнале представлен перевод статьи Ван Мэна о необходимости присоединения Китая к всемирному сообществу в качестве его полноправного члена. Писатель рассматривает процесс глобализации как возможность для каждого из его участников выявить свои отличия и индивидуальность, которые для Китая воплощаются в самобытности его многотысячелетней культуры.

Статью Ван Мэна предваряет вступление автора ее перевода на русский язык д.и.н. С.Торопцева, дающее представление о месте писателя в литературном процессе современного Китая.

Ядерный кризис в Корее и интересы безопасности России

© 2004

А. Жебин

1. Введение

Исторически и геополитически Корейский полуостров всегда входил в сферу национальных интересов России, которые заключаются в обеспечении мира и стабильности в районах, расположенных по периметру ее границ, поддержании добрососедских отношений взаимовыгодного сотрудничества с сопредельными государствами. Обострение ситуации в Корее, а тем более военные конфликты на полуострове неизбежно отрицательно сказывались на безопасности России, вынуждали ее предпринимать дополнительные меры по ее укреплению. Поэтому России вряд ли нужно стесняться того факта, что у нее есть свои, вполне законные интересы на Корейском полуострове. Уже в силу только одного географического фактора эти интересы ничуть не менее значимы и обоснованны, чем у стран, отделенных от Кореи морями и даже океанами.

В контексте указанных национальных интересов России следует рассматривать и ситуацию, которая сложилась на Корейском полуострове вокруг ядерных программ КНДР. Москва последовательно выступает за сохранение безъядерного статуса полуострова, соблюдение режима нераспространения ядерного оружия в Корее. Вместе с тем Россия настойчиво добивается урегулирования существующих там проблем политико-дипломатическими методами, выступает за должный учет законных интересов безопасности всех расположенных в этом регионе государств как наиболее правильного пути к обеспечению прочного мира и стабильности в Северо-восточной Азии.

2. Неразделенная ответственность

С подачи американского руководства, СМИ и ряда членов экспертного сообщества в мире преобладает несколько одностороннее представление о том, кто несет ответственность за возникновение нынешнего ядерного кризиса. Формально начало ему было положено прозвучавшими в октябре 2002 г. американскими обвинениями в наличии у КНДР второй программы создания ис-

ходных материалов для ядерного оружия, параллельной той, которая была “заморожена” в 1994 г. Рамочными договоренностями (РД) между США и КНДР.

Вашингтон сводит свои обязательства по этому документу к двум пунктам: создать международный консорциум (КЕДО) для строительства в КНДР АЭС из двух реакторов на легкой воде (ЛВР) и поставлять до пуска первого из них, намечавшегося на 2003 г., по 500 тыс. тонн жидкого топлива ежегодно.¹

Пхеньян должен был “заморозить” газографитовый реактор и другие, связанные с ним объекты в Ненбене, на которых северокорейцы могли получать оружейный плутоний, прекратить сооружение еще двух реакторов такого же типа мощностью 50 Мвт и 200 Мвт, остаться членом Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и соблюдать Декларацию Севера и Юга Кореи от 1991 г. о денуклеаризации Корейского полуострова.²

США утверждают, что они выполняли свои обязательства по РД, а КНДР, мол, этого не делала. На деле КНДР сохраняла указанные в РД объекты “замороженными” до конца 2002 г., а США фактически не начали строить АЭС, хотя в письме президента США Б.Клинтона Ким Чен Ир у американцы обещали сделать это в одиночку, если КЕДО не решит эту задачу.³

Главная причина затяжки в том, что администрация Б.Клинтона рассчитывала на крах северокорейского режима после смерти Ким Ир Сена, а республиканцы с приходом к власти по партийным, идеологическим соображениям предали анафеме все, что делалось демократами.⁴

В США сейчас стараются не вспоминать, что РД, помимо нераспространенческих статей, содержат ряд политических обязательств США перед КНДР: предоставить “официальные гарантии” того, что США не применят против нее ядерное оружие и не будут угрожать его применением, двигаться к “полной нормализации политических и экономических отношений”.⁵ Ни первого, ни второго не произошло. Напротив, администрация Дж. Буша включила КНДР в т.н. “ось зла” и в список стран, по которым возможно нанесение превентивных ядерных ударов.

Под предлогом того, что северокорейцы якобы признали наличие второй, альтернативной программы получения материалов для ядерного оружия путем обогащения урана, США прекратили поставки топлива КНДР. Формальное основание — в РД КНДР пообещала соблюдать Декларацию о денуклеаризации Корейского полуострова, в которой обе Кореи отказались как от переработки плутония, так и обогащения урана.⁶

Однако США при этом предпочитают “не замечать” точно такой же ссылки РД на необходимость соблюдения принципов американско-северокорейского заявления от 11 июня 1993 г. В нем, помимо “отказа от использования силы или угрозы силой”, США и КНДР обязались “уважать суверенитет” и “не вмешиваться во внутренние дела” друг друга, продолжить “диалог между правительствами” и вести его на основе “равенства и справедливости”.⁷ Бойкот диалога с Пхеньяном на протяжении почти двух лет, санкции против КНДР и угрозы в ее адрес, курс на смену режима явно противоречат этим принципам и тоже являются нарушением РД.

Требую от КНДР отказаться от “ядерной программы”, можно вести речь только о военной ее составляющей. ДНЯО не запрещает любой стране проводить научные исследования и развивать атомную энергетику и обязывает ядерные державы оказывать содействие в этом неядерным государствам. Создание КЕДО и согласие ее членом — США, Японии и РК — строить АЭС в КНДР означало не что иное, как признание ими права КНДР иметь атомную энергетику.

В США много говорят о “ядерном шантаже” или “вымогательстве” Пхеньяном у “мирового сообщества” нефти, помощи и т.д. Как показывают со-

бытия вокруг Ирака, было бы преждевременным ставить знак равенства между мировым сообществом и США, от которых КНДР требует выполнения их обязательств по двусторонним соглашениям. США пошли на поставки топлива и строительство АЭС в КНДР потому, что не имели международно-правовых оснований требовать прекращения национальной энергетической атомной программы КНДР и были вынуждены ее выкупить. Сделка была закреплена в Рамочных договоренностях между КНДР и США. Требование уплатить по сделке не является шантажом.

Одно из самых распространенных обвинений в адрес КНДР заключается в нарушении ею своих международных обязательств. Между тем, одно из основополагающих положений международного права, которое отражено в ДНЯО (ст.Х) заключается в том, что когда страна сталкивается с угрозой своему существованию, она имеет право выйти из любого договора в интересах защиты своего суверенитета. Этим правом и воспользовались северокорейцы.

Безусловно, выход любого государства из ДНЯО нежелателен. Шаг, предпринятый КНДР чреват дальнейшим осложнением обстановки, создает плохой прецедент. Однако международного права он не нарушает. Ответственность за него должны разделить и те, кто подтолкнул северокорейцев на такие крайние меры. Разве США, включая КНДР в список семи стран — возможных объектов для американских ядерных ударов, не нарушили дух и букву ряда международных соглашений, составляющих в комплексе с ДНЯО то, что принято называть режимом нераспространения и, прежде всего обязательство ядерных государств не угрожать применением этого оружия неядерным странам?

Доводы США в пользу сохранения режимов нераспространения и контроля над вооружениями были бы куда убедительнее, если они сами показывали в этом отношении пример. Между тем только за последние годы США отказались ратифицировать договор о Всеобщем запрещении ядерных испытаний, в одностороннем порядке вышли из Договора по ПРО, отозвали свою подпись под важнейшим для будущего человечества Киотским протоколом о борьбе с всемирным потеплением, отказались от участия в Конвенции о запрете противопехотных мин, не желали признавать юрисдикцию Международного уголовного суда в отношении своих военнослужащих.⁸

Похоже, что администрация Дж.Буша не желает признавать никаких международных обязательств и намерена действовать на мировой арене как ей заблагорассудится. В то же время США постоянно требуют от других государств соблюдения тех международных правил, которые сами американцы не собираются выполнять.

Таким образом, есть достаточно оснований считать, что, увы, обе стороны — США и КНДР — не без греха. Однако в целом список нарушений РД американцами гораздо более внушительный, чем тот, который предъявлен ими северокорейцам.

3. За кулисами корейских кризисов

Сходство причин, обстоятельств и даже хода нынешнего ядерного кризиса в Корее с тем, который имел там место в 1993-1994 гг. практически не вызывает споров среди экспертов. Но один из ключевых фактов, позволяющих адекватно проанализировать истоки всплеск напряженности, происходящих на Корейском полуострове с подозрительной регулярностью, остается практически без внимания. Между тем, как это ни покажется парадоксальным, обоим кризисам предшествовали крупные шаги корейцев навстречу друг другу с целью преодоления застарелой вражды, разрядки и налаживания сотрудничества.

Незадолго до предыдущего кризиса, в 1991 г. РК и КНДР подписали, а в 1992 г. ратифицировали два важнейших документа: Соглашение о примире-

нии, ненападении, обменах и сотрудничестве между Севером и Югом и Декларацию о денуклеаризации Корейского полуострова. Намечались реальные перспективы существенного оздоровления обстановки в Корее, снижения уровня военного противостояния, налаживания межкорейского взаимодействия в различных областях. Началась работа совместных межкорейских органов по практической реализации Соглашения. Всему этому положил конец ядерный кризис 1993-1994 годов.

Десятилетие спустя отношения между двумя Кореями вновь стали улучшаться, прежде всего, благодаря их собственным усилиям, начало которым положил межкорейский саммит 2000 года. Небывалых масштабов достигло торгово-экономическое сотрудничество, которое в 2002 г. превысило уровень в 640, в 2003 г. — 724 млн. долларов.⁹ Впервые в истории началось разминирование участков демилитаризованной зоны и воссоединение железных и автодорог между Севером и Югом. Появилась возможность реализации крупных двусторонних и многосторонних экономических проектов между двумя корейскими государствами и их соседями.

Возросшая с 2000 г. внешнеполитическая активность Пхеньяна благоприятно сказалась и на международной обстановке вокруг КНДР. В ходе поездки в августе 2002 г. Председателя ГКО КНДР Ким Чен Ира на Дальний Восток, в ходе которой состоялась его третья за последние три года встреча с президентом РФ В.Путиным, были конкретизированы обсуждавшиеся и намечены новые проекты экономического сотрудничества, особенно на региональном уровне, призванные способствовать налаживанию взаимовыгодного взаимодействия двух стран, развитию экономик КНДР, РК и российского Дальнего Востока.

Месяц спустя, в сентябре 2002 г. произошли крупные перемены в отношениях КНДР с Японией. Впервые в истории глава японского правительства приехал в Пхеньян. Итоги переговоров Ким Чен Ира и Д.Коидзуми создали предпосылки для радикального оздоровления отношений, урегулирования проблем, порожденных колониальным господством Японии в Корее и другими непростыми событиями в истории двух стран. Возможный в результате этого качественный скачок в развитии торгово-экономических связей между КНДР и Японией мог бы приобрести особое значение в контексте мер в социально-экономической сфере, начавшихся реализовываться в КНДР с лета 2002 г. Реализация подписанной по итогам визита декларации положила бы конец системе экономических санкций и блокады КНДР, созданной США и навязываемой ими своим союзникам с 50-х годов прошлого века.

Набиравшие силу процессы экономического оздоровления и взаимодействия, тенденции к дальнейшему ослаблению напряженности и укреплению безопасности на Корейском полуострове и в Северо-восточной Азии в целом явно не устраивали те круги в США, которые после прихода к власти администрации Дж.Буша положили в основу американской внешней политики ставку на нанесение превентивных ударов и смену неугодных американцам режимов. Как и десятилетие назад, в наши дни Вашингтон пытается создать впечатление, что экономически отсталая, истощенная голодом, замерзающая от отсутствия электроэнергии и тепла и буквально находящаяся на краю света Северная Корея является чуть ли не главной угрозой для всего мира и, в особенности, для США.

Такая линия США объясняется тем, что в настоящее время, как и в начале 90-х годов прошлого века, продолжение процесса нормализации в Корее, начатого межкорейским саммитом, неизбежно поставило бы под вопрос если не целесообразность, то мотивы продолжения американского военного присутствия на Юге полуострова. Вывод американских войск из Южной Кореи, по мнению целого ряда специалистов, в том числе американских и южнокорейских,

выбил бы краеугольный камень из-под всей стратегии США в СВА, да и в АТР в целом, которая основывается на двусторонних военных альянсах с Японией и РК и передовом базировании американских вооруженных сил в этих странах.

Кроме того, окончательное примирение двух Корей лишило бы американцев единственного более или менее серьезного аргумента, оправдывающего создание ПРО ТВД в СВА и национальной ПРО. Ведь исчезли т.н. "северокорейская ракетная угроза" — и обнажились бы истинные замыслы американского руководства, вознамерившегося с помощью ПРО нейтрализовать ракетно-ядерные средства сдерживания Китая и России.

После исчезновения СССР и отказа от социализма в странах Восточной Европы в Вашингтоне рассчитывали на быстрый крах северокорейского режима. Поглощение Севера Югом под военно-политической эгидой США позволило бы американцам установить контроль над уникальным по своему географическому расположению районом Азии, находящимся на стыке границ России, Китая и Японии — единственных держав, которые в потенциале еще могут соперничать с США если не военном, то политическом и экономическом отношении.¹⁰

Ликвидация КНДР не только завершила бы процесс пересмотра итогов Второй мировой войны на Дальнем Востоке, но и означала бы "переигровку" Корейской войны 1950-1953 годов. Выход американских вооруженных сил с их высокоточным оружием нового поколения на почти 1400-километровую сухопутную границу с Китаем и — пусть даже на 17-километровую — с Россией, привел бы к кардинальным изменениям военно-политической обстановки в этом регионе и во всем АТР.

Пытаясь поднять мировое сообщество на борьбу с явно преувеличенной, если не сказать больше — надуманной "северокорейской ядерной угрозой" США, похоже, пытаются реализовать собственные замыслы установления своего полного военно-политического доминирования на Корейском полуострове. И планы эти приобрели повышенную актуальность в контексте реализации доктрины Буша с ее ставкой на превентивные удары по неудобным странам и режимам с использованием нового поколения высокоточных обычных вооружений, а в перспективе и ядерных зарядов малой мощности.

Некоторые российские эксперты склонны рассматривать американское нападение на Ирак, как и контртеррористическую операцию США в Афганистане, в рамках которой США обзавелись рядом военных баз в Средней Азии, в контексте грядущего противостояния США и Китая. Они утверждают, что базы в этом регионе нужны США "не для борьбы с терроризмом, а для контроля за северо-западной частью Китая". Более того, по их мнению, таким образом американцы "окружают" кольцом своих баз не только Китай, а на всякий случай — и Россию.¹¹

В свете таких замыслов призывы США к России и Китаю принять участие в неких многосторонних усилиях, призванных, в конечном счете, ликвидировать КНДР, выглядят, по меньшей мере, самонадеянными. Нас и китайцев фактически призывают собственными руками помочь привести американских солдат на наши же границы.

Северокорейцы воспользовались этой патовой ситуацией и, чувствуя известную безнаказанность (китайцы не могут "сдать" КНДР, а американцы не решаются на силовую акцию под носом у китайцев), начали создавать ракетные и, возможно, ядерные вооружения, которые, в их глазах, стали, похоже, едва ли не главным гарантом сохранения нынешнего режима. Вероятность работы над последними не исключалась в известной записке КГБ и докладах СВР, опубликованных в российской печати в первой половине 90-х годов.¹²

Война против Ирака, вероятно, окончательно подтолкнула северокорейское руководство к решению обзавестись ядерным оружием как единственным надежным средством сдерживания. Но пока действия Пхеньяна больше похожи на блеф. Несмотря на многочисленные заявления о незаинтересованности в дальнейших переговорах, в основе политики северокорейского руководства по-прежнему остается курс на диалог. КНДР жизненно нужны нормальные отношения с США для того, чтобы устранить военную угрозу извне и получить устойчивый доступ к западным инвестициям и помощи. Последнее невозможно без отмены американских экономических санкций, исключения КНДР из списка стран-спонсоров международного терроризма. Только тогда будут созданы внешние условия для оздоровления северокорейской экономики, без чего режиму будет весьма трудно поддерживать политическую и социальную стабильность в стране.

О том, насколько важно для Пхеньяна достижение компромисса с США, свидетельствует решение северокорейцев пригласить в январе 2004 г. в страну неофициальную американскую делегацию, в составе которой был известный специалист-ядерщик, бывший директор Лос-Аламосской лаборатории З.Хекер. Впервые после начала ядерного кризиса американцам было позволено посетить ядерный комплекс в Ненбене. Они также провели интенсивные обсуждения ядерной проблемы с северокорейскими официальными лицами. Кстати, после возвращения в США З.Хекер сообщил, что увиденное им в КНДР заставило его усомниться в том, что северокорейцы обладают технологиями, необходимыми для производства ядерного оружия.¹³

4. Россия и ядерная проблема в Корее

В России с сожалением восприняли решение КНДР о выходе из ДНЯО. В заявлении МИД РФ отмечалось, что этот шаг "подрывает усилия международного сообщества по укреплению режима нераспространения ядерного оружия, может иметь негативные последствия как в региональном, так и глобальном масштабе, отрицательно отразится и на усилиях тех государств, которые стремятся решать международные проблемы, в том числе и в области нераспространения, политико-дипломатическими методами".¹⁴

Позиция Москвы заключается в том, что обеспечение безъядерного статуса Корейского полуострова, соблюдение там режима нераспространения оружия массового уничтожения при безусловном сохранении в этом регионе мира, безопасности и стабильности, отвечает интересам корейского народа и всего человечества. Россия выступает за политико-дипломатическое урегулирование кризиса. В Москве твердо убеждены в том, что, например, военным путем проблемы разоружения и укрепления режимов нераспространения не решить.¹⁵

По мнению России, урегулирование должно включать предоставление КНДР гарантий безопасности, обеспечение ее суверенитета, а также возобновление гуманитарных и экономических программ, действовавших на Корейском полуострове. Именно в этом аспекте позиции Москвы и Вашингтона, долго не желавшего даже рассматривать вопрос о таких гарантиях, не вполне совпадают, хотя в последнее время, судя по высказываниям Дж. Буша, и здесь наметились позитивные подвижки.¹⁶

Как заявил Президент РФ В.Путин, позиция России и Соединенных Штатов по проблемам нераспространения ОМУ "ближе, чем кажется на самом деле."¹⁷ Указанная близость была продемонстрирована в ходе двух российско-американских встреч на высшем уровне в июне (Санкт-Петербург) и сентябре (Кэмп-Дэвид) 2003 г., а также в принятой на саммите "восьмерки" в Эвиане (июнь 2003 г.) Декларации "группы восьми" о нераспространении оружия массового поражения.

В. Путин, принимая во внимание свои личные контакты с Ким Чен Иром, явно стремится избегать прямо критиковать действия Северной Кореи. Однако, учитывая, что американский список стран, чьи действия в этой области вызвали наибольшую озабоченность, ограничивается Ираном и КНДР, российские подходы к Ирану легко экстраполировать на КНДР. В частности, высказывания президента на пресс-конференции после встречи с Дж.Бушем в Санкт-Петербурге о том, что Россию "не нужно убеждать в том, что оружие массового уничтожения не должно распространяться и расплываться по планете. Это касается не только Ирана, но и других регионов мира," были, безусловно, адресованы и Пхеньяну.¹⁸

Еще более прямо такой подход был изложен в Эвиане. Говоря о том, что Россия будет настаивать на том, чтобы все иранские программы в ядерной области были поставлены под контроль МАГАТЭ, Путин пообещал "строить свое сотрудничество со всеми странами исходя из того, насколько они открыты и насколько они в состоянии поставить свои программы под контроль МАГАТЭ."¹⁹ Тем самым, как представляется, российский президент достаточно ясно просигнализировал Пхеньяну, что отношения между Россией и КНДР впредь будут больше, чем когда-либо прежде, зависеть от поведения северокорейцев по ядерной проблеме.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что формулировки по корейской проблеме, на которые Россия согласилась в Эвиане, оказались гораздо жестче тех, которые всего лишь неделю до встречи "восьмерки" были использованы Россией в ходе саммита В.Путина с китайским лидером Ху Цзиньтао в мае 2003 г. в Москве. В принятой по его итогам декларации оба лидера подтвердили свою приверженность нераспространению ОМУ и сохранению безъядерного статуса Корейского полуострова. Вместе с тем они подчеркнули, во-первых, что сценарии силового давления либо применения силы для решения существующих там проблем "неприемлемы" для РФ и КНР и, во-вторых, указали на необходимость "гарантировать безопасность КНДР и создать благоприятные условия для ее социально-экономического развития."²⁰

Указанные два аспекта позиции Москвы по урегулированию ситуации вокруг северокорейских ядерных программ все чаще подвергаются сомнению. Некоторые российские политологи считают, что в связи с новыми приоритетами, возникшими перед международным сообществом после событий 11 сентября 2001 г. в США, перед дипломатией России стоит непростая задача пересмотра характера отношений с рядом стран, которые входят в список "государств-изгоев". Новый подход должен коснуться как контактов с отдельными государствами так называемого "традиционного зарубежья" (в эту категорию входит и КНДР), так и связей с отдельными странами постсоветского пространства.²¹

Комментируя необычно жесткую позицию В.Путина по отношению к странам "оси зла" на саммите в Эвиане, эти обозреватели указывают, что эти государства — и уже названные, и те которые могут пополнить этот список, могут считать, что Россия сдает их потому, что слаба и не может никого защитить. Не соглашаясь с таким выводом, который поспешили сделать некоторые российские СМИ, они считают, что Россия как цивилизованное государство не должна быть для кого-то "крышей", позволяющей заниматься "политическим рэккетом." После Эвиана, полагают сторонники такого подхода, Россия, по-видимому, хотя и не будет отказываться от связей со своими традиционными союзниками, но вместе с тем даст им понять, что не будет их "крышевать".²²

Вместе с тем нарастание определенной жесткости в позиции России по вопросам нераспространения ОМУ не означает ее отказа от базовых элементов ее принципиального подхода к решению ядерных проблем в Корее. Это было

вновь подтверждено в ходе российско-американского саммита в сентябре 2003 г. в Кэмп-Дэвиде, в ходе которого В.Путин, в отличие от Дж.Буша, заявил, что призывы к КНДР отказаться от ядерного оружия должны сопровождаться предоставлением этой стране гарантий безопасности.²³

5. Ситуация в Корее и позиция КНР

Роль КНР в организации трехсторонней встречи в апреле 2003 г. и двух раундов шестисторонних переговоров в Пекине вновь подтвердила, что ключевое значение для урегулирования проблемы будет иметь позиция КНР. В ходе нынешнего кризиса Пекин неоднократно высказывался в пользу сохранения безъядерного статуса Корейского полуострова. Ведь появление ядерного оружия у КНДР могло бы подтолкнуть к аналогичным шагам Японию, Южную Корею, и что, возможно, самое неприятное для Пекина, — Тайвань.²⁴

Однако те, кто пытается спекулировать на этих опасениях КНР и тем самым подтолкнуть ее к оказанию давления на КНДР, всячески уходят от анализа еще одного обстоятельства, которое коренным образом меняет оценку ситуации. Дело в том, что еще больше Китая в нераспространении ядерного оружия в регионе заинтересованы США, так как ядерное вооружение Японии, РК и Тайваня означало бы крах всей стратегии США в регионе, подрыв их двухсторонних военных альянсов со странами СВА и возможный вывод из этих государств американских войск.

В то же время для КНР как по военно-стратегическим, так и престижно-политическим соображениям, ликвидация КНДР силовым путем, возможная в результате американского нападения, совершенно неприемлема. Такое развитие событий привело бы к установлению контроля США над всем Корейским полуостровом, выходу вооруженных сил США на сухопутную границу с Китаем.

Корея на протяжении тысяч лет находилась в сфере китайского влияния. Китай утратил контроль над ней лишь около ста лет назад. С точки зрения китайского понимания исторического процесса этот период — ничто по сравнению с грядущими тысячелетиями. В Пекине не могут себе позволить равнодушно взирать на то, как Корея превратится в плацдарм США для давления на Китай в уже разворачивающемся грандиозном соперничестве этих двух самых мощных экономических и, возможно, военных держав мира. Потеря КНДР серьезно подорвала бы престиж и внешнеполитические позиции КНР в Азии и во всем мире. Кто бы из соседей Китая стал бы полагаться на него как на надежного союзника, если бы он без боя уступил бы такую свою традиционную сферу влияния, каким является Корейский полуостров? Утрата Кореи серьезно подрывала бы шансы Пекина вернуть Тайвань.

Та осторожность, с которой американцы пока ведут себя в Корее, объясняется именно тем обстоятельством, что, в отличие от Ирака, там ощутимо присутствует китайский фактор. Такой подход вызван тем, что США, видимо, не готовы к прямому столкновению с Китаем по этой проблеме. Это был бы конфликт с полутора миллиардом человек, и американцы еще не раз подумают, прежде чем решиться на силовые акции в Корее.

Однако самым большим кошмаром для Вашингтона является, наверное, даже малейшая вероятность того, что силовая акция американцев в Корее может подтолкнуть Китай к возобновлению военно-политического союза с Россией, пусть даже отдаленно напоминающего военно-политический союз бывшего СССР с КНР.

Китай располагает широким арсеналом средств для того, чтобы сохранить КНДР в качестве буфера между собою и США на полуострове. Пекин, в

частности, является единственным союзником Северной Кореи, сохраняющим с ней военно-политический договор.

Поэтому согласие китайцев на "наказание" КНДР американцы пытаются выторговать посулами, что после этого войска США не будут размещаться севернее 38-й параллели или все дело ограничится, мол, точечными ударами по ядерным объектам КНДР. Одновременно американцы всячески стараются посеять отчуждение и недоверие между северокорейцами и китайцами, подчеркнуто расточая комплименты, в том числе на высшем уровне, по поводу той конструктивной роли, которую якобы демонстрирует КНР в ходе нынешнего кризиса.²⁵

Но китайцы не могут пожертвовать Северной Кореей. Те, кто недоумевает, почему им не сделать бы это в обмен на Тайвань или на возможное улучшение отношений с США "не понимают", что после утраты Китаем Северной Кореи американцы займут гораздо более жесткие позиции в отношении КНР, и не в последнюю очередь потому, что фактически обретут потенциал "первого удара" по Китаю с корейского плацдарма.

В свете указанных интересов в Корее Пекин, несмотря на недовольство ядерными амбициями и другими действиями Пхеньяна, по-видимому, и впредь будет стараться использовать все имеющиеся в его распоряжении политико-дипломатические методы и экономические ресурсы для обеспечения выживания КНДР. В то же время китайцы будут всячески побуждать северокорейцев к сдержанности во внешней политике и экономическим преобразованиям, которые облегчили бы политическое и экономическое бремя Китая по поддержке режима.

Новое руководство КНР, делающее ставку на создание благоприятных внешних условий для дальнейшего развития страны, уже продемонстрировало, что оно более чем когда-либо прежде, готово активно воздействовать на Пхеньян. Представитель КНР в МАГАТЭ 12 февраля 2003 г. проголосовал за резолюцию о передаче вопроса о ядерной программе КНДР на рассмотрение СБ ООН. В том же месяце китайцы, по некоторым сообщениям, перекрыли "по техническим причинам" на несколько дней единственный нефтепровод между двумя странами, послав тем самым Пхеньяну ясный сигнал о своем недовольстве его поведением в ядерном вопросе.

С учетом позиции КНР какая-либо военная операция, тем более наземная, США и их партнеров против КНДР маловероятна, а без нее цели силового воздействия - недостижимы.

Россия предприняла ряд активных усилий для координации своих действий по урегулированию северокорейской ядерной проблемы, поддерживая постоянные контакты с другими заинтересованными сторонами. Наиболее естественным, в силу совпадающих или весьма близких целей в Корее, представлялось согласование действий на этом направлении с КНР.

Вместе с тем, как показало голосование 12 февраля 2003 г. в Совете управляющих МАГАТЭ по вопросу о передаче вопроса о ядерной программе КНДР на рассмотрение Совета Безопасности ООН, где КНР поддержала это решение, а Россия и Куба воздержались — до полной координации политики двух стран на корейском направлении еще далеко. Ряд обозревателей расценили действия китайцев как "неприятный сюрприз" для России.²⁶

Стороны предприняли попытку исправить эту ситуацию во время визита министра иностранных дел И.Иванова в Пекин в феврале 2003 г. путем принятия беспрецедентного совместного коммюнике министров иностранных дел РФ и КНР о ситуации на Корейском полуострове 27 февраля 2003 г. Не отрицая в принципе многостороннего подхода к решению проблемы, Москва и Пекин тем не менее считают, что существо ее заключается в американско-северокорейских противоречиях и поэтому подчеркивают важное значение для

урегулирования ситуации “конструктивного и равноправного диалога” между КНДР и США, а также продолжение активного диалога и дальнейшее развитие сотрудничества между Севером и Югом Кореи. Характерно, однако, что о сотрудничестве двух стран по корейской проблеме в этом документе не говорилось.²⁷

Окончательное согласование позиций России и КНР по этому вопросу произошло, видимо, во время визита нового китайского лидера Ху Цзинтао в Россию и его переговоров с В. Путиным 27 мая 2003 г. в Кремле. В принятой по итогам визита Совместной декларации Россия и Китай заявили, что “сохранение мира и стабильности на Корейском полуострове отвечает интересам безопасности двух стран, а также общим чаяниям международного сообщества”. Они отвергли как “неприемлемые” сценарии силового давления либо применения силы для решения существующих там проблем и высказались за использование политико-дипломатических методов.²⁸

Безусловно, приоритетом сторон является обеспечение безъядерного статуса Корейского полуострова и соблюдение там режима нераспространения оружия массового уничтожения. Вместе с тем, подчеркнули оба руководителя, “одновременно должна быть гарантирована безопасность КНДР и созданы благоприятные условия для ее социально-экономического развития”. Стороны заявили о намерении продолжить “тесное сотрудничество” в интересах мира, стабильности и развития на Корейском полуострове.²⁹

Эта позиция была подтверждена в ходе восьмой регулярной встречи глав правительств России и Китая, состоявшейся 24 сентября 2003 г. в Пекине.³⁰

6. Есть ли перспективы у переговоров по корейскому урегулированию?

С самого начала обострения ситуации вокруг северокорейских ядерных программ Россия не выдвигала принципиальных возражений против многостороннего формата, хотя и считала, что главная ответственность за достижение договоренности лежит на США и КНДР. Москва давала понять, что она готова приветствовать любой формат переговоров и любую договоренность, лишь бы они принесли мирное урегулирование проблемы.³¹

Мнения по поводу целесообразности участия России в многосторонних переговорах разделились. Некоторые рассматривали неприглашение России на встречу в апреле 2003 г. в Пекине как неудачу. Другие же заранее предупреждали, что многосторонний формат имеет смысл лишь тогда, когда он предусматривает выработку общеприемлимой формулы безопасности для всех его участников, а не задумывается как некий трибунал, который должен санкционировать авторитетом международного сообщества ультиматум, а затем и “наказание” КНДР.³²

С идеей многостороннего форума с целью всеобъемлющего урегулирования в Корее Россия выступила еще в 1994 г. Однако в то время в корейских делах с мнением Москвы было принято не считаться. До последнего момента никто не спешил приглашать нас принять участие и в нынешних переговорах: еще в конце июля 2003 г. США заявляли, что сообщат о своих встречных предложениях по урегулированию северокорейской ядерной проблемы только в случае согласия КНДР на пятисторонние переговоры, где участие России не предусматривалось.

Попытка американцев сорвать миссию российского спецпредставителя в Пхеньяне в январе 2003 г. путем “утечки” информации о совместной работе СВР и ЦРУ против КНДР достаточно наглядно продемонстрировала истинное отношение США к российскому участию в решении азиатских проблем. То же самое можно сказать о распространенном агентством АП со ссылкой на нена-

званные американские источники сообщении, будто Россия помогала КНДР со- здавать баллистические ракеты, способные достигать территории США.³³

Наше отношение к встречам в Пекине должно, очевидно, учитывать за- дачи укрепления мира и безопасности в стратегически важном районе, непо- средственно граничащим с Россией, готовность других их участников считать- ся с законными интересами России, а также перспективы самих переговоров. Последние пока выглядят, по мнению большинства обозревателей, весьма не- однозначными вследствие зачастую диаметрально противоположных позиции ряда участников, в первую очередь США и КНДР.

Официально США добиваются от КНДР в первую очередь отказа от ее военной ядерной программы и других видов ОМУ и средств их доставки, лик- видации или вывоза соответствующего оборудования и материалов и инспек- ций по масштабам и глубине схожих с проводившимися в Ираке. Кроме того, в списке американских претензий могут оказаться вопросы экспорта ракет и ра- кетных технологий, отвода вооруженных сил КНДР от демилитаризованной зоны, приписываемых Пхеньяну поддержки международного терроризма, экс- порта наркотиков и фальшивых долларов, соблюдения прав человека.

Северокорейцы вроде бы не прочь учесть озабоченности американцев, касающиеся ОМУ, однако взамен требуют надежных гарантий безопасности и устранения помех для их экономического развития. Последнее прежде всего касается снятия американских экономических санкций, которые препятствуют получению Пхеньяном займов от международных финансовых институтов и тем самым мешают решению жизненно важной для выживания режима зада- чи — модернизации экономики. Однако на остальные американские требова- ния у них, вероятно, припасены свои контраргументы — вывод войск США из РК, обеспечение “равного статуса” всем участникам переговоров, т.е. призна- ние КНДР де-юре со стороны США и Японии еще в ходе переговоров, до за- ключения соглашения.

Рассматривая шансы на достижение успеха на начавшихся перегово- рах, представляется также нелишним обратиться к состоявшимся в конце ию- ля 2003 г. в обеих частях Кореи и ряде других стран мероприятиям по случаю 50-летия окончания Корейской войны. А они показали, что участники этого конфликта и полвека спустя сохраняют глубокие разногласия по поводу его причин и итогов. В отличие от то и дело кающихся россиян, формально в вой- не, кстати, не участвовавших, никто из непосредственно сражавшихся сто- рон — США, КНР, КНДР и РК — этого делать отнюдь не собирается. Напро- тив, каждая из них утверждает и продолжает заявлять, что ее дело — “пра- вое”. Эта пропасть в оценках заставляет задуматься о том, что, если стороны не продвинулись ни на шаг к примирению по поводу случившегося полвека назад, то много ли шансов на то, что ими будет найден компромисс по нынеш- ним острейшим проблемам обеспечения режима нераспространения и предот- вращения нового конфликта в Корее.³⁴

Но даже если соглашение будет достигнуто, то это будет означать, что сделан лишь первый шаг на долгом и трудном пути. Ибо миной, способной взор- вать самую замечательную договоренность, может стать проблема верифика- ции. Выработка единой позиции всех шести участников по этому вопросу мо- жет оказаться особенно трудной. Обнаружение летом 2003 г. в атмосфере над КНДР криптона-85, местонахождение источника которого неизвестно, ставит перед американцами задачу досмотра всех 11-12 тысяч подземных объектов КНДР. Ведь карты Пентагона на этот счет удручающе неполны. А КНДР, в от- личие от Ирака, войны не проигрывала и на обыски может не согласиться. К тому же, как показал иракский опыт — инспекции — это не гарантия от бом- бежек, а, скорее, прелюдия к ним.

Пока мало признаков того, что США действительно хотели бы поискать компромисс. Ведь даже такой явно не относящийся к “голубям” деятель, как бывший министр обороны США У. Перри признал, что администрация Дж.Буша и не помышляет о серьезном диалоге с Пхеньяном и рассчитывает “продать” свои требования с помощью разного рода санкций и даже блокады. По его мнению, переговоры нужны “ястребам” в администрации Буша всего лишь для того, чтобы показать, что с КНДР, мол, невозможно договориться и усилить давление на Пхеньян.³⁵

Свидетельством тому стали ожесточенные нападки заместителя госсекретаря США Дж.Болтона на КНДР и ее руководство в Сеуле на следующий день после согласия северокорейцев на “шестисторонку”. Эскападу американского дипломата по всем международным меркам нельзя расценить иначе как сознательную провокацию “ястребов” в администрации Буша с целью срыва переговоров. Ставка делалась на то, что Пхеньян, как это уже не раз бывало раньше, откажется вести диалог с теми, кто допустил персональные выпады в адрес северокорейского лидера. В ряду столь же неконструктивных шагов, явно не способствующих созданию нормальной обстановки для продолжения переговоров — угрозы министра обороны США применить против КНДР ядерное оружие, а также навязанное американцами КЕДО решение заморозить с 1 декабря 2003 г. на один год строительство АЭС в КНДР.

Новые свидетельства того, что американские неоконсерваторы не мыслят себе иного способа решения корейских проблем, кроме силового, содержатся в вышедшей в США в начале 2004 г книге Р.Перла и Д.Фрума “Со злом покончено”. Авторы, претендующие на то, что их рецепты должны определить внешнеполитическую повестку второго срока администрации Дж.Буша, призывают к установлению воздушной и морской блокады КНДР по типу той, что была применена против Кубы.³⁶

Так что многосторонние переговоры пока что, похоже, всего лишь ширма, за которой США пытаются скототить новую, теперь уже антисеверокорейскую “коалицию желающих” помочь, или уж, по крайней мере, не мешать им добиться смены режима еще в одной стране.

Поэтому для России очень важно не оказаться одной из створок этой ширмы в расчете на некоторые возможные встречные шаги со стороны США, которых мы уже не в первый раз тщетно ожидаем. Дело в том, что американцы действуют в полном соответствии с новой доктринальной установкой: “Цель определяет коалицию, а не коалиция — цель”.³⁷ Отношение нынешней американской администрации к общему-то оказавшейся довольно безобидной “фронде” Франции и Германии по поводу событий в Ираке показало, что надежды тех, кто рассчитывает на некое даже внешнее подобие равноправного партнерства с США — иллюзорны. Вашингтон намерен иметь дело лишь с теми, кто безоговорочно поддерживает американские цели. Те же, кто создает помехи на пути их достижения или просто перестают быть полезными, будут игнорироваться или...устраняться. Как явствует из событий вокруг Ирака, а также из того, каким образом США строят свои отношения с рядом бывших советских республик Средней Азии и Закавказья, друзья и враги Америки определяются теперь по принципу их нужности для решения тех или иных текущих задач американской внешней политики, а не исходя из их прошлых заслуг или степени демократичности тех или иных стран.

Для успеха переговоров ключевое значение имеет ответ на вопрос, чего же намерены добиваться США — ограничат ли они свои требования нераспространенческой тематикой или попытаются использовать переговоры для создания предпосылок для смены режима в КНДР. В последнем случае появление КНДР с ядерным оружием представляется практически неизбежным.

Сохраняющееся между КНДР и США глубокое недоверие, видимо, не оставляет другого пути к решению проблемы, кроме реализации целой серии тщательно увязанных и синхронизированных шагов, призванных поэтапно и одновременно снижать уровень их озабоченности действиями и политикой друг друга. Именно такой подход поддерживается Пхеньяном и пока не принимается Вашингтоном.

Тем не менее, в Москве считают, что первый раунд «шестисторонки» оказался «полезным» и выступили за продолжение переговоров.³⁸ Эту позицию подтвердил президент В.Путин в ходе состоявшегося в октябре 2003 г. в Таиланде очередного саммита АТЭС.

Однако практическое отсутствие прогресса на втором раунде «шестисторонки», прошедшем 25-28 февраля 2004 г.в Пекине, заставило главу российской делегации замминистра РФ А.П.Лосюкова выразить опасение, что застой на переговорах «неизбежно приведет к нарастанию военно-политической угрозы в регионе» и даже чреват «опасным взрывом» ситуации. Он отметил, что российская сторона продолжает контакты с северокорейским руководством с целью содействия успеху переговоров.³⁹

Не следует заблуждаться и насчет причин, повлекших внезапный разворот Пхеньяна в сторону России. Безусловно, в этом есть заслуга и российской дипломатии. Однако главную роль сыграло, похоже, окончательное разочарование северокорейцев в позиции Пекина. Вряд ли случайно, что приглашение России последовало сразу же после телефонного разговора Дж.Буша с Ху Цзинтао, позицию которого по ядерной проблеме КНДР американский президент стал тут же расхваливать публично.

О серьезном охлаждении отношений между КНДР и КНР свидетельствуют масса признаков. Из последних — ненаправление Пекином делегации в Пхеньян на празднование 50-летия окончания Корейской войны, осуждение на 18 лет китайского бизнесмена, которого Ким Чен Ир назначил руководителем специального административного района на границе с Китаем. Обращаясь к Москве, Пхеньян фактически открыто просигнализировал, что он больше не доверяет Пекину как своему союзнику и защитнику. Пытаясь противопоставить прагматизму Китая великодушие России, северокорейцы явно надеются разбудить некогда довольно острое соперничество двух соседних гигантов в Корее.

По ряду объективных причин у Пекина оказались гораздо более высокие ставки на Корейском полуострове, чем у Москвы. И это нам на руку. В этих обстоятельствах для нас вполне допустимо и даже выгодно соизмерять свою реакцию на происходящее там с действиями китайцев. Тем более что на данном этапе интересы России и КНР в Корее в основном совпадают — приоритетом для обеих является недопущение военного конфликта. При этом Москве не стоит опасаться сколько-нибудь серьезных политических потерь в КНДР, так как вполне естественное лидерство Пекина в урегулировании нынешней ситуации сделает и уже делает (приглашение Москвы на «шестисторонку») российскую альтернативу для Пхеньяна еще более ценной.

В решении Пхеньяна «вспомнить» о Москве есть, видимо, еще один расчет. КНДР добивается гарантий безопасности со стороны США потому, что она фактически утратила таковые со стороны России и КНР. Не питая, по-видимому, особых иллюзий на получение надежных обязательств на этот счет со стороны администрации Буша, в Пхеньяне, не исключено, рассчитывают на то, что во имя достижения компромиссного решения Россия и КНР пойдут на возобновление, гарантий политического суверенитета КНДР, или, на худой конец, дополнят американские гарантии в том случае, если Пхеньян сочтет их недостаточными.

Россия выступает за выработку таких международных гарантий КНДР, которые были бы приняты Пхеньяном и привели к денуклеаризации Корейского полуострова, заявил в Бангкоке В.Путин. В то же время, считает он, говорить в практическом плане о предоставлении гарантий “пока рано”. “Если мы хотим, чтобы гарантии были эффективными, они должны быть хорошо проработаны и приняты (северо)корейской стороной”, — сказал Президент России, пояснив, что он подразумевает под словами “хорошо проработаны”: “Те стороны, которые готовы предоставить гарантии, должны четко и ясно сформулировать свою позицию — какие именно гарантии они готовы предоставить”⁴⁰

Но, судя по реакции КНДР на идею многосторонних гарантий, этот вариант пока северокорейцами держится в запасе, на крайний случай. Во-первых, Пхеньяну гарантии Пекина и Москвы не очень то и нужны, так как он никакой угрозы со стороны РФ и КНР, по-видимому, не ощущает. Во-вторых, в Пхеньяне опасаются, что его согласие на такие гарантии избавит Вашингтон от необходимости взять на себя должные обязательства в отношении безопасности КНДР и тем самым помешает северокорейцам продвинуться к цели, которой они уже давно добиваются — нормализации отношений с США.

России стоит тщательно подумать над тем, стоит ли ей давать кому-либо гарантии безопасности. Во-первых, Москва уже пообещала не участвовать в каких-либо союзах против КНДР в двустороннем договоре от 2000 года. Вряд ли есть смысл заниматься политической тавтологией. Пусть гарантии дают те, чьи действия привели к возникновению нынешней кризисной ситуации.

Во-вторых, нам нужно учитывать, что Россия, по известным причинам, утратила то место во внешней политике КНДР, которое принадлежало Советскому Союзу. Даже в те времена Пхеньян старался строить свои отношения с Вашингтоном без оглядки на Москву и учета интересов ее безопасности, как это случилось во время теперь уже почти забытого кризиса с захватом северокорейцами американского разведывательного корабля “Пуэбло” в 1968 г.⁴¹

Та же самая ситуация повторяется в наши дни в связи с северокорейской ядерной программой. В нынешней обстановке исключать возможность самых неожиданных “разворотов” в поведении КНДР было бы крайне непредусмотрительно. Поэтому, полагают некоторые российские эксперты, степень поддержки, на которую может рассчитывать КНДР со стороны России, видимо, должна быть прямо пропорциональна уровню нашей информированности о планах Пхеньяна и его готовности консультироваться с нами хотя бы по вопросам, непосредственно затрагивающим интересы безопасности РФ.⁴²

В противном случае не исключено, что при разрешении нынешней ситуации в Корее Россия вполне может воспользоваться “формулой Путина”, изложенной российским президентом в связи с событиями в Ираке: Напомнив, что “Россия в течение последнего времени — а кризисов за последнее время было много — ни разу не позволяла роскоши быть напрямую втянутой в один из этих кризисов,” он пообещал, что и впредь будет делать все, что в его силах, чтобы этого не произошло.⁴³

В целом же, как представляется, Москве вряд ли стоит впадать в эйфорию по поводу участия в предприятии с явно несопадающими, а зачастую и с прямо противоположными целями участников, неясным мандатом, неопределенными сроками и еще менее определенным результатом.

7. Заключение

Представляется, что в этих обстоятельствах только принципиальная линия на поиск взаимоприемлемых компромиссов, учитывающих интересы как сохранения режима нераспространения, так и безопасности всех вовлеченных

сторон, могла бы обеспечить Москве уважение и доверие тех участников урегулирования, которые действительно заинтересованы в мирном решении вопросов, и, прежде всего — обоих корейских государств.

России не стоит забывать о том, что согласно Договору о дружбе, добрососедству и сотрудничестве между РФ и КНДР, подписанному в 2000 г. и Совместной российско-корейской декларации, принятой по итогам саммита в Пхеньяне летом 2000 г. обе стороны обязались “воздерживаться от... участия в каких-либо действиях или мероприятиях, направленных против суверенитета, независимости и территориальной целостности другой стороны”. Игнорирование этих обязательств и особенно обстоятельств, при которых они были нами взяты, вряд ли добавит авторитета нашей внешней политике и пополнит ряды тех, кто будет на нас рассчитывать в трудную минуту.

Нам надо четко осознавать, что выступление России единым фронтом с США против КНДР, участие в каких-либо антисеверокорейских коалициях означали бы возврат к нашей дипломатии на Корейском полуострове первой половины 90-х годов. Тогда у Москвы, в общем-то, не было своей позиции, и она спешила с санкциями в отношении КНДР чуть ли не поперед Вашингтона. Если Россия снова начнет следовать такой линии, то она окончательно потеряет доверие на Севере Кореи, влияние на Юге полуострова, да и на Западе с нами в корейских делах опять перестанут считаться.

Нетрудно представить, как скажется подобный зигзаг на восприятии внешней политики России за рубежом. В своем стремлении следовать якобы “прогрессивным тенденциям” в международных отношениях и “успеть на поезд”, ведомый американскими неоконсерваторами, как становится все более ясно, в тупик, некоторые наши деятели напрочь упускают из виду главное — в национальных интересах России — мирное разрешение нынешнего кризиса. Нам не нужно удлинение дуги нестабильности по периметру наших границ до Дальнего Востока и тем более — “горячая война” прямо на наших рубежах.

Не стоит и забывать о том, что поведение России в ходе нынешнего кризиса внимательно отслеживается не только его непосредственными участниками. Поэтому безгласная сдача наших позиций в Корее, а тем более молчаливое потворство тем силам в США, которые вознамерились установить военно-политический контроль над всем Корейским полуостровом, окончательно сведет на нет восприятие России не только как мировой, но и даже как региональной державы, способной отстаивать свои интересы. Это, как следствие, приведет к самым неблагоприятным последствиям для международных позиций Москвы, в том числе в т.н. странах ближнего зарубежья.

Безопасность наших дальневосточных регионов и их жителей напрямую зависит от того, как будут развиваться события в Корее. Ведь в случае конфронтации между США и КНДР радиоактивные облака от корейских чернобыллей, в число которых надо включить более десятка южнокорейских АЭС, которые могут быть разрушены, и потоки беженцев вряд ли достигнут заокеанских берегов, зато почти наверняка осядут на российской и соседней, китайской земле. И не окажутся ли вновь “устаревшими”, как в случае с китайским посольством в Белграде, карты, по которым будут наводиться на цели американские “томагавки”?

Силовой вариант чрезвычайно опасен также потому, что вероятность применения ОМУ в Корее потребует приведения в полную боевую готовность наших ПРО и ПВО и даже ядерных сил сдерживания. То же самое будет вынужден сделать и Китай. Причем нам и китайцам придется поступить так потому, что в случае подготовки военной акции на это еще прежде нас пойдут США из-за опасений получить ответный удар КНДР.

Нетрудно представить, какая напряженная обстановка сложится в регионе и во всем мире, когда три крупнейшие ядерные державы (а значит и их союзники) окажутся в полной готовности к ядерному конфликту, а США сосредоточат группировку, подобную той, которую они собрали против Ирака, непосредственно у границ России на Дальнем Востоке. Любая случайность может обернуться катастрофой. А тот факт, что во время последней войны в Ираке американские бомбы и ракеты были найдены на территории почти всех соседних стран подтверждает, что нельзя исключить повторения таких инцидентов при подобных операциях.

В случае конфликта можно будет поставить крест и на осуществлении международных нефтяных, газовых, транспортных и иных проектов в этом регионе, с реализацией которых мы связываем надежды на социально экономическое развитие нашего Дальнего Востока. Сама угроза конфликта может резко усилить отток населения из этих районов. В случае же его развязывания демографическая ситуация там может стать просто катастрофической.

И, наконец, если первая корейская война окончательно похоронила антигитлеровскую коалицию, то второй крупномасштабный конфликт в Корее может окончательно добить едва начавшуюся утвердаться, а затем подорванную нападением США на Ирак антитеррористическую коалицию, о сохранении которой мы почему-то печемся, похоже, больше всех, и "подарить" Азии и миру новое издание "холодной войны".

Не исключено поэтому, что реакция Москвы на попытку США применить силу в Корее может оказаться гораздо более жесткой, нежели это произошло в случае с Ираком, с которым ни Россия, ни Китай общей границы не имеют. При этом Москва может рассчитывать на поддержку и, возможно, на взаимодействие с Пекином, а также на понимание своей позиции в Южной Корее и даже в Японии, которые могут стать ареной военного конфликта в результате ответного удара КНДР. Никто из американских союзников в регионе не хочет рисковать своим столь тяжким трудом заработанным благополучием во имя удовлетворения геополитических амбиций США.

История международных отношений на Дальнем Востоке за последние полвека достаточно убедительно продемонстрировала, что прочный мир и стабильность в регионе могут быть обеспечены лишь при условии достижения разумного компромисса и учета законных интересов безопасности всех расположенных там государств. Вряд ли иной подход к решению существующих в регионе проблем, в том числе корейской, может встретить поддержку со стороны России.

1. См. текст Рамочных договоренностей: ЦТАК. 1994. 22 октября.
2. Там же.
3. См. текст письма Б.Клинтона Ким Чен Иру: ЦТАК. 1994. 22 октября.
4. Turning Point in Korea. New Dangers and New Opportunities for the United States. Report of the Task Force on U.S. Korea Policy. Selig S.Harrison, et.al. Chicago. February, 2003. P.8.
5. ЦТАК. 1994. 22 октября.
6. ЦТАК. 1991. 31 декабря.
7. Нодон синмун. 1993. 12 июня.
8. Российская газета. 2003. 24 апреля.
9. Korea Unification Bulletin: Ministry of Unification of the Republic of Korea. No.52. Seoul, February, 2003. P.7; Интервью министра объединения РК Чон Се Хена агентству Ренхап 21 декабря 2003 г. http://www.yonhapnews.co.kr/ynaweb/printpage/News_Content.asp
10. Жебин.А.З. О возможных сценариях развития ситуации на Корейском полуострове// Корейский полуостров и вызовы XX века: ИДВ РАН. Москва, 2003. С. 40.

11. Независимая газета. 2003. 24 марта.
12. См.: Известия. 1994. 24 июня; Новый вызов после "холодной войны": распространение оружия массового уничтожения. Доклад СВР. М., 1993. С. 92-93.; Договор о нераспространении ядерного оружия. Проблемы продления// Доклад СВР. М., 1995. С. 26.
13. [Http://www.nescientist.com/news/print.jsp?id=ns99994594](http://www.nescientist.com/news/print.jsp?id=ns99994594)
14. Заявление МИД РФ в связи с намерением КНДР выйти из Договора о нераспространении ядерного оружия. 10 января 2003 г. // <http://www.mid.ru>
15. Выступление делегации Российской Федерации на второй сессии Подготовительного комитета Конференции 2005 г. по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия (Женева, 28 апреля 2003 г.) <http://www.mid.ru>
16. РИА-Новости. 2003. 2 октября.
17. Заявление для прессы и ответы на вопросы Президента России В.В.Путина на совместной пресс-конференция с Президентом США Дж.Бушем. Санкт-Петербург, 1 июня 2003 года. // <http://www.mid.ru>
18. Там же.
19. Выступление Президента РФ В.Путина на пресс-конференции по итогам саммита "восьмерки" в Эвиане. 3 июня 2003 г. // <http://www.president.kremlin.ru>
20. Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Москва. 27 мая 2003 г. // <http://www.mid.ru>
21. Павлов.Н. Война в Ираке. Некоторые выводы для внешней политики // Международная жизнь. Москва, 2003. № 5. С. 12.
22. Время-МН. 2003. 5 июня.
23. Remarks by President Bush and Russian President Putin in Camp-David // <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2003/09/20030927-2.html>
24. Независимая газета. 2003. 28 апреля.
25. Bush Urges Multilateral Efforts on North Korea // <http://usinfo.state.gov/2003/03/07>.
26. Независимая газета. 2003. 23 апреля.
27. Совместное коммюнике министров иностранных дел РФ и КНР о ситуации на Корейском полуострове. 27 февраля 2003 г. // <http://www.mid.ru>
28. Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики. 27 мая 2003 г. // <http://www.mid.ru>
29. Там же.
30. Совместное коммюнике по итогам восьмой регулярной встречи глав правительств России и Китая Пекин, 24 сентября 2003 г. // <http://www.mid.ru>
31. МИД РФ. Сообщение для печати "Относительно сообщений о возможных переговорах по корейской проблеме в Пекине". 2003. 17 апреля. // <http://www.mid.ru>
32. Независимая газета. 2003. 11 апреля.
33. Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с вопросом СМИ относительно сообщения агентства "Ассошиэйтед Пресс" по поводу утверждений неназванных американских источников о якобы имеющем место содействии КНДР со стороны России в разработке баллистической ракеты большой дальности, способной достигать территории США. 2003. 12 сентября. // <http://www.mid.ru>
34. Время-МН. 2003. 25 июля.
35. The Washington Post. 2003. July 15.
36. <http://lenta.ru/terror/2004/01/13/phase/>
37. Q&A with Donald Ramsfeld // Chicago Sun-Times. 2001. November, 18.
38. МИД РФ. Сообщение для печати. О шестисторонних переговорах в Пекине. 2003. 29 августа. // <http://www.mid.ru>
39. Независимая газета. 2004. 5 марта.
40. РИА Новости. 2003. 21 октября.
41. Tkachenko.V. Lessons of the Pueblo Crisis // The Korean Journal of Defense Analysis. Vol. V, No.2. Seoul. Winter,1993. PP. 224-225.
42. Ткаченко. В.П. Перспективы межкорейского диалога и безопасность в регионе// Корейский полуостров и вызовы XXI века: ИДВ РАН. Москва, 2003. С. 77.
43. Заявление для прессы Президента России В.В.Путина по иракской проблеме. Ново-Огарево 3 апреля 2003 г.// <http://www.mid.ru>.

Глобализация и корейская проблема

© 2004

В. Михеев

"Холодная война" ушла в прошлое, однако, Корейский полуостров продолжает жить по ее законам. И дело не только в укоренившихся конфронтационных стереотипах поведения пхеньянского руководства, но и в том, что другие страны, причастные к корейскому конфликту, еще не до конца избавились от прежнего политического мышления. Еще не увидели те возможности, которые дает подход в контексте экономической и политической глобализации Корейской проблеме.

Цель данной работы состоит в том, чтобы взглянуть на корейский кризис через призму глобализации и предложить новые механизмы его решения.

Что отличает подходы к Корейской проблеме в эпохи "холодной войны" и глобализации?

В идеологии: социализм, как "мировая система", претендующая на универсальность, себя изжил. У стран СВА, главных "игроков" на корейском поле — США, Японии, Южной Кореи, России и, хотя и с оговорами, Китая (СВА-5) есть единое видение рыночно — демократической и плюралистической глобальной перспективы. Северная Корея же продолжает оставаться в политической системе вождизма, национализма и казарменного коммунизма.

Отсюда следует несколько выводов. Во-первых, никто из бывших союзников Северной Кореи (Россия и Китай) не будет защищать КНДР по идейно-политическим соображениям. Во-вторых, хотя это официально и не признано политиками, но очевидно, что у северокорейского режима нет исторической перспективы и вопрос его "естественной кончины" — лишь вопрос времени. В-третьих, опять же пусть и без официального признания, не менее очевидно, что, исходя из логики глобализации, единственным реальным вариантом объединения Севера и Юга Кореи может быть только поглощение КНДР и принятие ею законов и условий экономической и политической жизни в Южной Корее.

Политически: Россия и Китай более не являются военными союзниками КНДР, и не будут военными средствами защищать Северную Корею в случае военных действий. У Москвы уже нет военного договора с Пхеньяном. Пекин, имея такой договор и являясь подписантом (вместе с Пхеньяном и Вашингтоном — от имени ООН) Соглашения о перемирии от 1953 года, находится в более щекотливой ситуации. Однако, и он дал понять Пхеньяну, что КНДР не должна рассчитывать на военную поддержку Китая в случае военного конфликта в Корее. Пекин не может поддержать Пхеньян в войне, поскольку это резко обострило бы китайско-американские отношения с угрозой для китайской экономики и социально-политической стабильности Китая. Однако, в этом случае Китай "теряет лицо", отказываясь от своих формальных обязательств. С другой стороны, Пекин опасается, что в случае коллапса северокорейского режима, Китай столкнется с крупномасштабной гуманитарной катастрофой на

своих северо-восточных границах. Отсюда и нынешняя настойчивость Китая в подталкивании КНДР к рыночным преобразованиям и решению нынешнего ядерного кризиса через международный диалог.

На что может рассчитывать Пхеньян политически, так это на дозированную поддержку его позиции со стороны Москвы и Пекина на международных форумах. В случае Москвы, работает старая логика российской дипломатической бюрократии, продолжающей “по привычке” смотреть на Северную Корею как на “старого союзника”. В случае Пекина — это уже упомянутая боязнь гуманитарной катастрофы и отсутствие ясного видения того, как можно было бы обеспечить “мягкую посадку” северокорейского режима.

Экономически: КНДР не получает никакой помощи от своего в прошлом главного донора — России, и не может опираться на дозированную и значительно меньших объемов, чем прежде, помощь Китая. С другой стороны, любая экономическая помощь КНДР со стороны новых доноров (Южная Корея, США, ЕС, Япония) без адекватных рыночных реформ и открытости экономики Северной Кореи будет неэффективна, поскольку командно — административная хозяйственная система КНДР не может полноценно вписаться в рыночную среду СВА.

Исторически: в условиях глобализации и в отличие от времен “холодной войны”, вопрос не в соревновании “двух систем” (мировой социализм, а вместе с ним и северокорейский социализм проиграл), не в том, “кто победит” — Север или Юг. Вопрос в другом: как скоро “рухнет” северокорейский режим? Какова будет цена этого краха, которую должны будут заплатить северокорейский народ и СВА-5? Как долго и с какими издержками будет происходить поглощение Севера Югом?

И ответы на эти вопросы должна дать не История, а страны причастные к корейской проблеме — страны СВА-5. Чем более скоординированными и проработанными будут действия “пятерки” в случае северокорейского “обвала”, тем больше шансов на “мягкую посадку” северокорейского режима.

В чем главные практические препятствия решению Корейской проблемы по логике глобализации?

Раньше, во времена “холодной войны”, главным препятствием корейскому урегулированию было глобальное противостояние “двух систем”, каждая из которых в лице своих лидеров — СССР и США — стремилась закрепить собственные позиции на Корейском полуострове, поддерживая одну или другую конфликтующие стороны. Ситуация обострялась советско-китайским противоборством внутри “мировой социалистической системы” и амбициозным желанием и Севера, и Юга объединить страну — на словах на невятных принципах “конфедеративного национализма”, а на деле — на собственных общественно-политических условиях.

С дипломатической точки зрения, выходом из ситуации могло бы стать “перекрестное признание”, которое заменило бы политически “зыбкое” Соглашение о перемирии от 1953 г. на дипломатические отношения Китая и России с Южной, а США и Японии с Северной Кореей. Первой на такую формулу согласился Сеул, уже к середине 70-х годов явно выигрывавший экономическое соревнование с Пхеньяном. Последний же увидел в новой формуле не более чем крах “культовой” идеи “объединения Родины” под руководством Ким Ир Сена.

Теперь, в эпоху глобализации, главное препятствие урегулированию в Корее состоит в отсутствии единства взглядов на то, каким должен быть сценарий, “дорожная карта”, если угодно, решения Корейской проблемы. И если разногласия между КНДР и СВА-5 носят системный характер и являются непримиримыми, то разногласия внутри СВА-5 сегодня имеют гораздо больше шансов на разрешение, чем в годы “холодной войны”.

Позиция *Северной Кореи* проста и понятна: Ким Чен Ир считает себя “вечным вождем” и не мыслит себя вне этой роли. Северокорейская дипломатия оперирует не категориями политического компромисса (в представлении Пхеньяна, если оппонент идет на уступки, значит, он проявляет слабость, а если он проявляет слабость, то на него надо “нажать”), а категориями блефа и шантажа. В нынешней ситуации — *ядерного* блефа и шантажа. Пхеньян не готов разговаривать с СВА-5 на том “международном языке”, на котором страны “пятерки” общаются между собой.

Слабость *южнокорейской позиции* (да простят меня в Сеуле за, возможно, резкое определение, но вещи хорошо называть своими именами) — в политическом лицемерии. Сеул говорит об объединении на каких-то мифических компромиссно — конфедеративных основах. Хотя абсолютно ясно, что южнокорейское общество не примет никаких “элементов” из северокорейской экономической и политической системы и не примет никакой иной основы объединения, кроме как рыночно — демократической, существующей сегодня в Южной Корее.

Вслед за Южной Кореей, все остальные страны СВА-5 также не могут пока избавиться от политического лицемерия, на словах говоря об “объединении”, но имея в виду именно “поглощение” обанкротившейся северокорейской общественно-политической системы южнокорейской рыночной демократией.

В *политико-юридическом* аспекте, в условиях глобализации, полностью исчерпала себя нынешняя система поддержания мира в Корее — базирующаяся на Соглашении о перемирии от 1953 года и не создающая легитимных основ для внутрикорейского диалога. Китай и США не готовы пока поставить вопрос о пересмотре Соглашения. США не готовы к дипломатическому признанию Пхеньяна. Сеул и Пхеньян не готовы к установлению дипломатических отношений друг с другом, несмотря на то, что обе эти страны являются членами ООН и других международных организаций в качестве суверенных государств. Формально сторонам “мешают” их конституции, каждая из которых рассматривает оппонента как часть своей территории и своего государства.

Что произошло в Пекине?

Если с точки зрения глобальной перспективы корейский вопрос весьма понятен: северокорейский режим рухнет, а СВА-5 обладают, гипотетически, финансовыми и другими возможностями для обеспечения его “мягкой посадки”, то, с точки зрения текущей политики, ядерный блеф и ядерный шантаж КНДР продолжают держать в напряжении остальные страны.

Шестисторонняя встреча в Пекине в августе 2003 г. закончилась, как это ни парадоксально звучит, в пользу Северной Кореи. Собственно, уже сам факт, что все остальные участники “радовались” тому обстоятельству, что Пхеньян “все-таки согласился” на встречу, и что северокорейский представитель приехал в Пекин последним (“все они меня ждут!”) создали исходно неблагоприятную атмосферу. Пхеньян расценил “радость” оппонентов как их стремление к компромиссу, что рассматривается руководством КНДР как сигнал для продолжения давления. Что, собственно, Пхеньян и сделал. Он не пошел ни на какие уступки. Повторил свои требования: заключение Пакта о ненападении и установление дипотношений с США, экономические отношения с Токио и Сеулом и завершение строительства атомной электростанции в Пхеньяне в рамках проекта КЕДО. И только в обмен на это Пхеньян готов свернуть ядерную военную программу.

Традиционно Пхеньян припугнул СВА-5 в рамках политики блефа-шантажа в не до конца ясной форме, что ядерные разработки военной направленности продолжаются.

Когда США повторили свою жесткую позицию о том, что сворачивание ядерной программы является не предметом торга, а предварительным условием для дальнейших переговоров, Пхеньян "хлопнул дверью" — назвал переговоры "бесполезными" и сказал, что больше в них участвовать не будет. Страны СВА-5, за исключением США, сдержанно оценивших итоги Пекинской встречи, напротив, признали переговоры полезными.

И именно в этом различии состоит главный выигрыш Пхеньяна. Во-первых, он получил передышку, выиграл политическое время для существования режима и для продолжения ядерных разработок, убедившись, что у СВА-5 нет единой позиции и нет планов атаковать Северную Корею. Во-вторых, Пхеньян получил новую возможность поторговаться. СВА-5 заговорили о новом раунде переговоров в октябре — ноябре, а КНДР заявила о нежелании в них участвовать. С точки зрения логики северокорейской дипломатии, это хорошая возможность попытаться выжать дополнительную экономическую помощь уже за сам факт согласия на новый раунд встречи.

СВА-5 если что и выиграли, так это ощущение того, что они все же, хотя бы чуть-чуть, но стали ближе друг к другу в противостоянии амбициям "странного" пхеньянского режима. Однако, ощущение не более чем ощущение, и логика мышления дипломатической бюрократии может свести его значение к минимуму.

США продемонстрировали жесткость своей позиции, не позволив Пхеньяну разыграть свою любимую карту — ядерный шантаж. Однако, похоже, США не знают, как действовать дальше. Ирак и уже скорые президентские выборы не позволяют Вашингтону использовать силовые механизмы давления на Пхеньян. В стане СВА-5 нет единства взглядов по поводу политики санкций против КНДР. Наконец, США увязывает экономическую помощь лишь с северокорейскими уступками по проблеме ядерного нераспространения, но не с рыночными реформами. А как мы уже говорили, условием эффективного освоения помощи извне является именно рыночная трансформация Северной Кореи.

Аналогичную ошибку совершают Сеул и Токио, увязывая экономическую помощь лишь с ядерным вопросом (плюс проблема похищенных японских граждан для Токио), но не с реформами. При этом Сеул, похоже, услышал в северокорейской позиции только то, что захотел услышать, продолжая хоть как-то поддерживать иллюзию эффективности прежней политики "солнечного тепла": "Северная Корея выступает за безъядерный Корейский полуостров". И не заметил, то, что не нравится: Пхеньян оставляет право разрабатывать "оружие сдерживания" и не собирается участвовать в новых многосторонних переговорах. Именно последний тезис Сеул считает "дипломатической уловкой", а не первый.

Япония оказалась в Пекине "не у дел". В одном из двух острых для Токио вопросов — о ядерном оружии КНДР — инициатива была в руках Вашингтона. А другой вопрос — о похищенных японцах — никто, похоже, всерьез обсуждать не собирался.

Наиболее активной, наряду с американской, была позиция *Китая*. Пекин ужесточил подход к Пхеньяну, что, собственно, и подтолкнуло КНДР к окончательному согласию на переговоры. При этом Китай неофициально выдвинул ряд серьезных требований к КНДР, которые, в отличие от позиции других стран, затрагивали не только ядерную программу, но и — что особенно важно — экономическую систему Северной Кореи. Китай "настоятельно рекомендует" Пхеньяну прекратить милитаризацию экономики, обеспечить самодостаточность в снабжении продовольствием (здесь Китай готов помочь опытом своих реформ), проводить политику "открытости" (как в самом Китае).

Слабыми местами в позиции Пекина являются, во-первых, неготовность на данный момент ставить вопрос о замене Соглашения о перемирии на новый правовой режим. И, во-вторых, ограниченность мер давления на Пхеньян:

свертывание помощи может иметь эффект лишь до определенного предела, после чего теряет свое “стимулирующее” воздействие.

В наиболее затруднительном положении во время переговоров в Пекине оказалась *Россия*. Сработала “ловушка двух логик”, в которую Москва попала с самого начала ядерного кризиса в Корее. Согласно первой логике — логике крупной ядерной державы, ответственной за режим нераспространения, Россия должна занимать в отношении ядерных амбиций КНДР столь же жесткую позицию, как и США. Однако, это вступает в противоречие с другой логикой — логикой российско-северокорейских отношений, улучшение которых, по мнению МИД России, позволило Москве укрепить свои позиции на Корейском полуострове.

Положение осложняется тем, что крупный российский бизнес не имеет, в отличие, например, от Ирака, прямых интересов в Северной Корее и потому не оказывает лоббистского давления на Кремль. Кремль, в свою очередь, не выдвигает жестких требований к МИД, который вынужден действовать самостоятельно, следуя своим бюрократическим традициям. В том числе и старому видению Пхеньяна как старого союзника.

В результате, российский МИД и попал в ловушку: считая ответственными, в той или иной мере, за ядерный кризис и Пхеньян, и Вашингтон, российский МИД занял промежуточную позицию, требуя как соблюдения режима нераспространения, так и “гарантий безопасности” Северной Корее.

Заметим, что официальный Пекин, как и Вашингтон, готовы были обсуждать “обеспокоенности” КНДР своей безопасностью, в том числе и с учетом того, что КНДР преувеличивает военную угрозу. Россия же сразу вела речь о “гарантиях” безопасности, как бы загодя соглашаясь с Пхеньяном, что США ему угрожают.

Такая двойственная позиция не могла долго работать. На переговорах в Пекине Пхеньян расценил позицию России, сделавшую акцент на нераспространении ядерного оружия, как “пособничество” планам США “разоружить” КНДР. То есть, стоило России всерьез на официальном форуме сделать дипломатический ход в соответствии с первой логикой ответственной ядерной державы, как дала сбой дипломатия “второй логики” поддержания хороших отношений с КНДР.

В результате и российский МИД в своем сообщении по итогам пекинской встречи, назвав переговоры полезными, заговорил уже не о “гарантиях” безопасности КНДР, а об озабоченности КНДР своей безопасностью. Что можно расценивать как некий нюанс в российской позиции.

В этой связи нельзя согласиться с теми, кто говорит об ухудшении отношений между Москвой и Пхеньяном после встречи в Пекине. Дело в том, что эти отношения и не были “хорошими”, каждая из сторон лишь пыгалась использовать видимость “хороших отношений” в своих дипломатических целях. Пхеньян блефовал, давая понять, что за его спиной есть Россия, Москва надеялась, что видимость хороших отношений с Пхеньяном усиливает позиции России в Корее в целом. Как только вопрос встал в свете проблемы нераспространения, Россия лишь подтвердила свою негативную позицию по северокорейской ядерной программе, на что Пхеньян и среагировал соответствующим образом, ясно дав понять, что по-прежнему считает, что этого мало.

Что будет делать Северная Корея?

Прежде всего, ясно, чего Северная Корея делать не будет — это идти на нормальные переговоры в поисках новой основы для мира в Корее и компромисса. По-прежнему в Пхеньяне работает традиционная логика: если пойти на компромисс и поддаться политике “вовлечения”, то это означает крах режима и крах личной власти Ким Чен Ира.

Пхеньян будет продолжать тянуть время, используя тактику ядерного блефа и шантажа, подбрасывая новые “откровения” на счет своей ядерной

программы. Но не идя на ядерные испытания, поскольку в случае проведения ядерного теста Северная Корея потеряет возможность и дальше использовать политику ядерного шантажа. Ситуация станет ясной, и Россия, и Китай, которые пока воздерживаются от поддержки американской идеи о санкциях против КНДР, вынуждены будут — как в случае с Индией и Пакистаном — поддержать резолюцию СБ ООН о санкциях против Пхеньяна.

Цели затяжки Пхеньяном кризисной ситуации прежние — выиграть “политическое время” существования режима и, все же, попытаться продолжить ядерную и ракетную программы, надеясь на хорошие результаты. Учитывая северокорейскую систему “рапортования” об успехах руководству, нельзя исключать, что ответственные за ядерную программу люди держат Ким Чен Ира в неведении относительно ядерных перспектив, боясь доложить правду о провалах.

Еще одна задача, которую преследует тактика выигрыша времени, связана с ожиданиями того, что Буш проиграет новые президентские выборы, и Пхеньяну будет легче договориться с администрацией демократов, что уже случилось в 1994 г.

Далее, КНДР будет торговаться. Причем сначала будет “выменивать” сам факт своего согласия на участие в следующей 6-сторонней встрече, чего так хотят СВА-5, на тактическую (в преддверии холодной зимы) экономическую помощь от Китая и Южной Кореи, возможно, от США. И уже на самой встрече Пхеньян вновь повторит свои требования обмена прекращения ядерной программы на гарантии безопасности и масштабную экономическую помощь со стороны Вашингтона.

КНДР попытается также активизировать экономической диалог с Сеулом, рассчитывая на слабость нынешней южнокорейской администрации и податливость ее дипломатии северокорейскому нажиму. Сработает ли этот сценарий — во многом будет зависеть от того, насколько последовательно антиядерной и жесткой будет позиция Южной Кореи.

Пхеньян будет продолжать и игру на расхождениях в подходах СВА-5 к северокорейской проблеме, и, возможно, попытается вновь активизировать европейский вектор своей политики, рассчитывая на мягкость и известную антиамериканскую направленность дипломатии ЕС. И при этом не будет проводить реальных реформ и изменений внутри страны.

В этом контексте сентябрьское “избрание” Ким Чен Ира председателем Комитета обороны можно расценивать как послание европейским демократиям, призванное сказать: смотрите, мои позиции прочны и избран я демократически.

Что делать СВА-5? План “дорожная карта”

Всем членам созданного в Пекине “Клуба СВА-5” надо, прежде всего, *трезво* взглянуть на Северную Корею в свете логики глобализации, а именно, признать:

- что северокорейский режим исторически обречен,
- что Пхеньян, сколько бы ни блефовал, не пойдет на ядерные испытания, поскольку это лишит его главного дипломатического козыря,
- что объединение Кореи реально возможно только на основе рыночно-демократической трансформации Севера и его поглощения Югом,
- что такая трансформация требует проведения СВА-5 скоординированной единой политики “вовлечения” КНДР в рыночные — а на этой основе в будущем и демократические — преобразования,
- что для политики “вовлечения” необходима новая основа мира в Корею взамен Соглашения о перемирии,

- что, наконец, это не СВА-5 должна "радоваться" по поводу того, что Север "соизволил" согласиться на многосторонние переговоры, а Север должен сам искать и просить таких переговоров, на которые СВА-5 пойдут, только если Пхеньян действительно будет готов к компромиссам и переменам.

Отсюда вырисовывается и *"дорожная карта" для Кореи.*

Первый этап — проведение трехсторонней встречи Китай — КНДР — США по двум проблемам: первая — доказательный и проверяемый мировым сообществом отказ КНДР от ядерной программы военного назначения как основа для любых других переговоров.

Если Пхеньян не примет это условие, то дальнейший разговор вести будет бесполезно. Необходимо будет продолжать индивидуальное (кто в какой мере может) и коллективное скоординированное политическое давление на Пхеньян, частью которого могли бы стать совместные военные учения России, США и Китая по точечному подавлению доказанных очагов производства ядерного оружия в "третьих странах". И ждать, пока Пхеньян согласится с предъявленными ему требованиями, используя время ожидания для выработки в рамках СВА-5 общего видения корейского будущего, но уже не с традиционным упором на то, что "сам корейский народ его определяет", а с упором на его рыночно-демократический характер.

Вторая задача первого этапа — замена Соглашения о перемирии, подписанного как раз и являются китайская, американская и северо-корейская стороны, на дипотношения между КНДР и США.

В этот момент к переговорам подключается Южная Корея с целью одновременного (с американо-северокорейскими) установления дипломатических (или в иной форме официальных) отношений между Севером и Югом Кореи.

Без такого рода замены Соглашения о перемирии КНДР не может рассчитывать ни на обязывающие гарантии безопасности, ни на реальную экономическую помощь.

Трехсторонний и "трехсторонний плюс Южная Корея" форматы первого этапа "дорожной карты" можно реализовать и в рамках уже созданного формата шестерки, чтобы не разрушать этот новый, хотя пока и не эффективный механизм.

Второй этап — нормализация отношений между КНДР и Японией на основе решения проблемы похищенных японцев. Без этого КНДР не может рассчитывать не только на помощь Японии, но и на дальнейшие переговоры о безопасности и экономическом содействии с остальными странами СВА-5.

Третий этап — полноценные шестисторонние переговоры, целью которых станет предоставление КНДР юридически обязывающих гарантий безопасности (со стороны США при поддержке таких гарантий остальными странами СВА-5) и скоординированной в рамках СВА-5 экономической помощи — но исключительно в обмен на согласованные между КНДР и СВА-5 экономические реформы в Северной Корее в направлении рынка и открытости.

Если КНДР не пойдет на нормальное сотрудничество, то в силу вступает план "Б": ждать, усиливать единый подход к проблеме стран СВА-5, оказывать политическое давление на Пхеньян, и укреплять военное сотрудничество всех стран СВА-5 в целях сдерживания Северной Кореи от военных действий, решись она на такое.

Главное преимущество "пятерки" в том, что политическое время работает сегодня в условиях глобализации отнюдь не на северокорейский режим.

Отношения в треугольнике Вашингтон—Пекин—Тайбэй: политические аспекты (2000-2003 гг.)

© 2004

Г. Зиновьев

Начало нового века совпало или почти совпало по времени с изменением высшего руководства как в США, так и в КНР и на Тайване, что не могло не сказаться на общей модальности отношений между ними. Несмотря на множество новых обстоятельств, сопровождавших смену элит и корректировку политического курса, базовые "правила игры" пока остаются без изменений. Это, впрочем, не означает, что данные правила устраивают всех игроков, и они готовы продолжать соблюдать их сколь угодно долгое время. Произошедшие в последние несколько лет изменения могут свидетельствовать о том, что отношения между США, КНР и Тайванем набирают динамику, направленную на постепенную разбалансировку нынешнего статус-кво. Многое будет зависеть от результатов президентских и парламентских выборов 2004 г. на Тайване. По мере обострения на острове борьбы за президентское кресло можно ожидать новых драматических поворотов сюжета (временные рамки данной статьи ограничены декабрём 2003 г.).

Военный конфликт не является ни самым вероятным, ни, тем более, неизбежным сценарием, но в целом развитие событий свидетельствует о том, что опасность такого конфликта со временем не уменьшается, а возрастает. Война в Тайваньском проливе, которая вряд ли обошлась бы без участия США, имела бы самые серьезные негативные последствия для региональной и глобальной стабильности. Таким образом, развитие событий в треугольнике Вашингтон-Пекин-Тайбэй, не являясь сферой приоритетных внешнеполитических интересов России, все же заслуживает пристального внимания.

Хронологически первая из упоминавшихся смен власти произошла на Тайване. На президентских выборах 18 марта 2000 г. представитель традиционно выступавшей за независимость острова Демократической прогрессивной партии Чэнь Шуйбянь одержал неожиданную победу благодаря тому, что электорат правящей партии Гоминьдан был поставлен перед выбором одного из двух кандидатов — Лянь Чжэня и Сун Чуюя. Выборам предшествовал ряд драматических событий. В июле 1999 г. тогдашний президент Ли Дэньхуэй заявил о том, что между сторонами Тайваньского пролива существуют "межгосударственные отношения, или как минимум межгосударственные отношения особого типа"¹, после чего в феврале 2000 г. Госсовет КНР опубликовал вторую Белую книгу по тайваньскому вопросу, озаглавленную "Принцип одного Китая и тайваньский вопрос". В данной Белой книге КНР впервые официально добавила новое, третье по счету условие применения военной силы против острова — "если тайваньские власти в течение длительного времени будут отказываться от мирного решения об

объединении сторон пролива путем переговоров". Это ознаменовало существенное ужесточение позиции Пекина, который ранее говорил только о "двух если" — "если Тайвань отделится от Китая под любым названием и если Тайвань будет завоєван и оккупирован иностранной державой". За несколько дней до выборов на острове, в ходе пресс-конференции по итогам мартовской сессии ВСНП 2000 г., премьер Госсовета КНР Чжу Жунци предупредил, что Китай не побойится пролить кровь ради Тайваня. Он обратился с прямой угрозой в адрес тайваньцев, призвав их не действовать под влиянием эмоций, иначе у них уже не будет возможности пожалеть о своем выборе³.

Многие полагают, что высказывания китайского премьера не только не запугали тайваньских избирателей, но имели обратный психологический эффект и сыграли на руку Чэнь Шуйбяню, в последний момент склонив чашу весов в его пользу. Так или иначе, после выборов КНР воздержалась от резких действий, заявив, что будет наблюдать за словами и делами Чэнь Шуйбяня. Новый президент в инаугурационной речи 20 мая 2000 г. дал ряд обещаний, призванных разрядить напряженность в отношениях между берегами Тайваньского пролива: не объявлять независимость, не изменять название государства, не добиваться включения в конституцию положений о межгосударственном характере отношений сторон пролива, не проводить референдум, изменяющий статус-кво в вопросе независимости и объединения, а также не отменять программу государственного объединения⁴. Эти инаугурационные обещания, условием выполнения которых было неприменение военной силы Китаем, получили название "пять нет" Чэнь Шуйбяня. Сдержанность, проявленная сторонами при смене власти в Тайбэе (не без влияния США), если не снизила уровень напряженности в Тайваньском проливе, то во всяком случае помогла избежать нового кризиса.

Результаты президентской кампании на острове при всей их неожиданности не могли оказать такого влияния на отношения в треугольнике США-КНР-Тайвань, как победа на выборах в ноябре 2000 г. в Соединенных Штатах кандидата от республиканской партии Дж.Буша-младшего.

У республиканцев, вернувшихся к власти после восьмилетнего пребывания в оппозиции, при определении внешнеполитической линии преобладал настрой "от противного", получивший название "ЭйБиСи" (Anything but Clinton — лишь бы не как при Клинтоне)⁵. Курс предшественника был подвергнут критическому переосмыслению, которое затронуло и китайское направление. Если в свое время Клинтон использовал в кампании против Буша-старшего обвинение в чрезмерных симпатиях к "пекинским диктаторам", то теперь Буш-младший и республиканский лагерь подвергли критике клинтоновскую политику "вовлечения" в отношении КНР и его курс на установление с Китаем конструктивного стратегического партнерства.

Еще на достаточно ранней стадии президентской кампании, в августе 1999 г., Буш в интервью охарактеризовал Китай как стратегического соперника⁶. Тезис о Китае, который может в недалекой перспективе, опираясь на свой растущий экономический и военный потенциал, бросить вызов региональному или даже глобальному лидерству Соединенных Штатов, был принят на вооружение командой республиканского кандидата в президенты, отвечавшей за внешнюю политику. Так, будущий советник президента по вопросам национальной безопасности К.Райс писала, что "Китай — это не государство, стремящееся к поддержанию статус-кво, а государство, которое может изменить баланс сил в Азии в соответствии со своими нуждами. Уже одно это делает очевидным, что он — стратегический соперник, а не "стратегический партнер", как его назвало правительство Клинтона"⁷. Сам Буш больше не употреблял определение "стратегический", но в ходе кампании нередко говорил о Китае как о сопернике, хотя и стремился свести конкуренцию с ним к экономической сфере⁸.

Тем не менее, подобная предвыборная риторика, как представляется, могла породить в КНР подозрение, что США готовы "назначить" Китай на роль стратегического соперника, который способен покуситься на американское доминирование в однополярном мире и которого поэтому надлежит сдерживать. Если Соединенные Штаты действительно взяли такой курс, то Тайвань опять, как и в пятидесятые-шестидесятые годы, должен был стать "непотопляемым дредноутом", передовым форпостом сдерживания КНР. В ходе предвыборной кампании Буш, хотя и избегал далеко идущих обещаний, но давал понять, что будет активно содействовать укреплению безопасности Тайваня. Он неоднократно подчеркивал, что в случае военных действий Соединенные Штаты помогут Тайбэю защититься⁹.

Республиканский кандидат в президенты занял позицию решительной поддержки программы создания противоракетной обороны. В стратегическом плане системы НПРО и ПРО ТВД могут рассматриваться как орудия сдерживания Китая, которые лишают его возможности как нанести эффективный ракетный удар по силам США в регионе, так и удар возмездия по территории самих Соединенных Штатов (во время кризиса в Тайваньском проливе 1995-1996 гг. заместитель начальника генштаба НОАК Сюн Гуанкай говорил, что Лос-Анджелес для США важнее, чем Тайвань). Кроме этого, в Пекине опасаются, что планы создания ПРО ТВД предусматривают и прямое инкорпорирование Тайваня, что сделало бы остров де-факто военным союзником США.

Таким образом, победа Буша на выборах могла обещать на китайском направлении переход от политики вовлечения к политике сдерживания. Первое время казалось, что дело обстоит именно так. Америко-китайские отношения прошли весной и летом 2001 г. весьма непростой период взаимной притирки новой американской администрации и китайского руководства. Вместе с тем, как представляется, КНР уже успела привыкнуть к тому, что новые американские президенты начинают с конфронтации с Китаем, которая достаточно скоро сменяется пониманием важности отношений с ним и последующей стабилизацией, а затем и дальнейшим развитием связей. Так было при Рейгане и Клинтоне, которые в ходе предвыборной кампании были еще более критично настроены в отношении КНР, чем Буш-младший. Единственным президентом, изначально взявшим курс на всемерное укрепление американо-китайских отношений, был Буш-старший, однако по иронии судьбы именно на его президентство пришелся их самый серьезный кризис, связанный с событиями на площади Тяньаньмэнь в 1989 г.

С приходом новой администрации на ряд ключевых должностей как в Государственном департаменте, так и в Министерстве обороны были назначены люди, известные если не критическим, то осторожным подходом к КНР, в то время как специалисты по Китаю, которых подозревали в излишних симпатиях к Пекину (т.н. "красная команда") в большинстве своем оказались не у дел¹⁰.

На протяжении девяностых годов весенние месяцы традиционно были непростыми для американо-китайских отношений. Именно на них выпадали такие события, как ежегодное заседание Комиссии ООН по правам человека в Женеве, где США пытались добиться осуждения КНР, дебаты в Конгрессе о предоставлении Китаю режима наибольшего благоприятствования в торговле, а также решение о поставках Тайваню очередной партии вооружений. В 2001 г. последний вопрос обещал стать самым серьезным раздражителем, т.к. новый президент не скрывал своих намерений лучше, чем его предшественник, заботиться о безопасности острова. В марте 2001 г. вице-премьер Цзянь Цичэнь нанес в США визит, в ходе которого пытались отговорить от эскалации военных поставок Тайваню¹¹. Особое беспокойство Пекина вызывала возможность продажи острову современных эсминцев класса "Эрли Берк", оснащенных системой "Иджис" — важным компонентом ПРО ТВД.

На этом фоне 1 апреля 2001 г. в воздушном пространстве над Южно-Китайским морем произошло столкновение самолета Цзянь-8 ВВС НОАК с американским разведывательным самолетом EP-3 "Орион". Китайский истребитель упал в море, его пилот погиб, а получивший повреждения американский самолет-шпион совершил вынужденную посадку на китайском острове Хайнань.

Пекин обвинил американский самолет во вторжении в воздушное пространство КНР и возложил ответственность за инцидент на США¹². Вашингтон заявил, что авария произошла в международном воздушном пространстве и потребовал немедленного возвращения экипажа и самолета¹³. В результате нескольких раундов напряженных переговоров американская сторона выразила "глубокое сожаление" в связи с гибелью китайского летчика, что КНР толковала во внутренней пропаганде как "извинение". Китай согласился отпустить американский экипаж самолета, который он удерживал в течение одиннадцати дней фактически как заложников, а также вернуть сам самолет. Инцидент привел к всплеску эмоций как в Китае, так и в США. Одним из последствий стало решение министра обороны США Д.Рамсфельда о приостановке контактов с КНР по военной линии. Вместе с тем, сторонам удалось достаточно быстро найти пути выхода из этого мини-кризиса, который еще раз наглядно продемонстрировал опасность неконтролируемого роста напряженности в двусторонних отношениях¹⁴.

23 апреля 2001 г. в США был обнародован пакет вооружений, разрешенных для продажи Тайваню. Он включал восемь дизельных подводных лодок, четыре эсминца класса "Кидд", двенадцать самолетов для борьбы с подводными лодками Р-3 "Орион", а также противокорабельные ракеты, боевые вертолеты и др. Это была самая большая партия вооружений, одобренная для Тайваня после 1992 г., когда Дж.Буш-старший принял решение о продаже острову ста пятидесяти самолетов F-16. Впервые США решили поставить острову наступательное вооружение — подводные лодки. Вместе с тем, до сих пор остается неясным, как Тайвань может получить их, поскольку сами Соединенные Штаты уже несколько десятилетий не производят дизельные подлодки, а другие государства опасаются продавать их Тайбэю из-за жесткой позиции КНР. Кроме этого, вместо современных эсминцев, оснащенных системами "Иджис", острову были предложены боевые корабли двадцатилетней давности, строившиеся еще для шахского Ирана. Буш намекнул на возможность в будущем продать острову и "Иджисы", если Китай не прекратит развертывать ракеты, нацеленные на Тайвань. Тем не менее, в 2001 г. он воздержался от этого шага, который мог бы спровоцировать дальнейшее обострение отношений с Китаем¹⁵.

КНР едва успела заявить официальный протест в связи с продажей вооружений Тайваню, как Буш заявил в интервью телекомпании "ЭйБиСи" 25 апреля, что США имеют обязательство защищать остров в случае атаки КНР и сделают "все, что потребуется" для защиты Тайваня¹⁶. Пожалуй, это стало моментом наибольшего смещения баланса в Вашингтоне в сторону Тайбэя. Отчасти это было вызвано, видимо, впечатлением, что Клинтон в последние годы своего президентства слишком далеко пошел навстречу Китаю в тайваньском вопросе (это выразилось, в частности, в его известных "трех нет", провозглашенных в Шанхае в июне 1998 г. — "мы не поддерживаем независимость Тайваня, или "два Китая", или "один Китай один Тайвань", и мы не думаем, что Тайвань должен быть членом любой организации, для участия в которой необходим государственный статус"¹⁷). Важным принципом американской политики в данном вопросе является т.н. "стратегическая неопределенность", заложенная еще в Законе об отношениях с Тайванем 1979 г. Данный принцип предполагает, что США заранее не заявляют о своем участии или неучастии в возможном конфликте в Тайваньском проливе с тем, чтобы КНР не знала, ввяжется ли Америка в боевые действия, а Тайвань не рассчитывал на безогово-

рочную американскую помощь. Это по идее должно оставить США пространство для маневра и заставить обе стороны воздерживаться от слишком резких шагов. Заявление Буша 25 августа 2001 г., как и посылка в район Тайваня двух американских авианосцев в марте 1996 г. во время учебных ракетных стрельб КНР, в значительной мере прояснило эту "стратегическую неопределенность". Тем не менее, в тот же день президент заявил, что американская позиция не претерпела изменений, и подтвердил приверженность политике "одного Китая". Он выразил надежду, что и Тайвань будет придерживаться данной политики, а объявление островом независимости было бы отступлением от нее¹⁸.

Со стороны Соединенных Штатов последовал ряд других шагов, неприятных для КНР. После визита в США тогдашнего президента Ли Дэнхуэя в июне 1995 г., спровоцировавшего кризис в проливе 1995-1996 гг., тайваньскому президенту, хотя и разрешались транзитные остановки в США по пути в Центральную Америку, но ставились строгие условия, подчеркивающие частный и непубличный характер таких транзитов. При Буше соответствующие правила были пересмотрены, и к таким критериям, как безопасность, комфорт и удобство было добавлено обеспечение достоинства. В соответствии с этим тайваньскому президенту Чэнь Шуйбяню в мае 2001 г. во время транзитной остановки в США была разрешена экскурсионная программа, а также встречи с конгрессменами и другими политиками, не являющимися, однако, представителями исполнительной власти. В мае же Буш принял в Белом доме Далай-ламу, а в июне США вновь посетил теперь уже бывший президент Ли Дэнхуэй, получивший американскую многократную визу сроком на пять лет¹⁹.

В целом, однако, американско-китайские отношения стали выходить из пике. Администрация Буша предложила Конгрессу предоставить КНР нормальный торговый режим на постоянной основе. Соединенные Штаты решили не голосовать против кандидатуры Китая как места проведения Олимпийских игр 2008 г. Стороны согласовали последние вопросы, касавшиеся присоединения Китая к ВТО. В июне 2001 г. советник президента по вопросам национальной безопасности Райс заявила, что США будут стремиться к установлению конструктивных отношений с Китаем²⁰. В июле госсекретарь К.Пауэл посетил Пекин. В ходе визита он назвал Китай "другом" и подчеркнул, что не станет характеризовать КНР как "соперника" или "стратегического соперника"²¹. В американско-китайских отношениях сохранялся комплекс вопросов, которые были предметом трудного диалога на протяжении девяностых годов — права человека, нераспространение, торговые споры и, конечно, Тайвань. Последняя тема приобрела особую остроту и важность в свете прихода к власти на острове Демократической прогрессивной партии и действий администрации Буша. Тем не менее, к осени 2001 г. отношения между Вашингтоном и Пекином преодолели спад первой половины года. Стороны рассчитывали на дальнейшую стабилизацию и развитие в результате саммита АТЭС в Шанхае в октябре 2001 г., сразу после которого был запланирован рабочий визит Буша в Пекин.

Террористические акты в США 11 сентября 2001 г. резко изменили ситуацию в мире. Естественно, они сказались и на американско-китайских отношениях, причем влияние было и остается весьма многоплановым. Соединенные Штаты определили главного врага — терроризм, персонифицированный фигурой бен Ладена и возглавляемой им террористической организацией "Аль-Каида". В этой борьбе Китай оказался естественным партнером США. На первом этапе антитеррористической кампании (смещение режима талибов в Афганистане) Китай мог оказать и оказывал действительную помощь, в частности, в предоставлении разведывательных данных. К тому же США весьма нуждались в содействии Пакистана — традиционного друга КНР в регионе. Со своей стороны Китай получил возможности более эффективной борьбы с религиоз-

ными сепаратистами в Синьцзяне. Достаточно неожиданным последствием кампании стало появление вооруженных сил США вблизи западных границ Китая, чего в Пекине до событий 11 сентября вряд ли могли ожидать. В ходе второго этапа борьбы с террором — войны в Ираке — партнерская роль КНР для Америки заключается, прежде всего, в содействии урегулированию опасного противостояния на Корейском полуострове. Тем самым Пекин помогает Вашингтону сконцентрироваться на решении военно-политических задач в Ираке, не отвлекая дополнительные силы на Северную Корею. Интерес Китая — в обеспечении нормальных отношений с Соединенными Штатами, укрепление взаимного доверия с ними не в последнюю очередь для того, чтобы с помощью Вашингтона попытаться воздействовать на “сепаратистские” устремления Тайбэя, не допустить отказа тайваньских властей от статус-кво в проливе.

11 сентября 2001 г. председатель Цзянь Цзэминь направил Бушу телеграмму с выражением соболезнований, а на следующий день он имел с американским президентом телефонный разговор, в ходе которого высказался в поддержку борьбы с терроризмом²². 21 сентября министр иностранных дел КНР Тан Цзясюань встретился в Вашингтоне с Бушем, а также с Райс и Пауэлом. В ходе беседы глав внешнеполитических ведомств сторон была достигнута договоренность о конкретных направлениях сотрудничества в антитеррористической кампании, в том числе о проведении консультаций соответствующих экспертов (которые состоялись уже 25 сентября), усилении взаимодействия в СБ ООН и др.²³. Хотя рабочий визит Буша в страны Азии был отменен, американский президент дал согласие на участие в саммите АТЭС в Шанхае в октябре 2001 г., в ходе которого была запланирована двусторонняя встреча с китайским руководителем. Саммит должен был стать первым крупным международным мероприятием после 11 сентября, и присутствие американского президента стало подарком китайским хозяевам форума (тем более, что за три года до этого Клинтон отказался участвовать в саммите АТЭС в Малайзии из-за нанесения США в то время бомбовых ударов по Ираку)²⁴.

Обращает на себя внимание, что в ходе упомянутой беседы с Пауэлом, посвященной проблемам антитеррора, Тан Цзясюань счел необходимым затронуть тему Тайваня и подчеркнуть принципиальную позицию китайской стороны по тайваньскому вопросу²⁵. КНР к этому времени осознала бесперспективность попыток напрямую увязать свою помощь США с действиями американской стороны по отношению к Тайваню. Вместе с тем Китай, очевидно, надеялся, что общее улучшение климата американско-китайских отношений постепенно вызовет выравнивание баланса в трехстороннем взаимодействии или даже смещение его в сторону Пекина, как это было при предыдущей администрации.

В октябре 2001 г. Буш прибыл в Шанхай для участия в саммите АТЭС, в повестке дня которого видное место заняла борьба с терроризмом. 19 октября состоялась встреча Цзянь Цзэминя с Бушем, в ходе которой лидеры двух стран высказались за развитие конструктивных отношений сотрудничества²⁶. Таким образом, американско-китайским отношениям было найдено новое определение, хотя и не столь громкое, как ранее (конструктивное стратегическое партнерство), но сильно отличающееся от предвыборных суждений о Китае как стратегическом сопернике. Данное определение задавало вектор дальнейшего взаимодействия сторон. Тем не менее, взгляды на Китай как на угрозу, пусть и потенциальную, безопасности и доминированию Соединенных Штатов, имеют своих последователей в американском руководстве, прежде всего среди тех, кого называют неоконсерваторами, позиции которых особенно сильны в Министерстве обороны. В сентябре 2001 г. данное ведомство подготовило очередной “Четырехлетний обзор обороны”, в котором говорилось о возможности появления в Азии военного соперника с мощной ресурсной базой²⁷. В “Обзоре ядер-

ного вооружения" от 8 января 2002 г. конфликт в Тайваньском проливе отнесен к разряду тех, к которым должны быть готовы Соединенные Штаты при совершенствовании своего ядерного арсенала²⁸.

Другие документы Пентагона, особенно ежегодно публикуемые по поручению Конгресса доклады о военной мощи КНР, содержат схожие суждения о военной угрозе американским интересам со стороны Китая, прежде всего в Тайваньском проливе²⁹. Министерство обороны США является наиболее активным сторонником усиления военных возможностей Тайваня для противодействия растущей опасности, исходящей от материка, развития американско-китайских контактов в военной сфере.

Во время встречи в Шанхае в октябре 2001 г. Буш и Цзян Цзэминь повторили позиции сторон по тайваньскому вопросу. Китайский лидер призвал должным образом, на основе трех коммюнике, действовать в тайваньском вопросе. Буш подтвердил приверженность политике "одного Китая", а также требованиям Закона об отношениях с Тайванем³⁰.

Саммит АТЭС способствовал улучшению американско-китайских отношений, но при этом он стал очередной неудачей диалога между берегами Тайваньского пролива. Министр иностранных дел Китая Тан Цзясюань в ходе пресс-конференции по итогам министерской встречи АТЭС демонстративно грубо обращался как с тайваньскими журналистами, так и министром экономики Тайваня Линь Синьи. Сторонам так и не удалось согласовать приемлемую кандидатуру участника саммита со стороны "Китайского Тайбэя". Чэнь Шуйбянь предложил направить в Шанхай бывшего вице-президента Ли Юаньцзу, но КНР отказалась его принять. Таким образом, саммит АТЭС в Шанхае состоялся без тайваньского участия³¹.

1 декабря 2001 г. на острове прошли парламентские выборы, в которых Гоминьдан потерпел серьезное поражение. Законодатели от ДПП образовали самую большую партийную фракцию в парламенте, но у объединенных сил оппозиции (депутатский корпус от Гоминьдана и Партии для народа) все же сохранилось большинство в несколько голосов.

В феврале 2002 г. состоялся отложенный в 2001 г. визит американского президента в Японию, Республику Корея и Китай. Многие СМИ указывали на его символическую дату — ровно через тридцать лет после известной поездки Никсона в КНР в 1972 г. Впрочем, переговоры в Пекине не дали основания предполагать, что за выбором сроков скрывались какие-то особые соображения или желание придать данному рабочему визиту исторический характер.

Еще до прибытия в Пекин американский президент, выступая в парламенте Японии, заявил, что США не забудут своих обязательств перед народом Тайваня³². В ходе визита в КНР, который обе стороны расценили как успешный, Буш и Цзян Цзэминь изложили свои позиции по тайваньской проблеме, которые, естественно, во многом не совпадали. Во время совместной пресс-конференции председатель КНР вновь подчеркнул, что надлежащий подход к тайваньскому вопросу имеет ключевое значение для стабильности и развития китайско-американских отношений. Цзян Цзэминь сообщил, что в ходе переговоров президент США выразил приверженность политике "одного Китая" и трем коммюнике. Со своей стороны, Буш заявил, что политика его страны не меняется на протяжении многих лет. Он выразил надежду, что вопрос будет урегулирован мирным путем, и призвал обе стороны воздерживаться от провокаций. Наконец, Буш подчеркнул приверженность Закону об отношениях с Тайванем³³. Отвечая на следующий день на вопросы студентов университета Цинхуа, Буш вновь говорил о Законе об отношениях с Тайванем, но в конце концов упомянул и о политике одного Китая³⁴.

Стороны договорились, что в 2002 г. лидеры КНР — председатель Цзян Цзэминь и его преемник, заместитель председателя Ху Цзиньтао посетят США. Для китайского руководства 2002 год был особо значимым. Осенью предстояло проведение 16-го съезда КПК, в ходе которого ожидалась смена высшей партийной элиты. В этих условиях стабильность в сфере внутренней и внешней политики, в том числе на таких важных направлениях, как отношения с США и ситуация в Тайваньском проливе, приобретала особо важное значение.

Посещение Ху Цзиньтао Соединенных Штатов было запланировано уже весной 2002 г. До визита заместителя председателя КНР в двусторонних отношениях вновь возникла напряженность в связи с приездом в Америку, хотя формально и с частным визитом, министра обороны Тайваня Тан Яомина. Это был первая поездка в США действующего тайваньского министра обороны после разрыва дипломатических отношений в 1979 г. Тан Яомин, участвовавший в марте 2002 г. в заседании Американско-тайваньского делового совета во Флориде, имел возможность побеседовать с первым заместителем министра обороны П.Вулфовицем и с заместителем государственного секретаря Дж.Келли³⁵. В сентябре того же года США посетил тайваньский зам. министра обороны Кан Нинсян. Как сообщается, в ходе его визита была открыта “горячая линия” между министерствами обороны США и Тайваня³⁶.

Готовность американской стороны повысить уровень диалога с Тайванем в сфере безопасности отражала обеспокоенность США изменяющимся в пользу КНР балансом военных сил в Тайваньском проливе, особенно в связи с массивным развертыванием нацеленных на Тайвань баллистических ракет, ростом мощи ВМФ и ВВС КНР, в том числе за счет приобретения современного зарубежного вооружения и военной техники. Данная обеспокоенность находит отражение в упоминавшихся докладах военного ведомства о военной мощи КНР.

Согласно Уполномочивающему закону о внешней политике на 2003 финансовый год, Тайваню предоставлен статус “союзника вне НАТО” (им обладают такие американские союзники, как Япония, Республика Корея, Израиль, Австралия). Этим же законом разрешается командирование в Американский институт на Тайване действующих сотрудников внешнеполитического и других ведомств. Президент при подписании закона особо оговорил, что политика “одного Китая” не претерпела изменений, то есть формально остров не является военным союзником США. Тем не менее, данный закон дает ему доступ к современным американским вооружениям и соответствующим технологиям наравне с такими союзниками³⁷.

Соединенные Штаты с 2002 года проявляют все большее недовольство тем, что сам Тайвань, по их мнению, недостаточно внимания и средств уделяет совершенствованию своих вооруженных сил, надеясь на американскую помощь и не желая раскошелиться на приобретение дорогостоящих американских вооружений. Вашингтон усиливает давление на Тайбэй, требуя от него повышения боеготовности как за счет военной реформы, так и за счет выделения немалых средств для покупки оружия. В связи с ростом китайской ракетной угрозы акцент делался на поставках Тайваню систем “Пэтриот” (РАС-3), а также радаров дальнего обнаружения³⁸.

Военные аспекты американско-тайваньского сотрудничества являются весьма серьезным раздражителем для КНР. В Пекине, видимо, опасаются, что слишком тесные связи в данной области не ограничатся продажей оружия, но постепенно перейдут в плоскость прямой интеграции вооруженных сил, что приведет к возрождению де-факто военного союза и предоставлению Тайбэю гарантий безнаказанности, увеличивающих соблазн провозгласить независимость.

Китайский МИД заявил резкий протест в связи с визитом в США Тан Яомина и потребовал от США соблюдения обязательств, содержащихся в трех

совместных коммюнике. На некоторое время были запрещены заходы американских военных кораблей в порт Гонконга³⁹. В СМИ появились предположения, что визит Ху Цзиньтао может быть перенесен или отменен вовсе, однако он состоялся, как и было запланировано, в апреле-мае 2002 г. и был достаточно успешным. Как преемник Цзян Цзэминя в недалеком будущем, Ху Цзиньтао не мог позволить себе каких-либо ошибок, которые повлияли бы на процесс передачи власти. Поездка была хорошо срежиссирована и прошла весьма гладко. В ходе переговоров стороны договорились возобновить контакты по линии оборонных ведомств, замороженные после инцидента с американским разведывательным самолетом 1 апреля 2001 г.⁴⁰

В ходе беседы Ху Цзиньтао с Бушем американский президент не только подтвердил, что США придерживаются политики "одного Китая" и трех совместных коммюнике, но и подчеркнул, что США не поддерживают независимость Тайваня и не содействуют ей⁴¹. К лету 2002 г. в Вашингтоне стали чаще звучать заявления о том, что США не поддерживают независимость Тайваня, причем в отдельных случаях говорилось даже, что они выступают против нее. Об этом, в частности, заявил Вулфовиц. До сих пор американская политика заключалась в том, что США примут любой результат решения тайваньского вопроса, если он будет взаимоприемлемым и достигнутым сторонами добровольно, мирным путем⁴². Появившаяся новая трактовка, тем более озвученная таким лидером неоконсерваторов, как Вулфовиц, могла быть не простой случайностью, но означать желание успокоить китайское руководство на фоне интенсификации военного сотрудничества с Тайванем. Таким образом, американская сторона, возможно, хотела дать понять и Пекину, и Тайбэю, что ее озабоченность безопасностью острова не следует трактовать как готовность обеспечить военное прикрытие для объявления независимости. Как впоследствии оказалось, КНР придала большое значение данной формулировке.

3 августа 2002 г. Чэнь Шуйбянь, выступая перед участниками ежегодного собрания Всемирной федерации тайваньских ассоциаций (эта федерация объединяет сторонников независимости острова), заявил, что каждый берег пролива является государством. Далее он сказал: "Только двадцать три миллиона тайваньцев имеют право решать будущую судьбу Тайваня и изменять статус-кво. Как мы сможем принять решение, если это станет необходимым? Путем референдума, что является целью, к которой мы стремимся долгое время"⁴³. Президент призвал подумать над важностью и необходимостью принятия закона о референдуме. За несколько дней до выдвижения концепции о том, что каждый берег пролива является отдельным государством (как ответ на формулу Дэн Сяопина "одно государство — две системы" она дословно звучит "один берег — одно государство"), Чэнь Шуйбянь на съезде ДПП 21 июля получил пост председателя партии. Именно в тот день стало известно о "подарке", подготовленном КНР — установлении дипломатических отношений с одним из немногочисленных дипломатических партнеров Тайваня на международной арене — Науру. В речи на съезде Чэнь Шуйбянь отошел от заготовленного текста и заявил, что если Пекин не ответит на добрую волю со стороны Тайваня, то последний будет вынужден серьезно задуматься над тем, "не пойти ли ему своим путем"⁴⁴.

На этот раз Чэнь Шуйбянь спровоцировал не только резкую реакцию со стороны КНР, которая призвала "сепаратистские силы на Тайване" "осадить коня на краю пропасти"⁴⁵, но и серьезное недовольство в Вашингтоне. США воздержались от публичной критики тайваньского президента, но недвусмысленно подчеркнули, что придерживаются политики "одного Китая" и не поддерживают независимость Тайваня⁴⁶. Со стороны тайваньского руководства последовали меры по восстановлению ущерба. В частности, председатель Ко-

митета по делам материкового Китая Цай Инвэнь была направлена в Соединенные Штаты, где подтвердила приверженность политике “пяти нет”⁴⁷. Летом 2002 г. КНР, озабоченная подготовкой партийного съезда, а также занятая организацией последнего визита Цзян Цзэминя в США в качестве главы государства, не была расположена к какому-либо иному, кроме словесного, варианта ответа на выступление Чэнь Шуйбяня. Успокоить Китай помогла, видимо, и негативная реакция Вашингтона на заявление тайваньского президента.

В конце августа 2002 г. Пекин посетил первый заместитель госсекретаря Р.Армитэдж. Отвечая на пресс-конференции на вопросы об отношении к концепции “один берег — одно государство”, американский дипломат дважды подчеркнул, что США не поддерживают независимость Тайваня. Впрочем, он еще раз разъяснил, почему Соединенные Штаты используют выражение “не поддерживают”, а не “выступают против”. По словам Армитэджа, если стороны пролива придут к взаимоприемлемому решению вопроса, то Америка не будет возражать против него, каким бы оно ни было⁴⁸.

Состоявшийся в октябре американско-китайский саммит на семейном ранчо Буша в Кроуфорде, куда ранее получили приглашение только особо близкие американскому президенту зарубежные гости, имел прежде всего большое символическое значение, так как продемонстрировал степень доверия и уважения к уходящему китайскому лидеру. Хотя стороны не достигли каких-либо значительных договоренностей по наиболее интересовавшим США темам — Ирака и Северной Кореи, но переговоры были расценены как успешные. Высказываясь на пресс-конференции по тайваньской проблеме, Буш выразил приверженность политике “одного Китая”, базирующейся на трех совместных коммюнике (американский президент наконец-то впервые упомянул об их существовании в присутствии Цзян Цзэминя) и Законе об отношениях с Тайванем. Он подчеркнул, что США заинтересованы в мирном решении вопроса, при этом они не поддерживают независимость Тайваня⁴⁹. Любопытно, что по информации китайской стороны, в беседе с Цзян Цзэмином Буш заявил, что он против независимости Тайваня, однако в официальные материалы эта формулировка не попала⁵⁰.

Вскоре после встречи в Кроуфорде стало известно, что в ее ходе Цзян Цзэминь упомянул о готовности Китая передислоцировать нацеленные на Тайвань ракеты, если США согласятся ограничить военные поставки острову⁵¹. Хотя это предложение вряд ли имеет шансы быть принятым (ракеты легко можно вернуть обратно, тогда как военные закупки планируются и осуществляются годами), но оно впервые указывает на готовность китайской стороны обсуждать эту тему, и продолжение диалога нельзя исключить.

16 съезд КПК, прошедший в Пекине в ноябре 2002 г., стал решающим шагом на пути передачи власти от третьего поколения китайского руководства во главе с Цзян Цзэмином к четвертому поколению во главе с Ху Цзиньтао, избранному генеральным секретарем ЦК КПК. Подчеркивая преемственность политики, новые китайские лидеры вряд ли подвергнут курс на тайваньском направлении сколько-нибудь серьезной корректировке. Цзян Цзэминь, оставивший за собой пост председателя Центрального военного совета, сохраняет контроль над вооруженными силами, которые играют важную роль в процессе принятия решений в отношении Тайваня. Отчетный доклад 16-му съезду включает базовые элементы политики в тайваньском вопросе, которых Китай, очевидно, будет придерживаться в ближайшие пять лет. В основном это является повторением известного курса Дэн Сяопина “одно государство — две системы”. Некоторым новым положением можно считать включение в данный документ более мягкой интерпретации принципа “одного Китая”, впервые озвученной Цянь Цичэнем еще летом 2000 г., — “в мире есть только один Китай, и материк, и Тайвань одинаково принадлежат одному Китаю, суверенитет и

территориальная целостность Китая неделимы⁵². Вторая часть этой формулы заимствована у тайваньской стороны (она содержится в резолюции, одобренной Советом государственного объединения 1 августа 1992 г., которая сделала возможным достижение т.н. "консенсуса 92-го года" и прямые переговоры между сторонами пролива в апреле 1993 г.). Вместе с тем, на международной арене в отношениях с другими государствами КНР продолжает применять прежнюю формулировку — "Тайвань является частью Китая". Другим новшеством является конкретизация того, о чем можно будет вести переговоры при условии принятия Тайбэем принципа "одного Китая", — об официальном прекращении состояния вражды между сторонами пролива, о предоставлении Тайваню соответствующего его статусу международного пространства для экономической и культурной деятельности и о политическом статусе Тайваня. В то же время, в докладе вновь всплыло положение, впервые появившееся в Белой книге по тайваньскому вопросу от февраля 2000 г., о возможности применения силы, если Тайвань будет длительное время отказываться от переговоров о воссоединении⁵³.

Процесс передачи власти на материке в основном завершился в марте 2003 г., когда десятая сессия ВСНП избрала председателя и заместителя председателя КНР (соответственно, Ху Цзиньтао и Цзэн Цинхуна), а также новый состав правительства во главе с премьером Госсовета Вэнь Цзябао.

Решение тайваньского вопроса вряд ли можно отнести к высшим приоритетам для нового поколения китайских руководителей на современном этапе. Воссоединение родины — одна из трех больших задач, решение которых отнесено на середину XXI века. Вместе с тем очевидно, что независимость Тайваня является для Пекина столь же неприемлемым сценарием, как и ранее. Развитие событий в этом направлении, как опасаются в Китае, может привести к "эффекту домино" в других регионах КНР, прежде всего в населенных национальными меньшинствами окраинах, и вообще подорвать легитимность власти КПК. При сохранении в Китае нынешней политической системы его лидеры едва ли смогут позволить себе не только толерантность в отношении независимого Тайваня, но и значительное изменение провозглашенной Дэн Сяопином политики "одно государство — две системы". В этом плане приход к власти новой политической элиты в Китае вряд ли может оказать такое влияние на динамику ситуации в Тайваньском проливе, как результаты президентских выборов в США и на острове.

В 2003 г. на взаимоотношения в треугольнике Вашингтон-Пекин-Тайбэй оказала влияние не столько смена руководства в КНР, сколько набирающая обороты предвыборная кампания на Тайване. В феврале 2003 г. оппозиционным партиям, извлеком урок из событий 2000 г., удалось неожиданно легко прийти к согласию о действиях единым фронтом на президентских выборах, предстоящих в марте 2004 г. Председатель Гоминьдана Лянь Чжань укрепил за собой первую строчку предвыборного списка, а председатель Партии для народа, более популярный политик Сун Чуюй согласился стать кандидатом в вице-президенты⁵⁴. Рейтинги связки Лянь-Сун, которые в совокупности набрали на выборах 2000 г. около 60% голосов избирателей, значительно опережали уровень поддержки Чэнь Шуйбяня, несколько утратившего популярность, прежде всего из-за спада экономических показателей. Похоже, оппозиция решила, что для победы достаточно избегать крупных ошибок и критиковать нынешнего президента за его экономическое досье⁵⁵. В этих условиях Чэнь Шуйбянь, видимо, решил еще более повысить ставки в предстоящей президентской кампании, объявив ее выбором между концепциями "одного Китая" и "один берег — одно государство".

На отношения между берегами пролива повлияла и распространившаяся из Китая весной-летом 2003 г. эпидемия атипичной пневмонии, которая за-

тронула и остров. Действия китайских властей, на первых порах пытавшихся скрыть истинные масштабы заболевания, вызвали негативную реакцию общественного мнения Тайваня. На этом фоне ежегодная кампания острова за присоединение в качестве наблюдателя к работе Всемирной организации здравоохранения, достигающая кульминации в мае во время сессии ВОЗ в Женеве, в 2003 г. приобрела особый эмоциональный накал. Предсказуемая очередная неудача Тайваня пришлась как раз на пик распространения на острове завезенной из Китая атипичной пневмонии, для борьбы с которой, как утверждают местные власти, Тайбэй не мог своевременно получить помощь и содействие ВОЗ из-за политического противодействия Пекина. Местные СМИ транслировали высказывания китайских официальных лиц, заявлявших, что здоровье тайваньских соотечественников находится под надежной охраной КНР. Все это, естественно, не добавляло симпатий к матерiku. Чэнь Шуйбянь использовал этот момент, чтобы провозгласить, что проведет на Тайване референдум по вопросу участия в ВОЗ, совместив его с президентскими выборами⁵⁴. С этого времени тема референдума прочно вошла в предвыборный политический процесс на Тайване и в целом помогла нынешнему президенту сократить отставание от оппозиции в опросах общественного мнения. Столкнувшись с этой новой предвыборной тематикой, Гоминьдан и ПДН поначалу, похоже, растерялись, но постепенно, учитывая предвыборную ситуацию, были вынуждены снять возражения против идеи референдумов, а затем и против других инициатив Чэнь Шуйбяня, включая его концепцию “один берег — одно государство”.

Пекин крайне негативно воспринял такое развитие событий, но дал понять, что готов не возражать против референдумов о внутренних вопросах, тогда как все темы, затрагивающие государственный суверенитет (в том числе представительство в ВОЗ), должны быть исключены из повестки референдумов⁵⁷.

Проблемой для КНР является то, что политика “словесных атак и военного запугивания”, к которой она прибегала во время тайваньских президентских кампаний 1996 и 2000 гг., каждый раз срабатывала против нее, так как вызывала рост антикитайских настроений у тайваньского электората. Перед Китаем стоит дилемма — невозможность оставить развитие событий на Тайване в направлении независимости без ответа и в то же время нежелание резкими действиями невольно подыгрывать Чэнь Шуйбяню.

В этих условиях китайская сторона вынуждена возлагать надежды на сдерживающее влияние на Тайбэй со стороны Вашингтона, которое он ранее не раз готов был практиковать для предотвращения эскалации напряженности в Тайваньском проливе (например, в 1999 г. после заявления Ли Дэнхуэя о межгосударственном характере отношений между сторонами пролива и в 2000 г. после победы на выборах Чэнь Шуйбяня).

В июне 2003 г. Буш встретился с Ху Цзиньтао, приглашенным на саммит “большой восьмерки”, во французском городе Эвиане. Американский президент повторил позицию по тайваньскому вопросу, изложенную им Цзян Цзяминю во время встречи в Кроуфорде. В отчете о встрече китайской стороны указывалось, что Буш высказался против независимости Тайваня, так как в материалах американской стороны содержалась стандартная формулировка о том, что США “не поддерживают независимость Тайваня”⁵⁸. Официальные лица США неоднократно высказывали сомнение в необходимости референдума по вопросу вступления Тайваня в ВОЗ (поскольку его итог ясен заранее и никак не влияет на членство Тайваня в данной международной организации). В Вашингтоне стали подчеркивать надежду, что Чэнь Шуйбянь будет придерживаться политики “пяти нет”, заявленной в инаугурационной речи⁵⁹.

В 2003 г. между США и КНР развивались контакты в политической, экономической, военной сферах. Китай подключился к усилиям по урегулиро-

ванию ситуации на Корейском полуострове. Летом 2003 г. в Пекине решили, что перекося в пользу Тайбэя первого периода пребывания Буша у власти в целом выправлен. Все это дало основания сторонам заявить, что американо-китайские отношения являются наилучшими за все последние десятилетия. На самом деле, этот тезис вызывает определенные сомнения. Геополитические отношения сторон значительно уступают уровню времен "холодной войны". В экономической сфере, несмотря на огромные объемы сотрудничества, накопилось немало проблем, самая наглядная из которых — торговый дефицит США, переваливший по американским данным за 100 млрд. ам. долл. в год. Наконец, в отношениях имеется немало раздражителей, как старых, так и новых, — проблемы прав человека, нераспространения, ПРО и др. Тайвань продолжает оставаться самым чувствительным вопросом американо-китайских отношений.

В сентябре 2003 г. Чэнь Шуйбянь вбросил еще одну взрывоопасную тему — принятие новой конституции. Он озвучил задачи ДПП — победить на президентских и парламентских выборах в 2004 г. (соответственно в марте и декабре), разработать новую конституцию и принять ее референдумом до конца 2006 г. со вступлением в силу в день инаугурации президента 20 мая 2008 г.⁶⁰ Оппозиция вновь оказалась застигнутой врасплох, не смогла адекватно отреагировать на новую идею президента и продолжала терять очки. Таким образом, Чэнь Шуйбяню удалось сократить отставание в опросах общественного мнения до минимума.

В КНР подозревают, что главная цель принятия новой конституции — не административно-политическая реформа без рассмотрения вопросов суверенитета, как заверяют Чэнь Шуйбянь и ДПП, а провозглашение к 2008 г. нового государства — "Тайваньской Республики", тем более, что именно такую цель выдвинул бывший президент Ли Дэньхуэй. Видимо, в Китае надеялись, что против принятия новой конституции недвусмысленно выскажется как официальный Вашингтон, так и оппозиция на Тайване, что позволило бы материку воздержаться от резкой реакции. В этом контексте большое внимание уделялось тому, как пройдет очередная транзитная остановка тайваньского президента в США в конце октября — начале ноября 2003 г. К разочарованию китайской стороны, Чэню был оказан более гостеприимный прием, чем когда-либо прежде. В Нью-Йорке он получил награду от неправительственной организации "Международная лига прав человека". Выступая на торжественном приеме по этому случаю, Чэнь Шуйбянь разъяснял необходимость принятия новой конституции, причем его аудитория включала около 20 американских конгрессменов, симпатизирующих Тайваню⁶¹.

Новая неприятность поджидала Китай 7 ноября, когда Тайвань установил дипломатические отношения с островным государством Кирибати, местом нахождения одной из трех зарубежных станций космического наблюдения, принадлежащих КНР. Кирибати стало первым государством, с которым Тайваню удалось установить дипотношения при администрации Чэнь Шуйбяня⁶².

Наконец, в середине ноября в КНР, видимо, сложилось впечатление, что и тайваньская оппозиция под давлением предвыборных соображений сняла возражения как против изменения конституции, так и против референдумов, затрагивающих вопросы государственного суверенитета. Это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения Пекина, и он пошел на резкие заявления в адрес Тайваня, заставившие вспомнить слова премьера Чжу Жунцзи в марте 2000 г. Так, заместитель председателя Канцелярии по делам Тайваня Госсовета КНР Ван Цзайси напомнил, что "независимость Тайваня — это война"⁶³. Недовольство Вашингтоном КНР проявила критикой в адрес председателя Американского института на Тайване Т.Шахин, которая назвала Буша "тайным ангелом-хранителем" Тайваня и позволила себе сказать, что США "не поддерживают", а не "выступают против" независимости Тайваня.

Спикер МИД КНР заявил, что американские руководители неоднократно подтверждали китайским руководителям, что США выступают против независимости Тайваня, причем Шахин на таких встречах не присутствовала и, следовательно, не имеет оснований делать свои комментарии⁶⁴.

27 ноября в тайваньском парламенте состоялось голосование по законопроекту о референдумах. Худшие опасения КНР не сбылись. Гоминьдан и ПДН, располагающие парламентским большинством, провели свой вариант, в наибольшей степени приемлемый для Китая, поскольку он имеет скорее запретительный, чем разрешительный характер⁶⁵. Впрочем, в закон все же попала предложенная ДПП статья, разрешающая президенту под давлением внешней угрозы проводить т.н. “оборонный” референдум. Не успела оппозиция отпраздновать победу, как Чэнь Шуйбянь заявил о намерении воспользоваться этим правом и провести такой референдум в день президентских выборов 20 марта 2004 г., мотивируя этот шаг военной угрозой со стороны КНР, развернувшей против острова около 500 баллистических ракет⁶⁶.

В связи с обострением ситуации в Тайваньском проливе США предостерегли против использования силы для решения вопроса. Что касается проведения референдума и изменения конституции, то зам. госсекретаря по Восточной Азии и Тихому океану Р.Шрайвер следующим образом разъяснил американскую позицию в этих вопросах: США не вмешиваются во внутреннюю политику Тайваня, но не поддерживают независимость острова. Таким образом, если данные шаги будут означать движение в сторону независимости, то Соединенные Штаты их не поддержат⁶⁷. Спикер государственного департамента Р.Баучер в связи с решением Чэнь Шуйбяня провести “оборонный” референдум заявил, что США выступают против референдума, направленного на изменение статус-кво⁶⁸. В тайваньских СМИ появились сообщения о том, что старший директор по делам Азии Совета национальной безопасности Дж.Мориарти тайно посетил Тайбэй и передал Чэнь Шуйбяню письмо Буша, в котором была высказана “личная просьба” воздерживаться от обострения ситуации⁶⁹. Тайваньский президент разъяснил, что не собирается проводить референдум по вопросам независимости, а лишь хочет привлечь внимание тайваньцев и мировой общественности к ракетной угрозе со стороны Китая, которой подвергается остров. Он также подтвердил свое обещание придерживаться политики “пяти нет”⁷⁰.

На этом фоне состоялся визит в США премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао, в ходе которого 9 декабря президент Буш, отвечая на вопросы прессы, заявил, что Тайвань посылает сигналы о попытке изменить статус-кво. Американский президент подчеркнул, что США выступают против одностороннего изменения статус-кво в Тайваньском проливе. Хотя официальные лица заверили, что позиция США в тайваньском вопросе не претерпела изменений, но слова Буша прозвучали наиболее серьезным публичным упреком Тайваню со времени прихода к власти его администрации⁷¹.

Чэнь Шуйбянь вряд ли откажется от проведения “оборонного” референдума в марте 2004 г., поскольку такой шаг был бы расценен как проявление несостоятельности и поставил бы крест на его политической карьере. При формулировке темы референдума президент, видимо, постарается не выйти за красные флажки и не нарушить своих инаугурационных обещаний, чтобы не дать повода для обвинений в том, что он — зачинщик конфликта. Видимо, тайваньцам будет предложено выразить свое отношение к китайской ракетной угрозе.

Пока не ясно, до какой степени общественное мнение на острове готово принять сознательное обострение отношений с материком, затрагивающее интересы безопасности Тайваня, которое осуществляется явно под давлением политических расчетов предвыборной кампании. “Оборонный” референдум, который предусматривался как крайняя мера в случае обострения внешней уг-

розы, превращается в плебисцит консультативного характера по вопросу, ответ на который заранее известен и не может реально повлиять на решение проблемы. Не исключено, что оппозиции удастся сыграть на теме безответственности президента и перехватить инициативу, особенно с учетом имеющегося у нее парламентского большинства. Если обратиться к истории президентских кампаний 1996 и 2000 гг., то и тогда можно было наблюдать тактику провоцирования Пекина с прицелом на предстоящие выборы (визит Ли Дэнхуэя в США в 1995 г. и его "теория двух государств" 1999 г.). Вместе с тем, тогда эти действия были довольно значительно разведены по времени с выборами. Реакция на них Пекина, которая достигала апогея к моменту выборов (учения и стрельбы в 1995-1996 гг., опубликование Белой книги по Тайваню и угрозы Чжу Жунцзи в 2000 г.), когда электорат уже успевал подзабыть, с чего все начиналось, выглядела для тайваньцев как неспровоцированное запугивание и производила обратный эффект. Теперь же президенту приходится иметь дело не только с недовольством КНР, которое ему как раз на руку, но и с противодействием объединенной оппозиции и с прямой критикой в свой адрес со стороны США — единственного возможного гаранта безопасности острова. Дальнейшая линия поведения Чэнь Шуйбяня, видимо, будет зависеть как от хода кампании, так и от позиции Пекина и Вашингтона.

Нельзя исключать, что в случае победы на президентских выборах Чэнь Шуйбянь использует результаты "оборонного" референдума, чтобы ужесточить позицию по отношению к материку, например, оговорить свое соблюдение "пяти нет" новыми условиями (такими, как отказ КНР от угрозы силы, сокращение количества развернутых против Тайваня ракет, возобновление политического диалога и др.), на которые Китай вряд ли согласится. Тем не менее, для КНР, как представляется, лучшая тактика — перестать наступать каждые четыре года на одни и те же грабли и дожидаться результатов выборов. В Пекине не могут не понимать, что любые резкие заявления и действия помогают Чэнь Шуйбяню. Вместе с тем китайскому руководству по внутривнутриполитическим соображениям бывает непросто сохранять хладнокровие и удерживаться от политики "словесных атак и военного запугивания". Тот, кто выступает за проявление сдержанности, рискует серьезно проиграть, особенно если Чэнь Шуйбянь все же победит. В этом случае для реабилитации, возможно, потребуется компенсировать былую сдержанность еще большей жесткостью. Если же китайская сторона сразу займет решительную позицию и приравняет планируемый "оборонный" референдум к референдуму о независимости, несмотря на то, что он реально таковым не является, то тем самым она может загнать себя в угол. Как ни оценивать референдум на Тайване по вопросу вроде "должна ли КНР отвести ракеты", но на убедительный *casus belli* — он все же не тянет.

В качестве одного из среднесрочных сценариев, который не может не вызывать беспокойства в Пекине, представляется осуществление Чэнь Шуйбянем своих политических целей — победа на президентских выборах в марте 2004 г. и завоевание ДПП и ее союзниками большинства в парламенте в декабре будущего года. В таком случае ДПП сможет провести новое законодательство о референдумах, позволяющее принимать основной закон путем всенародного голосования (хотя это и не предусмотрено действующей конституцией). В таком случае Чэнь Шуйбяню все же удастся, говоря словами известного кинематографического персонажа, "покуситься на самое святое — на конституцию". В работе над новым основным законом будет весьма затруднительно обойти стороной вопросы государственного суверенитета, даже если принять на веру заявления о том, что цель изменения конституции — всего лишь повышение эффективности политических и административных институтов. Простое сохранение названия государства вряд ли решит вопрос. В частности, статья 4 ныне действующей конституции, вступившей

в силу в 1947 г., гласит, что “территория Китайской Республики в ее существующих государственных границах не может быть изменена иначе, чем по решению Национальной Ассамблеи”². Если в новой конституции будет в какой-либо форме отражен тот факт, что государственные границы “Китайской Республики” изменились по сравнению с 1947 г., и ее суверенитет больше не распространяется на материковый Китай, то это будет означать юридическое оформление отделения острова от материка. Таким образом, будет нарушено первое китайское “табу” — отделение Тайваня от Китая “под любым названием”, что не исключает, естественно, и такое название, как “Китайская Республика”. При этих обстоятельствах отказ Пекина от выполнения своей давней угрозы будет означать признание факта независимости Тайваня со всеми непредсказуемыми внутривластными последствиями. Конечно, данный сценарий построен на целом ряде допущений, но он не является полностью невероятным. Если КНР почувствует, что события неотвратимо развиваются в этом направлении, то, возможно, она не станет терпеливо дожидаться такой развязки.

Вашингтону придется мобилизовать все возможности и весь богатый опыт балансирования между Пекином и Тайбэем, чтобы продолжать обеспечивать сохранение статус-кво в Тайваньском проливе путем двойного сдерживания его берегов — материка от развязывания войны, а острова — от формализации независимости. Эта задача тем более важна для американской стороны, что 2004 г. — время выборов не только на Тайване, но и в США. Действующий президент, который пока не дает повода оппонентам сделать политику в отношении КНР темой предвыборных дискуссий, меньше всего нуждается в напряженности в Тайваньском проливе, особенно с учетом продолжающейся антитеррористической кампании. Вместе с тем, Буш не может позволить себе проявить слабость, если Китай обратится к тактике военного запугивания.

Можно предположить, что ближайшие месяцы могут стать очередным испытанием на прочность как для американо-китайских отношений, так и для мира и стабильности в Тайваньском проливе.

1. Текст интервью президента Тайваня Ли Дэньхуэя радиостанции “Немецкая волна” 9 июля 1999. <http://www.taiwandc.org.nws-9926.htm>
2. The One-China Principle and the Taiwan Issue. <http://www.china-embassy.org/eng/zt/twwt/White%20Papers/t36705.htm>
3. Текст выступления Чжу Жунцзи опубликован в “Жэньминь жибао” 15 марта 2000. <http://fas.org/news/china/2000/eng20000316N107.htm>
4. Текст инаугурационной речи президента Чэнь Шуйбяня 20 марта 2000. <http://taipei.org/chen/chen0520.htm>. Следует также отметить, что в ходе избирательной кампании ДПП предприняла шаги по модификации своей позиции в отношении независимости Тайваня. Если партийная платформа, принятая в 1991 г., провозглашает установление суверенной и независимой Республики Тайвань в качестве первой задачи партии, то резолюция о будущем Тайваня, принятая 8 мая 1999 г., утверждает, что Тайвань уже является суверенным и независимым государством, и любое изменение статус-кво должно осуществляться по решению жителей Тайваня путем плебисцита. Таким образом, ДПП эволюционировала в сторону поддержания статус-кво в чувствительных вопросах государственного суверенитета. См. <http://www.dpp.org.tw>.
5. David Lampton. Same Bed — Different Dreams. Managing US-China Relations in 1989-2000. Послесловие к изданию на кит. яз. Hong Kong, 2003. P.450.
6. Thomas Lippman. Bush Makes Clinton's China Policy an Issue//, Washington Post. August 20, 1999.
7. Condoleezza Rice. Promoting the National Interest// Foreign Affairs. January-February 2000. P.56.

8. Alan Romberg. Taiwan in US-PRC Relations: A Strategic Perspective. <http://www.stimson.org/pubs.cfm?ID=50>. P.2.
9. Ibid.
10. David Bachman. The United States and China: Rhetoric and Reality// Current History, September 2001. P.259.
11. China-Taiwan-US. Voice of America. 20 March 2001. <http://www.fas.org/news/china/2001/china-010320-taiwan.htm>
12. "Жэньминь жибао. 4 апреля, 4 апреля 2001. <http://www.peopledaily.com.cn/GB/shizheng/252/4874/4926/20010401/430634.html>, <http://www.peopledaily.com.cn/GB/shizheng/252/4874/4926/20010405/433491.html>
13. Bush Calls for Prompt Release of U.S. Crew, Return of Plane. <http://www.fas.org/news/china/2001/china-010403zws.htm>
14. Lampton.Д. Op.cit. P.454.
15. Alan Romberg. Reign In at the Brink of the Precipice. American Policy Toward Taiwan and U.S.-PRC Relations. Washington DC, 2003. P.195-196.
16. President Bush Discusses his First 100 Days in Office. <http://www.washingtonpost.com/wp-srv/onpolitics/elections/100days.htm>
17. Remarks by the President and the First Lady in Discussion on Shaping China for the 21st Century. June 30, 1998. <http://clinton6.nara.gov/1998/06/1998-06-30-remarks-by-president-and-first-lady-at-shanghai-library.html>
18. US President George W. Bush's First 100 Days// CNN International. April 25, 2001.
19. Romberg. Reign In at the Brink of the Precipice. P.198.
20. Лянь хэ бао. 2001. 8 июня. С. 13.
21. Лянь хэ бао. 2001. 31 июля. С. 13.
22. Агентство Синьхуа. 2001. 13 сентября.
23. Жэньминь жибао. 2001. 23 сентября. С. 2. Заявления МИД КНР в первые дни после теракта позволяют предположить, что на первых порах Китай рассматривал возможность увязки борьбы с терроризмом и борьбы с сепаратизмом и не был настроен на безоговорочное сотрудничество с США.
24. New York Times. October 18, 2001.
25. Жэньминь жибао. 2001. 23 сентября. С. 2.
26. US, China Stand Against Terrorism, Remarks by President Bush and President Jiang Zemin in Press Availability. <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2001/10/20011019-4.html>.
27. Department of Defense. Quadrennial Defense Review Report, September 30, 2001. P.15.
28. Nuclear Posture Review [Excerpts]. <http://www.globalsecurity.org/wmd/library/policy/dod/npr.htm>.
29. Фанькунчжань хоу дэ мэйчжун гуаньси юй тайхай цзюйши. Американско-китайские отношения после контртеррористической войны и ситуация в Тайваньском проливе, Тайбэй, 2003. С. 177.
30. Alan Romberg. Taiwan in US-PRC Relations. P.7.
31. Cross-strait bickering at APEC reaches climax// Taipei Times. October 19, 2001.
32. Цзью ши бао. 2002. 20 февраля. С. 1.
33. President Bush Meets with Chinese President Jiang Zemin. <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2002/02/20020221-7.html>
34. President Bush Speaks at Tsinghua University. <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2002/02/20020222.html>
35. Taipei Times, March 11, 2002.
36. US-Taiwan Military Hotline Exposed//, People's Daily. September 27, 2003. <http://www.taiwansecurity.org/News/2003/PD-092703.htm>
37. Romberg. Reign In at the Brink of the Precipice. P.212.
38. Например, см. John Pomfret and Philip Pan. U.S. efforts to restructure Taiwan military hits snags// China Post, October 31, 2003.
39. Romberg A.Op.cit. P.203.
40. Лянь хэ бао. 2002. 4 июня. С. 13.
41. Чжунго ши бао, 3 мая 2002, 6 мая 2002.
42. Romberg. Reign In at the Brink of the Precipice. P.206.

43. Lin Chieh-yu, "Chen Raises Pitch of Anti-China Rhetoric", Taipei Times, August 4, 2002.
44. Stephanie Low, "Pan-Blue Camp Asks Chen to Clarify Remarks", Taipei Times, July 23, 2002.
45. "China Says Chen Leading Taiwan to Disaster", Reuters, August 2, 2002. <http://www.taiwansecurity.org/Reu/2002/Reuters-080502.htm>.
46. "U.S. Distances Itself from Chen Remarks", CNN.com, August 8, 2002. <http://taiwansecurity.org/CNN/2002/CNN-080802.tm>.
47. Cross-Strait Police Stays Unchanged, Says MAC // Taiwan News. August 6, 2002. <http://www.taiwansecurity.org/TN/2002/TN-080602.htm>.
48. Transcript: Armitage Says U.S. Does Not Support Taiwan Independence. <http://64.0.91.34/scripts/cqcgi.exe/@pdqtest1.env>.
49. Remarks by the President and Chinese President Jiang Zemin in Press Conference. Crawford, Texas, October 25, 2002. <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2002/10/20021025.html>.
50. US Policy Toward Taiwan Swings to the Middle // People's Daily. June 13, 2003. <http://taiwansecurity.org/News/2003/PD-061303.htm>.
51. John Pomfret. China Suggests Missile Buildup Linked to Arms Sales to Taiwan // Washington Post. December 10, 2002.
52. Лянь хэ бао. 2000. 19 июля.
53. Шилю да хоу ляннань гуаньси нань ю тупо [После 16 съезда трудно ожидать прорыва а отношениях двух берегов]. Чжунгун Яньцзю. № 12. 2002. С. 17.
54. Lian, Soong Pair Up for 2004 Elections // Taiwan News. February 15, 2003. <http://taiwansecurity.org/TN/2003/TN-021503.htm>
55. Lian, Soong Attack DPP's 'Negative' Record in Power // Taipei Times. March 23, 2003. <http://taiwansecurity.org/TT/2003/TT-032303.htm>.
56. Romberg A. Op. cit. P.209-210.
57. Чэнь Юньлинь: хэсы гунтоу кэ, WHO гунтоу бу кэ [Чэнь Юньлинь: референдум по 4-й АЭС проводить можно, по ВОЗ — нельзя] // Лянь хэ бао. 2003. 30 августа. С. 4.
58. US Policy Toward Taiwan Swings to the Middle // People's Daily. June 13, 2003. <http://taiwansecurity.org/News/2003/PD-061303.htm>.
59. U.S. Reminds Taiwan Leader of Status Quo Pledge: Reuters. September 29, 2003. <http://taiwansecurity.org/Reu/2003/Reuters-092903.htm>.
60. Chen Wants New Taiwan Constitution by 2008// Straits Times. November 12, 2003. <http://www.taiwansecurity.org/ST/2003/ST-121103-1.htm>.
61. Лянь хэ бао. 2003. 3 ноября. С. 3.
62. Там же. 2003. 8 ноября. С. 11
63. Там же. 2003. 19 ноября. С.2.
64. Spokesperson Liu Jianchao's remarks on the comments by the Person in Charge of American Institute in Taiwan, November 19, 2003. <http://www.fmprc.gov.cn/eng/xwfw/2510/2535/t44019.htm>.
65. Лянь хэ бао. 28 ноября 2003. С. 1.
66. Там же. 2003. 30 ноября. С. 1.
67. Там же. 2003. 22 ноября. С. 3.
68. Там же. 2003. 3 декабря. С. 1.
69. Там же. С. 3.
70. Там же. 2003. 5 декабря. С. 2.
71. Там же. 11 декабря 2003. С. 13.
72. Constitution of R.O.C. Article 4. <http://www.wulaw.wustl.edu/Chinalaw/twconlaw.html#3>.

Россия и АТЭС

© 2004

В. Федотов

В последние годы в Азиатско-Тихоокеанском регионе все более важную роль приобретает АТЭС. Поэтому есть необходимость оценить в общем плане историю вхождения России в эту организацию, оценить ее характер и особенности функционирования, а также перспективы интеграционных процессов в Восточной Азии с учетом существования АТЭС.

В России даже в официальных материалах об АТЭС пишется, что в ее состав входят 21 государство и территории. Одно это говорит о том, с каким трудом и опозданием наш бюрократический менталитет ухватывает реалии и понятия, из которых складывается современный мир. Членами АТЭС являются экономики. Поэтому там представлены как самостоятельные и самодостаточные величины все три китайские экономики — КНР, Сянган и Тайвань. А территории тут не при чем. Все они фактически или формально составляют единую территорию Китая.

Отчетливо вспоминается, что СССР, а затем Россия начали настойчиво стучаться в дверь АТЭС фактически с 1989 г., когда этот форум возник в Канберре. Но внятной мотивации просьбы допустить Россию в АТЭС не было. Нам часто приходилось слышать от партнеров по переговорам: "Ваша доля во внешней торговле стран АТР меньше одного процента. Торгуйте больше, и вас примут". Но СССР-Россия добивались приема, выдвигая в качестве главного аргумента свой статус тихоокеанской державы, то есть ставя телегу впереди лошади, поскольку речь-то шла об экономике. Фактически на этих условиях, то есть с выдачей ей большого аванса, Россия была наконец принята в АТЭС в ноябре 1998 г.

У Москвы не было четких руководящих идей, ради чего ей нужен АТЭС, как и в каких целях действовать в сложном лабиринте его рабочих органов. Не раз доводилось слышать, что наши отраслевые ведомства плохо приспособлены к деятельности в рабочих группах АТЭС. Напрашивается сравнение с Китаем, который имел ясные концептуальные разработки своего участия в АТЭС еще до вступления в него, о чем написаны целые книги.¹ Китайцы с самого начала поставили задачу использовать АТЭС как испытательный полигон для вступления в ВТО, правильно ухватившись за преимущества многосторонних переговоров в рамках АТЭС в качестве средства прокладки пути в ВТО.² Перед одним из очередных саммитов АТЭС они прибегли к существенному разовому сокращению своих национальных тарифов в среднем на 30 процентов. На Манильском саммите 1995 года Председатель КНР Цзян Цзэминь в своем выступлении четко заявил, что у АТЭС, помимо либерализации торгов-

Федотов Владимир Павлович, посол, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Центра АТР ИАМП ДА МИД России.

ли, есть и задача технического сотрудничества, передачи технологии, в чем Китай в первую очередь заинтересован.

России не удалось сразу выработать четкую шкалу приоритетов, сформулировать свою работу в рамках АТЭС, увязать ее с экономическими реформами и потребностями страны. Россия не проводила какой-то особой работы в АТЭС в порядке подготовки к вступлению в ВТО, хотя и получила в этом отношении поддержку всех членов АТЭС. В немалой мере это связано с объективными причинами, с тем, что экономический центр России, несмотря на ее евразийство, лежит в Европе, и, как говорил Президент В.Путин, “выкручивают России руки” в вопросе вступления в ВТО не в АТЭС, а прежде всего в ЕС.

Уже задним числом, после двух лет своего членства Россия сформулировала некую “Концепцию участия России в форуме “Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество” (АТЭС)”, которая была одобрена Президентом В.Путиным 10 ноября 2000 г.³ Сейчас эта концепция не может не вызывать определенные вопросы хотя бы уже потому, что ни одно из ее положений не было соотнесено с содержанием ключевых документов самого АТЭС, а такие региональные гиганты, как НАФТА и МЕРКОСУР, были низведены в ней на уровень субрегиональности.

Россия как бы на ходу, в процессе практики постигает все детали работы в АТЭС, ее смысл, выгоды и риски для себя, причем после пяти лет ее пребывания в этой организации можно сказать, что делает это Россия достаточно успешно. Она стала активным и инициативным партнером в глазах других членов АТЭС.

Лично Президент В.В.Путин регулярно принимает участие в саммитах АТЭС (кроме саммита в Лос-Кабосе, Мексика, в октябре 2002 г.). Министры и другие представители России участвуют в министерских встречах форума (иностранных дел, торговли, финансов и т.д.). Расширяется участие российских представителей в заседаниях рабочих и экспертных групп АТЭС по вопросам торговли, инвестиций, финансов, малого и среднего предпринимательства, рыболовства, стандартизации, в проводимых форумом выставках и семинарах. Регулярно и довольно активно участвуют представители российского бизнеса в Деловом консультативном совете АТЭС. Интересам России отвечает начатая в АТЭС со времени проведения Шанхайского саммита (октябрь 2001 г.) разработка темы борьбы с терроризмом. Деятельность России в АТЭС практически обеспечивается Комиссией Правительства Российской Федерации по вопросам участия в форуме “Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество”, которую возглавляет В.Б.Христенко. Под эгидой этой Комиссии действует “Деловой клуб АТЭС”, в котором представлены более 70 российских банков и компаний, проводятся научно-практические конференции по тематике АТЭС.

Успехом России является проведение атэсовских мероприятий на ее территории: Форума по деловому сотрудничеству в области инновационного предпринимательства (Москва, июнь 2002 г.), Рабочей группы АТЭС по телекоммуникациям (Москва, август 2002 г.), инвестиционного симпозиума и инвестиционной ярмарки АТЭС (Владивосток, сентябрь 2002 г.), тест-семинара по цветным металлам (Братск, август 2003 г.). По итогам этого семинара одобрена российская инициатива запуска в 2004 г. в рамках АТЭС Диалога по цветным металлам.

Сейчас России надлежит направить усилия на основательную подготовку к чилийскому саммиту осенью 2004 г., на котором предусматривается рассмотреть некоторые реорганизационные вопросы.

Одна из задач в этом плане — добиваться, чтобы новые меры по борьбе с терроризмом и в области безопасности в целом не оказались для России слишком затратными.

На пресс-конференции по завершении последнего Бангкокского саммита АТЭС Президент В.Путин говорил: "Мы присоединились к АТЭС, имея в виду достижение Богорских целей. Это то же самое по сути, только детализированная проблематика ВТО. То есть мы объявляем о том, что стремимся к либерализации и к открытой торговле. Мы ради этого вступали в АТЭС. Вместе с тем сталкиваемся с определенными все новыми и новыми нетарифными ограничениями, и как только некоторая наша продукция становится конкурентоспособной на мировых рынках, тут же возникают проблемы. Я имею в виду, допустим, ограничения на импорт в некоторые страны нашей металлопродукции"⁴.

Эти слова можно рассматривать как емко выражающие концепцию участия России в АТЭС, исходя из наших национальных интересов, или, по крайней мере, ядро такой концепции. Решения АТЭС, собственно, требуют, чтобы каждая экономика представила индивидуальный план реализации целей Богорской декларации 1994 года по либерализации торговли. Соглашаясь с этим, наш Президент ставит вопрос о том, чтобы не было при этом двойных стандартов, чтобы, исходя из буквы и духа Богорской декларации, не ставились требования импорту из России. Четко и правильно расставляя акценты, он ориентирует российских представителей в АТЭС на то, чтобы они умело и настойчиво использовали механизмы форума для обеспечения прежде всего российских интересов.

В руководящих российских кругах к настоящему времени сложилось также понимание необходимости использовать АТЭС как рычаг и средство на пути в ВТО. Это еще одна важнейшая составная концепции участия России в АТЭС. Об этом хорошо сказал заместитель министра иностранных дел России А.И.Денисов на пресс-конференции во время Бангкокского саммита: "АТЭС — хорошая опытная площадка, своего рода полигон, где отдельные вопросы регулирования торговли можно обрабатывать в региональном масштабе и затем предлагать ВТО распространять их на более широкий круг стран... АТЭС — это мини-ВТО... Как отметил Президент России В.В.Путин, АТЭС дает России возможность уже сейчас работать как части мировой торговой системы, не испытывая комплекса от того, что мы пока еще не члены ВТО, уже сейчас апробировать какие-то свои подходы на широком географическом пространстве, в отношениях с разными и интересными для нас партнерами"⁵.

Очевидным успехом России является то, что экономические лидеры по завершении саммита в своей Бангкокской декларации (октябрь 2003 г.) выразили последовательную поддержку скорейшему присоединению Российской Федерации (как и Вьетнама) к ВТО.

АТЭС — единственная организация экономической интеграции в АТР, в которой Россия участвует. И в свете вышеизложенного России необходимо оставаться в составе АТЭС, видя свою задачу в том, чтобы проводить в АТЭС гибкую политику, ориентированную на российские интересы, и в то же время избегать жестких обязательств, наносящих ущерб пока еще хрупкой российской экономике.

Вместе с тем, как правильно отметили в своей Совместной декларации Президент В.Путин и Председатель КНР Цзян Цзэминь (2 декабря 2002 г.), развитие всестороннего торгово-экономического, инвестиционного и технологического сотрудничества в рамках форума АТЭС является серьезным вкладом в дело стабильности и развития в АТР.⁶

Но пребывание России в АТЭС должно стать также, как представляется, и серьезным стимулом для углубленного проникновения в современные интеграционные процессы, в сущность так называемой глобализации. Вспомним, почему и как возник АТЭС.

АТЭС — это плод политики США, которые поспешили подстраховаться в экономически важнейшем для них регионе АТР на тот случай, если уругвайский раунд ГАТТ (а он длился с 1987 по 1994 г.) закончился бы провалом и привел их к торговой войне с ЕС. В 1993 году, в критический момент уругвайского раунда, Б.Клинтону удалось созвать в Сиэттле первый саммит АТЭС, который выступил с декларацией, выдержанной в либеральных тонах и имевшей очевидную цель “надавить” на ЕС.

Кроме того, создав АТЭС (сверхрегиональное образование, выходящее за рамки региональной интеграции, дозволенной ст. XXIV ГАТТ), США словно бы “утопили” в этом гигантском резервуаре, фактически блокировали назревшую восточноазиатскую региональную интеграцию. И когда премьер-министра Малайзии Махатхир Мохамад в декабре 1990 г. огласил идею создания Восточноазиатской экономической группировки, США резко выступили против нее под тем предлогом, что не следует создавать альтернативу уже существующему АТЭС. Япония, по существу одобрявшая предложение Махатхира, не подержала его из-за позиции США.

В 1992 г. на сессии СТЭС (Совета тихоокеанского экономического сотрудничества) в Сан-Франциско некоторые представители асеановских стран частным порядком высказывались в том духе, что они и не хотели создания АТЭС, но их уговорили согласиться на его организацию.

В том же 1992 г. США, Канада и Мексика объявили о создании зоны свободной торговли Северной Америки (НАФТА), которая начала действовать с 1 января 1994 г. Американская идея в конечном счете сводится к тому, чтобы ввести АТЭС и НАФТА в общий режим нужной США торговой либерализации и — более того — слить АТЭС в одно торгово-экономическое поле с зоной свободной торговли двух Америк (ФТАА), план создания которой в 2005 г. был подтвержден США и латиноамериканскими государствами на рубеже XX и XXI веков. США разработали классическую, что называется, модель, ведущую через регионализм к нужной им глобализации как экономической основе *Rax Americana*.

Но что происходит сейчас? Почему, скажем, директор американского Института международной экономики К.Ф.Бергстен отмечает, что “прогресс в направлении создания ФТАА был весьма незначительным, а АТЭС не сделал ничего, чтобы приблизиться к своим амбициозным целям”?

Оставляя в стороне вопрос о ФТАА (где, в частности, до сих пор сказывается фактор борьбы между НАФТА, т.е. фактически США, и МЕРКОСУР), можно отметить, во-первых, что весьма ощутимо дает себя знать в разных формах давно назревшая восточноазиатская интеграция, пробивающаяся сквозь все американские стяжки и конструкции АТЭС, хотя дело и не дошло еще до оформления каких-то ее четких и закреплённых контуров. Пробивает себе дорогу идея восточноазиатского форума в составе Китая, Японии и Южной Кореи, который бывший премьер-министр Японии И.Мори назвал однажды “новым азиатским сообществом”. Кроме того, страны АСЕАН, не особенно афишируя свою работу после кризиса 1997 г., ведут дело к оформлению Зоны свободной торговли АСЕАН — АФТА. Наряду с этим получает развитие интеграционный процесс “10 + 3”, в котором участвуют асеановская десятка и Китай, Япония, Южная Корея. Тринадцать стран обсуждают не только экономические, но и политические вопросы, и нелишне отметить, что в ходе их встреч уже прописаны, хотя бы в постановочном плане, основные этапы интеграции в надлежащей последовательности: таможенный союз, затем общий рынок и, наконец, создание общей валюты. Не случайно интерес России к этому формирующемуся образованию был отмечен в Совместной декларации глав государств РФ и КНР от 2 декабря 2002 г.⁸ Еще заметнее продвигается вперед создание

Зоны свободной торговли "10 + 1" в составе стран АСЕАН и Китая. 4 ноября 2002 г. они подписали в Пномпене Рамочное соглашение о сотрудничестве, названное генеральным секретарем АСЕАН Р.Северино одним из важнейших в мире, подписанных в 2002 г.⁹ Эта Зона свободной торговли расценивается как надежный амортизатор конфликтов в Южно-Китайском море.¹⁰

Таким образом, мы наблюдаем фактическое вызревание в недрах АТЭС некогда формально отвергнутой идеи Махатхира о восточноазиатской экономической группировке (или форуме — ВАЭФ).

Во-вторых, правы оказались те, кто считал глобализацию в основном синонимом американизации, и автор в целом разделяет это мнение. Пока администрация Клинтона старалась американизировать мир, опираясь на экономические методы (в чем — надо отдать ей должное — она немало преуспела), в ее устах клич "глобализация" гремел как иерихонские трубы воинства Иисуса Навина. Администрация Буша сделала ставку на силовые, военно-политические методы, а о глобализации словно бы подзабыли. К этому стоит приглядеться.

Наконец, третье и самое главное. Большинство исследователей расценивает региональную интеграцию, проявления регионализма фактически только как "кирпичики", составляющие процесса глобализации. Это представляется далеко не всегда обоснованным.

Нельзя не согласиться с мнением А.Шлезинджера о регионализме как "защитной реакции по всей планете против беспощадной глобализации".¹¹ И хотя глобализация — процесс объективный, эта защита нередко оказывается достаточно действенной. Стратегия сокрушения таранами ТНК национальных границ, суверенитетов, рынков дает сбой.

Многие ученые, анализируя проявления регионализма, усматривают в нем средство, способное противостоять глобализации, глобализму. Ими даже введен получающий широкое распространение термин "глокализация", отражающий диалектический процесс сочетания двух тенденций — глобализации и регионализации (локализации). При этом выявляются часто доминирующие на местах настроения, что только держась за особенности и преимущества локального можно выстоять в потоке процесса глобализации.¹²

Сложившуюся ситуацию довольно образно охарактеризовал на пресс-конференции 20 октября 2003 г. заместитель министра иностранных дел России А.И.Денисов. Затрагивая "соотношение глобальной торговой либерализации и локальной свободной торговли", он говорил: "Соответствующая статья ГАТТ разрешает наличие зон свободной торговли как исключение из общего торгового режима. Эти исключения в последнее время перерастают в правило. Зон свободной торговли становится все больше и больше. И уже действительно неизвестно, где глобальная торговая либерализация, а где локальная". В этой связи он выразил мнение, что саммит в Бангкоке призовет к "сбалансированию создания региональных зон свободной торговли и глобальной либерализации торговой системы".¹³

В этой связи весьма характерна и главная тема работы АТЭС в 2003 г. — "Мир многообразия: партнерство во имя будущего" (курсив мой. — В.Ф.), которой Лидеры экономик посвятили свою Декларацию, принятую в Бангкоке на их 11-й с 1993 года встрече. В ней немало говорится о содействии либерализации торговли и инвестиций, приобщении населения экономик-членов к "благам глобализации" в традиционном для глобалистов, духе.¹⁴

Но есть простые факторы, стимулирующие новый подъем регионализма и существенно корректирующие удобную для глобалистов модель постиндустриальной глобализации. Такая модель немыслима, например, пока существуют гигантские автономные рынки, прежде всего индийский или китайский, а они не собираются терять самостоятельность.

Китай внимательно следит за проблемами глобализации, активно подключается к ее процессам. Но с учетом своих интересов. Как справедливо отмечает один из российских авторов, “в части либерализации КНР как раз явно не торопилась догонять другие страны, столь же явно превосходя их в другом — в наращивании непосредственной хозяйственной мощи государства, особенно заметной во внешнеэкономической сфере. Политику Китая в области внешней торговли, использования иностранных инвестиций и валютного регулирования следует квалифицировать как сочетание селективного и ограниченного “открытия” с жестким государственным контролем за его ходом и выраженным протекционизмом”.¹⁵ Статистика говорит также о росте самообеспечения отраслей народного хозяйства КНР отечественными средствами производства.¹⁶ Экономика Китая обеспечивает собственный воспроизводственный процесс, прочно стоит на своих ногах.

Развивая свою экономику самыми быстрыми в мире темпами, Китай неуклонно приближается к статусу великой державы первого разряда, глобального значения. И было бы просто смешно думать, что на пути к этой цели он не попытается создать вокруг себя крепкие региональные редуты и бастионы, которые гарантировали бы его от всех превратностей процесса глобализации. Как вытекает из вышеизложенного, внешняя политика КНР уже ориентируется на эти цели, Китай активно и инициативно включается в процессы восточноазиатской интеграции, действуя в этом плане деликатно, на компромиссных и консенсусных началах.

России, расширяя и отлаживая свое участие в АТЭС, необходимо вместе с тем думать о перспективах, рассматривая их через призму тенденций и вариаций вырисовывающейся сейчас восточноазиатской интеграции. Россия не может не учитывать при этом ключевую роль в этих процессах Китая как нарождающегося мирового гиганта, фактически потенциального второго полюса мировой политики.

В отношениях России с Китаем на сегодня практически отлажено все, что касается их межгосударственного и юридического аспекта. В этом смысле между двумя соседями образовалась редкостная гармония. И наступает труднейший период практической отработки торгово-экономических, научно-технических, технологических и прочих связей. Уже нет никакого секрета в том, что на первое место в российско-китайских отношениях выходит энергетика, а если говорить конкретно — вопрос о прокладке нефтегазопровода. Вопрос, прописанный в документах, на бумаге, но на практике никак не продумывавшийся и преподносящий сейчас немало загадок и сюрпризов. Решать его придется, видимо, долго, прикидывая разные варианты прокладки трубы, оценивая разных партнеров. Но представляется несомненным, что Россия совершит большую стратегическую ошибку, если как-то недоучтет при этом интересы Китая, главной региональной державы уже сейчас.

Вообще, если восточноазиатская экономическая интеграция станет фактом будущего — а дело идет к этому, — то Россия так или иначе окажется втянутой в ее сферу, станет сопричастной к ней. И вопрос в том — на каких условиях. Важно уже сейчас в деталях продумать то, как могла бы Россия включиться в жизнь восточноазиатских экономик, выторговывая для себя выгодную роль транспортного перевозчика и используя новейшие технологии. В этом плане ей просто необходимо иметь прежде всего разработанную стратегию сотрудничества с Китаем и другими странами Восточной Азии в области энергетики, причем речь идет не только и не столько о нефти или газе, добыча которых скоро вообще начнет снижаться. Для восточноазиатских стран, не так уже богатых энергоресурсами, вырисовывается необходимость все больше переходить на атомные электростанции, и в этом плане Россия должна продум-

мать оптимальный вариант ведения НИОКР и подготовки производственных мощностей. Сколько было разговоров о гигантской ГЭС "Санься", создаваемой в Китае! А расчеты показывают, что ее хватит для покрытия всего 10% потребностей страны в электроэнергии. Так что России в самую пору настраиваться на сотрудничество со своими восточными соседями в области атомной энергетики.

Как представляется, Россия в конечном счете также только выиграла бы, если бы ее ВПК расширял масштабы сотрудничества практически со всеми странами Восточной Азии. Ожидать каких-то ударов по России отсюда в будущем похоже на стратегическую аберрацию. Там будут завязываться другие конфликты, которые в конечном счете приведут к установлению нового взаимоуравновешивающего "сдерживания".

Словом, развитие торгово-экономических связей России со странами Восточной Азии на достаточно высоких технологических уровнях становится вызовом для нашей страны, с которым она обязана справиться. Восточный вектор во внешнеполитических и внешнеэкономических связях России обретает новую реальность.

1. См., напр.: APEC and Liberalization of the Chinese Economy. Peter Drysdale, Zhang Yunling and Ligang Song (Editors), Asia Pacific Press at the Australian National University, 2000.
2. Ibid. P. 90-91.
3. Россия в АТЭС и в АТР: МИД РФ и ИДВ РАН / Отв. ред. чл.-корр. РАН И.Д.Иванов и чл.-корр.РАН М.Л.Титаренко. М., 2001. С. 5-8.
4. <http://128.128.5.20/tmp/418518.htm> 18.11.2003.
5. <http://128.128.5.20/tmp/418756.htm> 18.11.2003.
6. Сообщение РИА. Выпуск "Дипломатические новости России". 2002. 2 декабря.
7. Foreign Affairs. Nov./Dec. 2002. P. 88.
8. Сообщение РИА. Выпуск "Дипломатические новости России". 2002. 2 декабря.
9. Сообщение ИТАР-ТАСС. 2002. 4 ноября. Сообщение РИА. Выпуск "Горячая линия". 2002. 5 ноября.
10. Washington Post. 5 November. 2002.
11. Foreign Affairs. Sept./Oct. 1997. P. 10.
12. См., напр.: Global/Local. Durham: Duke University Press., 1996.
13. <http://128.128.5.20/tmp/418756.htm>
14. Бангкокская Декларация "Партнерство во имя мира".
15. Салицкий А.И. Внешнеэкономическая стратегия КНР // Китай в мировой политике: Росспэн. Москва, 2001. С. 72.
16. Там же. С. 81.

К вопросу об эволюции военной политики и военной стратегии Китая

© 2004

А. Клименко

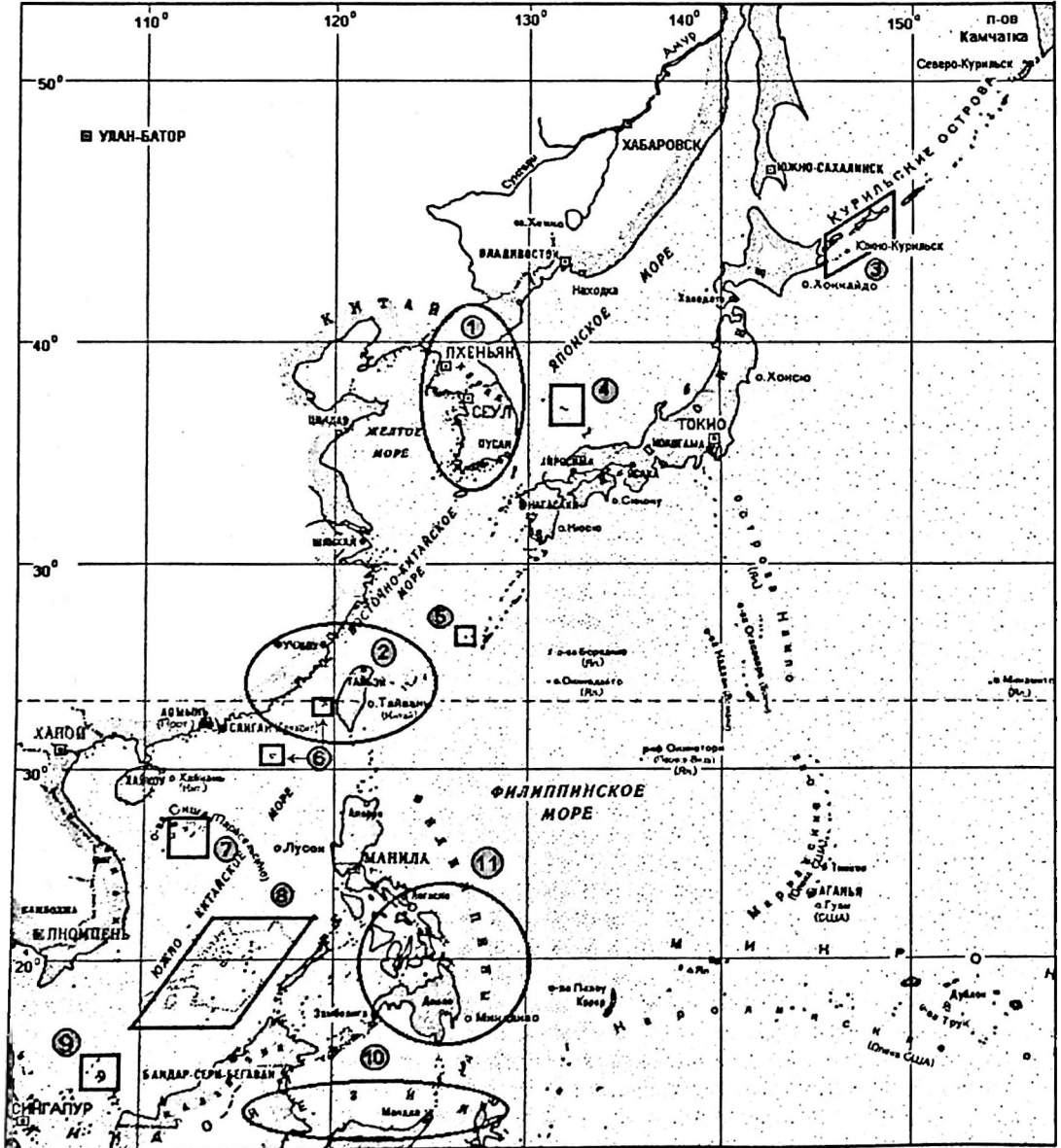
В последнее время все большее внимание специалистов и общественности привлекает к себе военная политика и военная стратегия Китая как одного из мировых центров силы. Что это за государство — друг или потенциальный противник, соперник или партнер? В российских средствах массовой информации можно найти самые различные мнения на этот счет. Тем не менее в освещении этой темы немаловажное значение имеет и то, как отвечают на эти вопросы китайские военные специалисты в выпущенных недавно издательством "Военная наука" монографиях: "Современное мировое военное дело и оборона Китая", и "2000-2001 гг.: Стратегические оценки". Очевидно, авторские коллективы в преддверии XVI съезда КПК преследовали также цель популярно, в доступной форме разъяснить направленность военной политики государства, обоснованно изложить основные задачи военного строительства, раскрыть и обосновать ведущую роль партии в этом важном деле.

Отмечая точки по периметру границ Китая, где возможны вооруженные конфликты (Корейский полуостров, Тайвань, Индия, ряд островов в Южно-Китайском и Желтом морях. — См. рис. 1) китайские военные теоретики обосновывают необходимость уделять больше внимания морскому направлению и, соответственно военно-морским силам флота и авиации.

Впервые открыто называются внутривнутриполитические, социальные, национальные и экономические проблемы и противоречия в обществе, которые угрожают безопасности Китая. Указываются вызовы, связанные с попытками сохранения в стране реакции при поддержке внешних сил разложить китайское общество, вызвать волнения и мятежи, активизировать национальный сепаратизм. Серьезные опасения вызывают планы тайбэйских властей расколоть Китай путем провозглашения государственной независимости Тайваня. В числе внутренних трудностей называются растущий разрыв между доходами богатых и бедных, благосостоянием прибрежных и отдаленных глубинных районов страны, миграция избыточного крестьянского населения в города и связанная с ним безработица, а также коррупция чиновничества.

В оценках международного положения Китая подчеркивается удовлетворение со стороны Пекина состоянием китайско-российских отношений, и хорошими перспективами дальнейшего развития взаимовыгодного стратегического партнерства между Пекином и Москвой в различных областях. Вместе с тем, китайские эксперты выражают серьезную обеспокоенность по поводу военного присутствия США и их союзников по НАТО в Афганистане и странах Центральной Азии, занимающих чрезвычайно важное стратегическое положение, и, что самое главное — находящихся в глубоком тылу Китая.

Зоны конфликтных ситуаций в Восточной Азии

1. Корейский полуостров.
2. Район Тайваня.
3. Южные Курильские острова.
4. Острова Токдо.
5. Острова Сенкау.
6. Пескадорские о-ва и о-ва Пратас.
7. Парасельские острова.
8. Острова Спратли.
9. Острова Бунгуран (Натуна).
10. Ряд провинций Индонезии.
11. Южные районы Филиппин.

Рис.1

Особо обращается внимание на рост значимости богатых природными ресурсами морских акваторий в условиях истощения их запасов на суше, на необходимость в складывающейся геэкономической, геополитической и геостратегической обстановке основательно менять взгляды на подготовку эффективных мер по обеспечению суверенитета Китая в его прибрежных зонах, всесторонне укреплять ВМС, что является предпосылкой обеспечения безопасности страны и ее развития в целом.

* * *

Как известно, китайские военные эксперты исходят из того, что роль любого государства на международной арене определяется его геополитическим и геостратегическим положением, экономической и военной мощью, уровнем развития науки, техники и технологии, ресурсообеспеченностью, количественно-качественными показателями населения, направленностью внешней, внутренней и военной политики, а также способностью оказывать влияние на другие государства и некоторыми другими факторами. Все это, по китайским взглядам, составляет комплексную государственную мощь (КГМ). КГМ отражает "способность государства к комплексной мобилизации всех сил на социальное развитие, оказание международного влияния и участия в мировом протистоянии"¹.

Говоря о военно-стратегическом факторе и его влиянии на военно-политическую роль Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и в мире, следует учитывать, что это всего лишь один из элементов КГМ, хотя и существенный. И только в комплексе с другими элементами, как считают в Китае, он может определять роль и место государства на международной арене. КНР обладает необходимым потенциалом, чтобы стать "одним из полюсов" в многополярном мире и занять ведущие позиции в регионе. Процесс реализации этого потенциала идет успешно, но и проблем на его пути немало.

Китай является крупной континентальной и морской державой и занимает выгодное положение в АТР. В военно-стратегическом отношении он на протяжении всей своей истории выступал в основном как сухопутная страна, что особенно проявилось в период китайско-советской конфронтации. Определенная переориентировка военной организации страны и вектора военной стратегии начались после прекращения этой конфронтации и выдвигания на передний план задачи экономического усиления Китая. В процессе ее решения предполагается превратить Китай к 2050 г. в новую сверхдержаву современного мира, способную не только предъявить, но и реализовать свои права в качестве одного из глобальных центров силы. Об этом свидетельствуют намерения пекинского руководства удвоить к 2010 г. объем ВВП по сравнению с 2000 г., выйти к 2020 г. на второе место в мире после США по уровню технического и технологического развития, а к 2050 г. завершить программу "четырёх модернизаций" (промышленности, сельского хозяйства, научно-технической и военной сфер) в полном объеме.

Решению названной выше задачи подчинено и военное строительство КНР. В ст. 4 ч. 1 (Основные установки) Закона о национальной обороне указывается: "Государство, концентрируя свои усилия на задаче экономического развития, одновременно должно активизировать свою деятельность по строительству национальной обороны и добиваться сбалансированного развития национальной обороны и экономики".

Некоторыми экспертами положение о сбалансированности развития обороны и экономики однозначно трактуется как стремление удержать под контролем военные расходы. Так ли это?

Вновь обратимся к китайскому Закону о национальной обороне. Ст. 35 ч.6 (Расходы в области национальной обороны) устанавливает, что расходы на деятельность в сфере национальной обороны определяются не только уровнем развития национальной экономики, но и “действительной оборонной необходимостью”. Таким образом, связь экономики, политики и военной стратегии здесь очевидна.

Рассмотрим, какими факторами определяются эта оборонная необходимость и целевые установки для военной стратегии КНР в целом, и морской стратегии в частности.

1. С дезинтеграцией СССР и улучшением отношений с Россией тезис о “военной угрозе с Севера” для Китая утратил актуальность. Между тем темпы экономического развития страны стали ускоряться. Это происходило в основном за счет приморских провинций, где образовались высокотехнологические индустриальные центры, которые играют роль “локомотива” экономического развития КНР. Данный процесс сопровождается возрастанием потребности страны в сырьевых и энергетических ресурсах и ее зависимости от их доставки морскими путями. По некоторым данным к 2020 г. потребности КНР в импорте нефти будут составлять около 200 млн. тонн в год и по уровню потребления она выйдет на первое место в мире². Сейчас эта цифра составляет около 60 млн. тонн.

2. Важную роль в использовании прогрессивных методов экономической деятельности, передовой науки, технологии и менеджмента играет опыт бывших колониальных владений Англии и Португалии — Гонконга и Макао, ныне возвращенных КНР. Определенные надежды в этом плане возлагаются и на Тайвань. Представляется, что экономические интересы играют не последнюю роль в стремлении Китая подчинить своей юрисдикции и спорные территории в омывающих Китай морях.

3. Повышение интереса Пекина к указанным районам далеко не случайно. Имеются признаки того, что в акваториях этих морей сосредоточены значительные природные ресурсы. В 1968 г. появилась информация об обнаружении запасов нефти на шельфе о. Сенкаку* (китайское название Дяоюйдао), который Япония относит к своей национальной территории. По сообщениям японской прессы в 1999 г. китайские суда приступили к геологоразведочным работам на шельфе этих островов³. Разведанные запасы шельфовой нефти и газа в Южно-Китайском море составляют, соответственно, более 1,5 млрд. т. и 320 млрд. куб. м.⁴ В условиях зависимости Китая от импорта углеводородного сырья это немаловажный фактор.

4. Есть и другие причины, по которым КНР будет наращивать военное присутствие в этом регионе. Одна из них, по нашему мнению, состоит в том, что Пекин стремится усилить военно-морской потенциал для обеспечения гарантий свободы своего судоходства в Малаккском проливе, через который транспортируется более половины импортируемой Китаем нефти⁵. Здесь же проходят как торговые суда, так и военные корабли США, Японии, других стран из Индийского океана в Тихий и наоборот. Таким образом, потенциал китайских ВМС и ВВС может быть использован и для блокады проливов из

* Острова расположены в Восточно-Китайском море в 220 км от японского о. Окинава, в 420 км от китайского порта Фучжоу, и в 190 км к северо-востоку от Тайваня. Необитаемы. Площадь трех, наиболее крупных составляет 6,3 км. По условиям Симоносекского договора 1895 г. вместе с Тайванем отошли к Японии. Согласно Сан-Францисскому договору 1951 г. Япония отказалась от территорий, захваченных в результате агрессии, в том числе от Тайваня, но не от Сенкаку. В настоящее время это спорная территория, права на которую предъявляются Японией, Китаем и Тайванем.

Индийского океана в Тихий, если для решения военно-стратегических задач Китаю потребуется установить контроль за проходом военных кораблей или поставками энергоресурсов на Тайвань или в Японию. Подобного развития со- бытий реально опасаются в Японии. Еще в середине прошлого десятилетия ве- дущий специалист Центра комплексных исследований "Номура" Н. Моримото подчеркивал, что существует единство мнений среди наблюдателей и военных экспертов, занимающихся Китаем, о том, что китайские ВВС и ВМС смогут оказывать решающее воздействие на морские перевозки Японии, если про- граммы модернизации вооруженных сил будут осуществляться темпами адек- ватными или более высокими, чем нынешний экономический рост⁶.

Характерны в этом плане и отношения между КНР и Японией вокруг архипелага Спратли, расположенного в центре Южно-Китайского моря и на- считывающего около 100 мелких островов. Помимо потенциального наличия энергоресурсов архипелаг очень важен в стратегическом отношении, так как в районе островов проходят важнейшие морские коммуникации. Япония офици- ально на Спратли не претендует, отказавшись от этого по Сан-Францисскому договору. Но она кровно заинтересована в обеспечении свободы морского судо- ходства в этой зоне. Китай создал на некоторых из этих островов военные базы, что позволяет ему контролировать проходящие там морские коммуникации.

Названными экономическими, политическими и военно-стратегически- ми факторами во многом обусловлено стремление Пекина к усилению военно- политической роли и военно-стратегических позиций в АТР и, прежде все- го, в его морской акватории. Какие же методы достижения этой цели могут быть использованы китайским военно-политическим руководством?

В китайском военном и политическом лексиконе не случайно появились термины "стратегические границы" и "жизненное пространство". Для повыше- ния своей роли в АТР, как считают в Пекине, необходимы не только соответ- ствующая материальная база, внутренняя стабильность, единство общества и мирное международное окружение. В условиях глобализации важно и наличие определенной сферы собственного влияния (по китайской терминологии — жизненного пространства), которое можно использовать для экономического, научно-технического развития и обеспечения безопасности страны. Как трак- туют китайские военные теоретики, для этого "пространства" важно опреде- лить так называемые стратегические границы (в отличие от границ государ- ственных), в пределах которых государство на данном этапе с помощью воен- ной силы реально сможет защищать свои интересы. Например, генерал Цуй Юйгень в своей книге "Борьба за гибкость границ" (Исслед. центр в Чэнду, пров. Сычуань, 1992 г.), обращая особое внимание на проблему обеспечения Китая энергетическими и иными ресурсами, обосновывает необходимость "всемерно от- стаивать свои жизненные интересы, особенно на океанских просторах".

О стремлении к расширению "жизненного пространства" свидетельст- вует выдвигание китайским руководством такой задачи, как "завершение объединения Родины". В докладе генерального секретаря ЦК КПК XVI съез- ду компартии Китая эта задача была определена как одна из трех "великих исторических задач", наряду с "продвижением вперед модернизации" и "за- щитой мира во всем мире".

На практике тезис завершения объединения Родины предполагает при- соединение к КНР Тайваня на выдвигаемых Пекином условиях и установление контроля над спорными островными территориями в Южно-Китайском (Пара- сельские о-ва и архипелаг Спратли) и Восточно-Китайском (о-ва Сенкаку) морях.

Подтверждение наличия таких планов мы находим в заявлении китай- ской молодежной газеты "Чжунго циньнянь бао": "Китайцы не могут более удовлетворяться 9,6 млн. кв. км... эпоха призывает нас... обратить свои взоры

на широкие морские просторы... Только китайцы, не игнорирующие освоение морских просторов, достойны будущих поколений”⁷. “Морские просторы” государства — это свыше 3 млн. кв. км. Это запасы газа, нефти, фосфора на островах. Но на эти просторы претендуют и другие государства региона. Конечно, этому высказыванию не самого авторитетного печатного органа можно было бы не придавать большого значения, но в условиях фактической монополии КПК на средства массовой информации любая китайская газета отражает “официальную линию” китайского руководства. Отсюда становится понятным, почему в большинстве (шесть из 11) конфликтных зон в этом регионе, показанных на рис. 1, одной из конфликтующих сторон является КНР.

Стремления китайского руководства обеспечить контроль акватории омывающих КНР морей и, соответственно, находящихся там природных ресурсов неоднократно подтверждал и министр обороны КНР Чи Хаотянь. Он заявлял, что Китай будет всей мощью “защищать суверенитет своей национальной территории, воздушного пространства, территориальных вод и свои морские интересы”⁸. Министр также дал понять, что при формировании морских интересов всегда учитываются и Тайвань, и другие острова, ранее принадлежавшие Китаю.

Повышению влияния Пекина будет способствовать, несомненно, и использование им весьма значительного потенциала этнических китайцев, проживающих в странах региона. В КНР не забывают, что общие активы 500 ведущих из принадлежащих китайской диаспоре компаний в Сингапуре, Таиланде, Малайзии, Индонезии и некоторых других странах ЮВА. Составляют ныне около 540 млрд. долл.¹ Эти финансовые ресурсы и позиции хуацяо в экономике государств региона подкрепляет стремление Пекина усилить свою роль в этой части АТР с тем, чтобы объявить его зоной своих преимущественных интересов.

Что же может препятствовать военно-политическим устремлениям Китая? Исходя из сказанного выше, в КНР источники угрозы своим интересам связывают прежде всего со странами, которые могут реально помешать реализации поставленных китайским руководством целей. Под этими государствами в первую очередь подразумеваются США, которые помогают Тайваню усилить свой военный потенциал и готовы оказать военную поддержку в случае попыток Пекина силовым путем “объединить родину”; а так же Япония, Вьетнам, Малайзия, Филиппины, Индонезия и Республика Корея, тоже претендующие на морские акватории и острова в морях Восточной Азии.

Кроме того, в качестве реальных угроз своим национальным интересам Пекин рассматривает: усиливающуюся после победы США над Ираком возможность обострения военно-политической обстановки на Корейском полуострове; сепаратистские движения в Синьцзян-Уйгурском и Тибетском автономных округах и оказание им поддержки извне; религиозные экстремистские движения национальных меньшинств, инспирируемые исламскими фундаменталистами Ирана, Пакистана и Саудовской Аравии.

В военно-доктринальном плане китайское руководство не исключает возможности применения или угрозы применения военной силы для достижения политических целей и защиты национальных интересов как внутри страны (пример тому — решительное пресечение антиправительственных выступлений в Тибете и в Пекине), так и вне ее. Показательными в этом плане являются декларации Пекина о готовности к военно-силовому решению проблемы Тайваня, если его руководство осмелится провозгласить эту островную территорию независимым государством. Например, в докладе XVI съезду КПК от 8 ноября 2002 г. прямо указывается: “обещать отказ от применения силы мы никак не можем”. И это направлено не только против тайваньского руководства,

но и против замыслов “иностранных сил” вмешиваться в дело объединения Китая и заговора “тайваньских раскольнических сил” провозгласить независимость Тайваня. Задача объединения Родины, как подчеркнул бывший в то время генеральным секретарем ЦК КПК Цзян Цземинь, “касается коренных интересов китайской нации, и китайский народ будет без всяких колебаний защищать суверенитет и территориальную целостность страны”. Решительность китайского руководства в этом плане наглядно иллюстрируется фактом силового установления контроля над архипелагом Спратли (вооруженное столкновение китайских и вьетнамских кораблей в марте 1988 г.). Вместе с тем, из военно-силовых методов наиболее предпочтительными считаются демонстрация военной мощи в той или иной форме, как это было, например, в Тайваньском проливе в 1996 и 2001 годах.

Вариант с широкомасштабным развертыванием военных действий, при котором пришлось бы использовать весь военно-экономический потенциал государства и свернуть намеченные программы модернизации страны, считается нежелательным. Тем не менее, командование НОАК, воспользовавшись заявлениями со стороны политического руководства о необходимости подготовки к силовому варианту решения проблемы “объединения родины”, смогло добиться его согласия на ускорение процесса технической модернизации вооруженных сил. Правительство, начиная с 2000 г., стало выделять дополнительные средства на развитие ВПК и проведение НИОКР военного назначения. Если военные расходы страны с 1990 г. по 2000 г. выросли в три раза (по данным СИПРИ), то за последние два года произошло их более серьезное увеличение¹. Предусматривается дальнейшее расширение закупок за рубежом современного вооружения, техники “двойного назначения” и технологий их производства.

В целом военная политика Китая направлена на придание вооруженным силам способности успешно обеспечивать реализацию выдвигаемых политических и экономических целей и задач в региональном масштабе присущими им методами за счет поэтапной модернизации и постепенного наращивания боевого потенциала. При этом ставится задача повысить способность НОАК быстро реагировать на внезапные изменения военно-политической обстановки по периметру границ КНР и ее готовность к ведению локальных войн с применением высокотехнологичных средств вооруженной борьбы. Особое внимание уделяется созданию и подготовке мобильных сил, в состав которых включены часть сухопутных войск, в том числе воздушно-десантные, а также авиации и военно-морских сил.

Процесс модернизации вооруженных сил планируется провести в три этапа.

До 2010 г. основные усилия китайского командования сосредоточиваются на совершенствовании организационно-штатной структуры вооруженных сил, уменьшении их численности и повышении в войсках удельного веса современных типов вооружения и военной техники. В результате должно быть сокращено отставание Китая в военной области от ведущих держав мира, обеспечена возможность по сдерживанию потенциальных противников и успешному ведению локальных войн.

В ходе второго этапа (до 2020 г.) основные усилия сосредоточиваются на оснащении войск и сил флота самыми современными высокотехнологичными средствами вооруженной борьбы. В результате Китай должен стать в военном отношении одним из ведущих государств региона и получить возможность эффективно отстаивать свои интересы военно-силовыми методами в региональном масштабе.

На третьем этапе (50-е г. XXI в.) ставится задача полностью завершить модернизацию НОАК. К этому времени планируется превратить Китай в одну из ведущих мировых держав с соответствующим военным потенциалом.

В содержании программ модернизации вооруженных сил страны также в полной мере отражено возрастание интереса китайского военно-политического руководства к океанской зоне и смещение основной части угроз интересам Китая на восток и юг. Еще в 90-е годы 20 века в ВМС КНР была принята стратегическая концепция “активной прибрежной обороны”⁹. В ней ставилась задача в течение ближайших 15 лет получить возможность “эффективно контролировать морское пространство в пределах первой цепи островов”, т.е. акваторию Тайваньского пролива и Южно-Китайского моря. В начале 1996 г., накануне президентских выборов на Тайване, Китай провел первую масштабную демонстрацию военной силы в районе о. Тайвань.

Курс на активизацию морской стратегии подтверждается обновлением группировки ВМС Китая, которая усилена новыми эсминцами и подводными лодками как китайской постройки, так и за счет зарубежных закупок, в основном в России. По данным российского Центра оборонной информации, только за последние 10 лет (1992-2002 г.г.) КНР закупила в России 10 подводных лодок, 4 эскадренных миноносца, 2 зенитно-ракетные системы (ЗРС) корабельного базирования С-300Ф и 24 противокорабельные ракеты “Москит” (вероятнее всего для эсминцев), а также 12 палубных вертолетов Ка-28 и 28 морских многоцелевых истребителя Су-30МКК¹⁰.

В результате выполнения первого этапа долгосрочного плана модернизации ВМС Китая приобретают возможность “проекции силы” на всю акваторию Желтого, Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей в пределах Филиппинских островов и о. Рюкю (т.н. “первая линия островов”)¹¹. Это способствует решению задачи контроля над богатыми энергоресурсами спорными островами, а также морскими коммуникациями.

Особое значение для оценки дальнейших планов военного строительства и направленности морской стратегии КНР имеет информация о закупке в России высокоэффективных ЗРС С-300Ф. По своей сути она свидетельствует о начале качественно нового второго этапа в развитии китайского флота, рассчитанного на период до 2020 г. Очевидно, что китайские ВМС делают первые шаги для выхода в среднюю океанскую зону, что невозможно без создания мощной современной ПВО корабельных соединений. По иностранным оценкам это означает начало строительства первых элементов океанского флота¹². Подтверждение таким прогнозам может быть получено в случае поступления в ВМС авианесущих кораблей и палубной авиации, а также самолетов дальнего радиолокационного обнаружения и управления (ДРЛО и У) авиацией.

По сообщениям печати, проекты модернизации ВМС Китая предполагают строительство трех авианосцев водоизмещением до 40 тыс. т. с самолетами класса Су-27 на борту (до 40 ед.)¹³. Закладка первого корабля состоялась в 1999 году (хотя, следует заметить, некоторыми китайскими специалистами этот факт отрицается). В состав авианосной группы может быть включено до 6-8 боевых надводных кораблей, 2-3 ударных атомных подводных лодок, 1-2 корабля обеспечения.

В начале 2007 г. в состав ВМС КНР может войти головной танко-десантный корабль нового типа (вся серия — около 10 единиц). При ориентировочном водоизмещении 5-6 тыс. т. он сможет принимать до роты танков и до батальона десантников. Ныне китайские ВМС располагают более чем 50 десантными кораблями, способными в одном эшелоне высадить до бригады морской пехоты. Ввод в строй серии новых десантных кораблей с улучшенными

характеристиками повысит возможности ВМС Китая по десантированию техники и личного состава почти в два раза — до дивизии морской пехоты.

Очевидны намерения китайского военно-политического руководства с завершением второго этапа долгосрочного плана модернизации ВМС создать возможности для расширения их активных действий на акватории Японского и Филиппинского морей — в пределах зоны, ограниченной второй цепью островов (Курильских, Японских, Нампо, а также Новой Гвинеи).

Можно предполагать, что на третьем этапе (до 2050 г.) КНР планирует создать океанский флот, зона действий которого будет простирается вплоть до о. Гуам — так называемая третья линия островов. Это позволит КНР поставить под сомнение возможность успешной реализации против Китая принятой в США стратегической концепции ВМС “действия с моря против суши”, что на “неопределенное” будущее является серьезным страхующим фактором в рамках китайской военной стратегии. Без сомнения, в Китае хорошо понимают, что группировки военно-морских сил США, находящиеся на удалении до 600 миль от береговой черты, способны вести боевые действия на 200 и более миль в глубину суши¹⁴.

Учитывая возрастающую роль авиации в современных войнах, командование НОАК стремится увеличить также потенциал ВВС. При общем сокращении парка боевой авиации на 20-25% за счет выведения из боевого состава самолетов второго поколения, ударные возможности военно-воздушных сил должны возрасти в 1,5-1,7 раза, главным образом, за счет поступления на вооружение более совершенных образцов авиационной техники (Су-27, Су-30, а также самолетов собственного производства). Одновременно предусматривается значительное повышение эффективности и мобильности войск ПВО за счет поступления на вооружение комплексов С-300, “Бук” и “Тор”. К 2010 г. ВВС НОАК могут иметь обновленный парк авиации, численностью около 3000 тыс. боевых самолетов. При этом количество машин четвертого поколения и удельный вес ударной авиации составят около 30%. В целом, программа строительства ВВС рассчитана на то, чтобы этот вид вооруженных сил обладал не только оборонительными, но и наступательными возможностями.

Возможности военно-транспортной авиации планируется вывести на уровень, позволяющий десантирование парашютно-десантного полка или переброску по воздуху дивизии сухопутных войск с легким вооружением. Все это позволит проводить воздушные наступательные операции в локальной войне и высаживать оперативно-тактические десанты. В стратегии КНР на современном этапе это довольно существенный фактор и одновременно, надо полагать, элемент стратегической концепции устрашения по отношению к конкурентам на владение морскими акваториями и спорными островами.

Успеху современных операций вооруженных сил призвано способствовать планируемое создание космических войск и самостоятельная (без участия России, как предполагалось ранее) разработка космической навигационной системы. Китайской космической программой, очевидно, движут не только политические мотивы. Эта программа, несомненно, будет способствовать созданию в среднесрочной перспективе более совершенных космических систем и обеспечит ведение разведки с помощью пилотируемых космических аппаратов.

Повышение роли КНР в АТР и в мире в целом, китайское руководство связывает также с наращиванием своего ядерного потенциала. Это подтверждается тем, что Китай, выступая официально за ядерное разоружение, на практике оговаривает свое участие в этом процессе огромным количеством предварительных условий. Главное из них — снижение другими ядерными державами своего стратегического наступательного потенциала до уровня китайского. Соккрытие Китаем состояния своих ядерных сил, по мнению китай-

ского руководства, облегчает им осуществление функции "ядерного сдерживания и устрашения".

Подводя итог сказанному, следует отметить, что ранее "сухопутный" Китай стал приобретать черты морской державы, а конфронтация по идеологическим мотивам сменилась на прагматические стратегические установки по обеспечению геополитических и геоэкономических интересов страны.

Военно-политическая линия Пекина, в целом, вполне предсказуема и нацелена на выигрыш времени для накопления сил и, в конечном счете, превращение КНР в полноценный глобальный центр силы, сопоставимой по мощи и влиянию в мире с США и объединенной Европой. Конкретные цели Пекина состоят в безусловном признании мировым сообществом территориальной целостности Китая, а также особых прав КНР в акватории Южно-Китайского моря; в достижении преимущественного влияния в Юго-Восточной Азии; в поддержке соседями китайских позиций в спорах с США и с Западом в целом; в отказе других стран от участия в антикитайских коалициях и от военного противостояния с Китаем; в признании ведущей роли КНР в регионе, выражающейся в форме как официальных так и неофициальных, но фактически обязательных консультаций с Пекином перед принятием важных решений), затрагивающих его интересы.

Маловероятно, что для достижения этих целей Китай прибегнет к военной экспансии. Нынешнее его поведение не является агрессивным. Но он способен, однако, подавлять волю других своим политическим, экономическим, демографическим и военным потенциалом. Геостратегические цели в современных условиях достигаются не в открытых военных столкновениях, которые в случае применения оружия массового поражения могут привести к глобальной катастрофе, а в многоходовых и многолетних политических комбинациях и операциях, свойственных традиционному китайскому политическому мышлению. Поражение СССР в противоборстве с Соединенными Штатами было хорошим уроком для китайцев. По мнению многих аналитиков, Пекин будет стремиться выигрывать, не вступая в открытую борьбу, разделять потенциальных конкурентов, не вступая в связывающие его союзы. Этот важнейший принцип китайской политической и военной стратегии сформулирован еще Сунь-цзы в конце VI в. до н. э.

Вместе с тем коренные интересы Китая имеют безусловный приоритет в глазах китайских лидеров. Используя в качестве основного инструмента внешней политики и дипломатии экономическую мощь, Пекин, в случае необходимости, вполне способен применить военную силу или угрозу силой. Для этого и создается "комплексная мощь государства", которая понимается как инструмент достижения поставленных целей.

* * *

Конечно, нельзя с полной уверенностью утверждать, что намеченные программы и планы в КНР будут реализованы в срок и достаточно эффективно. Этому есть много причин, связанных с наличием необходимых производственных мощностей, отлаженной кооперацией производителей, проблемами технического и технологического характера, подготовки квалифицированных кадров. Но, зная настойчивость и последовательность китайцев можно полагать, что они будут стремиться к достижению поставленных целей.

Как известно, в китайском обществе ведутся дискуссии относительно роли Китая в будущем. С одной стороны, в КНР не отрицают, что страна становится региональным лидером и одним из основных полюсов в формирующейся международной системе. С другой стороны, — роль лидера формально

противоречит провозглашенной Китаем политике антигегемонизма. Тем не менее, в Пекине постепенно готовится почва для корректировки внешнеполитических принципов, которые соответствовали бы новым реалиям.

Говоря о стремлении Китая к роли регионального лидера и практических шагах, предпринимаемых руководством страны в этом направлении, нельзя не отметить того, что Пекин заинтересован в сохранении мирного окружения и стабильности в регионе. Китайское военно-политическое руководство не может не считаться с негативными для страны последствиями дестабилизации обстановки в АТР по его вине. Уже сейчас на Западе, в Японии, да и в российских средствах массовой информации активно обсуждается тезис о "китайской угрозе". Выдвигаются идеи "сдерживания Китая"¹⁵. В настоящее время, по оценкам К. Райс, КНР не является государством, поддерживающим статус-кво в регионе, а скорее всего представляет собой державу, которая стремится изменить в свою пользу баланс сил в Азии, что превращает ее в конкурента, а не в партнера США¹⁶. Китай, надо признать, проводит весьма осмотрительную политику. Поэтому он будет заинтересован в формировании региональной системы безопасности с его активным участием. Само собой разумеется, что экономическая и военная мощь КНР, по мере ее роста, будет естественным образом служить повышению военно-политической роли страны не только в региональном, но и в глобальном масштабе.

1. Юй Цзянь и др. Комплексная государственная мощь КНР (проблемы, перспективы): ИДВ РАН, Центр научной информации и документации// Экспресс-информация. 2001. № 12. С. 80.
2. Калюжный В. Аналитическая программа ТВ "Постскриптум" от 13 апреля 2003.
3. Иомиури симбун. 1999. 20 мая.
4. Fesharaki F. Energy and the Asian Security Nexus // J of International Affairs. 1999. Vol. 53. N 1. P. 92.
5. BP Statistical Review of World Energy. 2000. P.1.
6. The Japan Times. 1 January 1996.
7. The China Journal. 1995.
8. Асахи симбун. 1998. 12 февраля.
9. Крупянок М. Япония после "холодной войны". М.: Вост. лит. РАН, 2001. С. 34.
10. Макиенко К. Военно-техническое сотрудничество России и КНР в 1992-2002 годах: достижения, тенденции, перспективы. М.: Гендальф, 2002. 66 с.
11. Подробнее об этом см.: Певцов Д. Китай стремится в океан// Независимое военное обозрение, 2003. № 11.
12. Справочник Jane "Боевые корабли". Под ред. Р. Хатчинсона. М.: АСТ, 2002.
13. Restoring American Leadership: U.S. Foreign and Defense Policy Blueprint. Ed. by R. H. Kim and T. G. Moore. The Heritage Foundation. 1996. P. 285.
14. Независимое военное обозрение. 2003. № 3.
15. Титаренко М. Россия: безопасность через сотрудничество. Восточно-азиатский вектор. М.: Памятники исторической мысли, 2003. С. 183.
16. Цит. по: Frankfurter Allgemeine Zeitung. 9 April 2001.

Российский Дальний Восток

Развитие внешнеэкономических связей Дальнего Востока России: проблемы и перспективы

© 2004

А. Левинталь

Дальневосточный регион России занимает площадь 6,2 млн. кв. км, или 36,4% территории России, численность постоянного населения на 1 января 2003 г. составляла 6,7 млн. человек, или 4,6% населения России.

В состав Дальневосточного экономического района входят Республика Саха (Якутия), Приморский и Хабаровский края, Амурская, Камчатская, Магаданская и Сахалинская области, Еврейская автономная область, Корякский и Чукотский автономные округа.

Дальний Восток России имеет исключительно важное стратегическое значение. Регион обладает значительным ресурсным потенциалом. На его территории сосредоточены более 35% всех угольных запасов страны, 30% гидроэнергетических ресурсов страны, в том числе суммарные извлекаемые ресурсы нефти в пределах материковой части составляют 2,98 млрд. т, шельфовых зон — 5,87 млрд. т, суммарные ресурсы газа — 26,8 трлн. куб. м. Леса на Дальнем Востоке покрывают около 260 млн. га (30% общих площадей лесов России). Регион располагает значительными железнорудными запасами (Якутия, Амурская область, Хабаровский край), месторождениями полиметаллических руд, вольфрамowymi залежами, алмазными месторождениями. Здесь сосредоточены значительные запасы золота, серебра, платины, медных руд, сырья для химической промышленности.

Промышленная структура Дальнего Востока имеет ярко выраженный характер добывающих сырьевых отраслей.

Ведущими отраслями региона являются:

- цветная металлургия (золото, платина и т.д.), алмазы;
- лесная и деревообрабатывающая промышленность, экспорт древесины и изделий из нее занимает 11% в общем объеме дальневосточного экспорта;
- рыбная промышленность. По улову и экспорту рыбы Дальний Восток занимает 1-е место среди экономических районов страны. Доля рыбы и морепродуктов в общем объеме дальневосточного экспорта составляет более 20%;

- топливно-энергетический комплекс, на долю экспорта которого приходится 24% от общего объема экспорта Дальнего Востока;

- машиностроение (в значительной части представлено предприятиями Хабаровского края — 42,7% объема промышленного производства Дальнего Востока). Его ведущими отраслями являются судостроение и судоремонт, авиостроение, производство энергетического оборудования, приборо- и станкостроение. В общем объеме экспорта Дальнего Востока на долю машиностроительной продукции и оборудования приходится 11%.

В Дальневосточном регионе функционируют все существующие виды транспорта.

Хабаровский край расположен на перекрестке транспортных систем Дальнего Востока, через него проходят две железнодорожные магистрали, соединяющие восточные и западные районы страны: Транссибирская и Байкало-Амурская железные дороги. Паромная переправа Ванино-Холмск соединяет железные дороги материка с железнодорожной системой о.Сахалин. Железнодорожный транспорт играет в регионе основную роль, на его долю приходится до 80% перевозимых грузов. Основные морские порты Дальнего Востока — Владивосток, Находка, Восточный (Приморский край), Ванино (Хабаровский край), Холмск (Сахалинская область). Воздушными линиями Дальний Восток связан с Японией, Китаем, Республикой Корея, КНДР, Израилем и другими странами.

Анализ динамики удельного веса региона в национальных параметрах указывает на то, что интенсивность экономической деятельности в Дальневосточном регионе после финансового кризиса 1998г. значительно выше, чем в национальной экономике в среднем.

Экономический подъем, начавшийся в России с 1999 г., а в отдельных регионах Дальнего Востока с 1998 г., продолжился и в последующие годы. По итогам 2002 г. на долю Дальневосточного региона приходилось 4,3 процента промышленной продукции Российской Федерации. Рост основных экономических параметров сопровождался ростом инвестиций в основной капитал, удельный вес которых составил 5,4% в масштабе РФ. При этом во многих субъектах Дальнего Востока рост инвестиций был выше, чем рост валового регионального продукта и рост промышленного производства, что является подтверждением перехода от ремиссии к экономическому росту.

В 1999-2002 гг. темпы роста экономики в отдельных дальневосточных субъектах Федерации превышали среднероссийские.

Так, в Хабаровском крае объем промышленного производства вырос по сравнению с 1998 г. на 63,3% при среднероссийском 35,1%, объем инвестиций в основной капитал увеличился в 2,8 раза (Россия — на 38%, Дальний Восток — в 2 раза). При этом, если в национальном масштабе отмечается тенденция снижения доли государственных инвестиций (2000г.-23,9%, 2001г.-22,1%) и роста частных инвестиций (2000г.-29,9%, 2001г.-37,7%), то на Дальнем Востоке эта тенденция выражена слабее.

В 2002 г. рост объемов промышленного производства произошел во всех субъектах российского Дальнего Востока, за исключением Сахалинской и Камчатской областей.

По итогам 2002 г. в Дальневосточном регионе возросла переработка нефти на 10,1%, добыча угля — на 6,2%, производство деловой древесины — на 8,7%, древесностружечных плит — в 2 раза. Предприятия машиностроения и металлообработки увеличили объемы производства продукции на 5,5%. Возросло производство многих важнейших видов продукции — дизелей, кранов мостовых электрических, химического оборудования, медицинской техники, технологического оборудования для перерабатывающих отраслей агропромышленного комплекса. В то же время загрузка предприятий оборонно-промышленного комплекса и гражданского машиностроения остается низкой в резуль-

тате отсутствия долгосрочных заказов, а также как результат повышения стоимости энергоносителей, транспортных тарифов и коммунальных услуг. Вместе с тем предприятия данных отраслей работают над расширением ассортимента выпускаемой продукции, повышением ее качества в соответствии со сложившейся конъюнктурой рынка.

Значительно снизились объемы производства рыбной промышленности, что проявилось в сокращении добычи рыбы и морепродуктов на 17,8% вследствие сокращения квот на вылов водно-биологических ресурсов в Российской экономической зоне.

В течение рассматриваемого периода улучшилась ситуация в капитальном строительстве. Объем подрядных работ вырос по сравнению с 2001 г. на 5,2, продукции сельского хозяйства — на 4,2, грузоперевозок — на 5%, а пассажирооборот — на 2%.

В 2003 г. положительные тенденции роста продолжились. За 9 месяцев 2003 г. объем промышленного производства в целом по Дальневосточному экономическому району составил около 9 млрд.долл., по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года в сопоставимых ценах увеличился на 2,4%.

Лидирующее положение по объему промышленного производства в общем объеме промышленной продукции Дальнего Востока традиционно занимают Хабаровский край, удельный вес которого в районе составил 26,5%, Республика Саха (Якутия) — 28,43% и Приморский край — 16,1%. Эти три региона суммарно обеспечили свыше 70% общего объема промышленного производства Дальнего Востока.

Период 2000-2002 гг. характеризуется активизацией деятельности иностранных инвесторов на Дальнем Востоке.

Доля российского Дальнего Востока в прямых иностранных инвестициях, сделанных в Россию, возросла за этот период от 7 до 18%, что безусловно говорит о большом потенциале региона, однако абсолютные объемы иностранных капиталовложений остаются незначительными, особенно в соотношении с потребностями структурной перестройки и модернизации экономики района.

Анализ странового аспекта поступления иностранных инвестиций в экономику Дальнего Востока показывает, что по итогам 2002 г. Япония удерживает по данному показателю лидирующие позиции, на ее долю приходится 22% от общего объема иностранных инвестиций, на долю США — 4, Республику Корея — 3, КНР — 2%. Тем не менее в абсолютных показателях, объем поступающих иностранных инвестиций в экономику Дальнего Востока все еще крайне низок, по итогам 2002 г. он составил 1,2 млрд.долл., в том числе из Японии — 262,6 млн.долл.

Наиболее привлекательными для японских инвесторов являются сахалинские нефтегазовые проекты, в которые вложено 88% японских инвестиций. Остальная часть инвестиций распределяется между дальневосточными территориями следующим образом: 7% — на Приморский край, 3 — на Камчатскую область, 1 — на Хабаровский край, 1% — на прочие территории. При всей привлекательности и важности сахалинских проектов, они имеют определенную специфику и уникальность для Дальнего Востока, энергетическое направление далеко не исчерпывает имеющийся потенциал региона для развития совместного сотрудничества. Сегодня огромные возможности имеются не только в сфере крупного бизнеса, но и малого и среднего бизнеса. По этим направлениям уже имеются позитивные примеры продолжительного сотрудничества. Например, в Хабаровском крае в текущем году отмечен 10-летний юбилей деятельности предприятия со 100% японскими инвестициями "Ванино-Тайрику".

За 10 лет работы в крае этим предприятием освоено свыше 40 млн. долл., за счет которых расширяются производственные мощности предприятия, совершенствуются технологии производства, позволяющие сегодня из сырья низкого качества путем удаления дефектов древесины получать высоко-

кокачественный пиломатериал, который практически полностью поставляется на внешний рынок. На долю предприятия в разные периоды деятельности приходилось от 32 до 40% краевого экспорта пиломатериалов.

Особенности геополитического положения Дальнего Востока России предопределяют экономическую ориентацию региона на внешние рынки Азиатско-Тихоокеанского района. По сравнению с периодом 90-х гг. произошло полное изменение курса экономического развития Дальневосточного региона.

Если в начале 90-х гг. вывоз в другие регионы страны составлял 75% регионального выпуска, а доля экспорта только 6%, то к середине 90-х гг. в результате кризиса, неостребованности дальневосточной продукции и сжатия национального рынка, Дальний Восток стал работать "на себя" — доля внутрирегионального потребления составила 75%, при этом доля экспорта увеличилась до 15%, а доля вывоза на национальный рынок сократилась до 10%. К 2000 г. эта тенденция усилилась. Вывоз в другие регионы страны упал до 4,3%. В конечном итоге регион переориентировался на внешние рынки — доля экспорта выросла до 18,2%.

Во внешнеэкономических операциях Дальнего Востока страны АТР традиционно занимают ведущую роль, особенно активные отношения складываются с Японией, Китаем и Республикой Корея.

В 90-х гг. получили развитие экономические отношения Российского Дальнего Востока с Китаем, но они носили не стабильный, скачкообразный характер. Доля Дальнего Востока составляла 20% в общероссийском экспорте в Китай и 25% в общероссийском импорте. К 2000 г. отношения Дальнего Востока с Китаем значительно активизировались, Китай превратился в крупнейший рынок сбыта экспортной продукции дальневосточных регионов. В 2002 г. товарооборот Дальнего Востока с КНР достиг 1,5 млрд. долл. (22,7% во внешнеэкономическом обороте Дальнего Востока), при этом экспорт составил 1,04 млрд. долл. — за счет расширения поставок древесины, нефти и нефтепродуктов, рыбы и морепродуктов. Основную удельную долю в дальневосточном экспорте в Китай приходится на Хабаровский край — 60% — за счет поставок продукции предприятий оборонно-промышленного комплекса. В 2002 г. продолжился рост объемов импортных поставок из Китая, которые возросли в 2,4 раза по сравнению с уровнем предыдущего года.

Торговые отношения с Республикой Корея начали развиваться несколько позднее чем с Японией и Китаем — с 1992 г., однако в короткие сроки Республика Корея превратилась в одного из ведущих торговых партнеров, ее доля в товарообороте дальневосточных регионов к середине 90-х гг. достигла 14%. В последующие годы она оставалась примерно на том же уровне. По итогам 2002 г. доля Республики Корея во внешнеэкономическом обороте составила 13%. В общероссийском экспорте в Республику Корея на Дальний Восток приходится 25, а в общероссийском импорте из Кореи — 27%.

Особую роль для Дальнего Востока всегда играли отношения с Японией. Внешнеэкономический оборот с Японией с 1990 г. ежегодно возрастал в среднем на 5%, отражая динамику роста дальневосточного экспорта в Японию. Российский Дальний Восток всегда имел активное сальдо торгового баланса с Японией, являющейся крупнейшим рынком для региона. Однако после кризиса 1998 г. уровень регионального экспорта в Японию резко снизился из-за снижения мировых цен на товары. Япония, которая всегда входила в число ведущих торговых-экономических партнеров, стала утрачивать свое лидерство в сотрудничестве с Российским Дальним Востоком. За последние 6 лет объем торговли с Японией сократился более чем на 38%, при этом доля Дальнего Востока в российско-японском торговом обороте сократилась почти в 2 раза. Это объясняется экономическим кризисом в Японии, а также диверсификацией и импорта (переход страны от импорта сырья на импорт полуфабрикатов). К сожалению, промышленность Дальнего Востока не смогла быстро отреагировать на изменя-

ощуюся структуру спроса, в связи с чем произошло его вытеснение с рынка Японии Китаем и другими странами АТР. В 2002 г. товарооборот Дальнего Востока с Японией составил 814,4 млн.долл. (12,67% в общем товарообороте ДВ), сократившись по сравнению с предыдущим годом на 4%. Стоимостной объем экспорта, составивший 649,3 млн.долл., сократился по отношению к 2001 г. на 1%, а по сравнению с 2000 г. — на 11%.

Лидирующие позиции в экспорте Дальневосточного региона традиционно занимают лесоматериалы необработанные (40%), уголь и твердое топливо (20,5%), рыба и морепродукты (18,3%). Однако и здесь отмечается изменение тенденций, что особенно проявляется в экспорте леса необработанного: если в 1999 г. экспорт леса в Японию составлял 58% в экспортных поставках Дальнего Востока, то в 2002 г. его доля снизилась до 28%.

По Хабаровскому краю в 2000 г.на долю Японии приходилось 60% экспортных поставок леса необработанного, 26% поставок шли на Китай и 14% -на Республику Корея. В 2002 г. ситуация изменилась — доля Китая возросла до 60%, а Японии сократилась до 28%, доля Республики Корея снизилась до 12%. С одной стороны, подобная ситуация объясняется снижением спроса на круглый лес в Японии в связи с экономическим спадом, а с другой — ростом потребности Китая в связи с запретом на собственные вырубки леса.

Импорт из Японии на Дальний Восток в основном представлен машинами, оборудованием и транспортными средствами, которые составляют свыше 50% в общем объеме импорта.

Оценивая реально сложившуюся ситуацию и имеющийся потенциал, и Япония и Россия предпринимают усилия для активизации двустороннего сотрудничества, прежде всего путем развития торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества. Подтверждением взаимного интереса и наличия больших перспектив в развитии сотрудничества стал визит в январе 2003г. в Россию и пребывание в Хабаровском крае премьер-министра Японии Дзюньитиро Коидзуми, что стало подтверждением признания особой роли Дальнего Востока России в развитии российско-японских отношений. В истории наших стран это было первое посещение премьер-министром Японии российского Дальнего Востока. В ходе визита был выработан российско-японский план действий, направленный на активизацию контактов на всех уровнях, продвижение диалога в развитии партнерских отношений в экономике, продвижение сотрудничества в АТР. Особо было подчеркнуто, что сотрудничество в торгово-экономической и научно-технической сферах относится к числу стратегических приоритетов российско-японских отношений, так как именно здесь открываются большие перспективы и выгоды для обеих сторон. Безусловно, намеченные планом меры придадут новый импульс развитию двустороннего сотрудничества, в частности созданию российско-японской организации по содействию торговле и инвестициям, расширению форм кредитования совместных проектов, включая кредитование под гарантии корпораций и банков, участвующих в проектах, сотрудничеству в освоении энергетических ресурсов Дальнего Востока России и т.д.

Важным шагом в активизации двустороннего сотрудничества стало открытие в 2002 г. в г.Хабаровске филиала японского "Мичиноку-банка". Принятию данного решения, несомненно, способствовали политическая стабильность и уверенный экономический рост в дальневосточном регионе. Само решение об открытии филиала имеет принципиальное значение. Приход в край первого иностранного банка — это политический шаг, сигнал о том, что экономика края открыта для успешного бизнеса.

В нашем регионе в настоящее время наблюдается рост инвестиционной активности, причем как со стороны российских, так и зарубежных инвесторов.

Только за последние два года в регионе за счет внутренних инвестиций построены такие объекты как пивоваренный завод "Балтика" в г.Хабаровске

(54 млн.долл.), закончено строительство 1-й очереди Бурейской ГЭС в Амурской области (1750 млн.долл.), продолжается строительство дороги Чита-Хабаровск (71 млн.долл.) с участием Европейского Банка Реконструкции и Развития. Активизировалась деятельность иностранных компаний. В рамках проекта Сахалин-1 (в состав управляющего проектом консорциума входит с 30%-й долей японская компания "Содеко") достигнуты соглашения по строительству нефтеотгрузочного терминала в Де-Кастри (Хабаровский край), стоимостью 300 млн.долл. Тендер на осуществление работ по подготовке площадки для строительства терминала выиграла японская компания "Ниппон Стил Нефтегазстрой Лимитед", которая уже осуществляет данные работы. В Хабаровском крае (Комсомольский район) совместно с японскими компаниями "Ниссе Иваи" и "Сихоку Корпорейшн" начинается реализация проекта строительства завода по производству шпона (около 30 млн.долл.). В Приморском крае совместно с Индией осуществлен проект строительства завода по огранке алмазов. И это только крупные проекты. В целом ситуация на Дальнем Востоке такова, что уже сегодня существуют все условия для значительного притока иностранного капитала в такие сектора, как:

- топливно-энергетический комплекс;
- средства коммуникации, транспорт, связь (восстановление и создание новых транспортных коридоров, в том числе транссибирского контейнерного моста Европа-Азия, морских портов и магистральных автомобильных дорог, авиационных коридоров);
- лесная промышленность (проекты развития перерабатывающих производств, более полное использование низкотоварной древесины и отходов);
- туризм (создание инфраструктуры туризма, активизация туристических обменов).

Большие перспективы для совместного сотрудничества открываются в сфере реализации дальневосточных энергетических проектов. В Сахалинской области продолжается реализация проектов "Сахалин-1" и "Сахалин-2".

По проекту "Сахалин-1" на различных видах разведочных работ, экологических и технико-инженерных исследованиях, развитии инфраструктуры и т.д. уже освоено свыше 1,6 млрд.долл. Стоимость контрактов, подписанных консорциумом с российскими компаниями "Сахалин-1" составляет свыше 2 млрд. долл. Добыча природного газа предусматривается в 2006 г., добыча первой нефти — в конце 2005 г.

Проект "Сахалин-2" находится в стадии реализации. За 1996-2002 гг. инвестировано свыше 1,5 млрд. долл., совокупная стоимость контрактов, заключенных между оператором проекта и российскими компаниями, составляет свыше 2 млрд.долл., первая нефть добыта летом 1999 г., к настоящему времени добыто более 3,8 млн. т нефти. Первые поступления газа ожидаются в 2006 г.

По условиям Соглашений о разделе продукции, российская доля газа в суммарном объеме до 20 млрд. м³/год будет направлена на внутренний рынок, в том числе в Хабаровский край — до 4,5 млрд. м³/год по газопроводу. Для обеспечения подачи необходимого объема газа в Хабаровский и Приморский края предусматривается использование существующего газопровода Оха — Комсомольск-на-Амуре. В рамках действующих федеральных целевых программ ведется строительство магистрального газопровода "Сахалин — Комсомольск-на-Амуре — Хабаровск" (1-я очередь), протяженностью около 500 км, пропускной способностью 4,5 млрд. м³ природного газа. Стоимость его оценивается в 281,7 млн. долл. США, ориентировочный срок окончания строительства — 2006 год.

На 1 ноября 2003 г. построено более 120 км газопровода, освоено свыше 53 млн.долл.

Финансирование проекта производится за счет средств краевого и федерального бюджетов, а также средств ОАО НК "Роснефть". Прорабатываются

варианты получения средств через международные банки и финансовые организации. Строительство второй очереди газопровода — до Владивостока с выходом на Китай — обеспечит поставки газа на экспорт.

В рамках реализации нефтегазовых проектов сахалинского шельфа большая доля контрактов на подрядные работы получена предприятиями Хабаровского края.

ОАО “Амурский судостроительный завод” второй раз выиграло тендер на ремонт, проектирование и материально-техническое обеспечение нефтедобывающей платформы “Орлан” (“Сахалин-1”). Данные работы оцениваются в 139 млн. долл.

В августе 2002 г. по проекту “Сахалин-1” подписан контракт между “Эксон Нефтегаз Лимитед” и генеральным подрядчиком “АВВ Лумус Глобал” на строительство моста, соединяющего буровую платформу вблизи месторождения Чайва с береговым комплексом переработки нефти на о.Сахалин. Контракт на выполнение субподрядных работ получен ОАО “Дальмостострой”, г.Хабаровск. Стоимость работ оценивается в 40 млн. долл.

По проекту “Сахалин-2”:

- ОАО “Амурский судостроительный завод” по договору с компанией “Сахалин Энерджи” изготовил энергетический модуль и модуль заводнения (модуль поддержки пластового давления) для установки на эксплуатирующейся платформе “Моликпак”, главном звене производственно-добывающего комплекса “Витязь”.

Кроме того, хабаровскими предприятиями осуществляются еще целый ряд проектов.

Развитие данного направления сотрудничества является чрезвычайно перспективным для хабаровских предприятий, причем, объединение усилий с иностранными компаниями, в первую очередь с японскими, в рамках созданных совместных предприятий, может значительно повысить их шансы на получение заказов через участие в тендерах в счет 70% российской доли в общей сумме всех контрактов по проекту “Сахалин-2”.

Совершенно новые возможности для развития интеграционных процессов в регионе АТР, решения энергетических проблем за счет российских энергоресурсов открываются с реализацией проекта строительства трубопровода Ангарск—Находка, в реализации которого заинтересованы как Япония, так и Россия и, в частности, Дальний Восток, так как каждая из сторон получит свои выгоды. Япония получит возможность диверсифицировать источники снабжения энергоресурсами, 90% которых в настоящее время приходится на Ближний Восток и обеспечить стабильность поставок. Россия обеспечит диверсификацию экспортных потоков и разработку новых месторождений. Дальний Восток, в свою очередь, получит энергоносители, необходимые для экономического развития района, обеспечит полную загрузку нефтеперерабатывающих предприятий и воспользуется возможностями транзита энергоресурсов через свою территорию. Заинтересованность Японии в реализации проекта открывает возможности для развития линий финансирования, использования японских технологий по трансформации газа и т.д.

Реализация всех вышеперечисленных проектов напрямую зависит от ряда факторов, являющихся составляющими инвестиционного климата, основным из которых является законодательный аспект, то есть сопоставимость правовой основы экономических взаимоотношений между Россией и странами АТР в вопросах инвестиционного сотрудничества. Здесь наметилась положительная тенденция, в частности в отношениях с Японией подписано соглашение о поощрении и взаимной защите капиталовложений. Есть перспективы применения международных норм права во внешнеэкономических вопросах в связи с готовящимся вступлением России в ВТО и приведением российского законодательства в соответствие с нормами ВТО.

Юридический аспект инвестиционного климата в регионе в определяющей степени обусловлен федеральными законодательными нормами. Однако региональные нормативные акты не менее важны для формирования инвестиционного климата и именно они оттеняют специфику региона.

Дальневосточные регионы проводят целенаправленную работу в целях улучшения инвестиционного климата. В Амурской и Сахалинской областях, Приморском и Хабаровском краях приняты законы об инвестиционной деятельности.

Беря за основу в качестве примера развития инвестиционного законодательства Хабаровский край, можно отметить, что принимаемые законодательные и нормативные акты соответствуют стратегическим приоритетам социально-экономического развития РФ. Принятый в 2000 г. закон Хабаровского края "Об инвестиционной деятельности в Хабаровском крае", обеспечивает равную защиту прав, законных имущественных интересов субъектов инвестиционной деятельности, устанавливает единый правовой режим инвестирования для российских и иностранных инвесторов. Принятие закона позволило в значительной степени урегулировать все основные положения инвестиционной деятельности в крае, с использованием как прямых, так и косвенных инструментов и форм регулирования. Законом определены меры государственной, краевой и муниципальной поддержки инвестиционной деятельности в крае, разработана система льгот и гарантий.

В целях усиления инновационной деятельности, как важного фактора экономического роста, в 2000 г. был принят закон "Об инновационной деятельности в Хабаровском крае". Действующие законы "О бюджетной системе Хабаровского края" и "О налогах и сборах Хабаровского края" позволяют дополнительно регулировать инвестиционную деятельность с учетом изменений российского законодательства, включая льготы по налогам для субъектов инвестиционной деятельности и др.

Законами "Об инвестиционной деятельности в Хабаровском крае" и "О налогах и сборах в Хабаровском крае" определены налоговые льготы, предоставляемые субъектам инвестиционной деятельности (в части сумм зачисляемых в краевой бюджет), включая налог на прибыль, налог на имущество, земельный налог и оплата аренды земли.

Использование инструмента предоставления государственной поддержки путем согласования инвестиционных проектов для предоставления налоговых льгот и предоставления государственных гарантий за счет гарантийного инвестиционного и Залогового фонда Хабаровского края определен через механизм работы созданного для этих целей Инвестиционного Совета при Правительстве Хабаровского края, который является координационным органом и при разработке инвестиционных программ и стратегических направлений инвестиционной деятельности. В июле 2003 г. в Хабаровском крае утверждены Основные направления инвестиционной политики правительства Хабаровского края на 2003–2006 гг. и до 2010 г., реализация которых должна активизировать инвестиционные процессы на территории края, направить их на реализацию долгосрочной стратегии экономических преобразований и создание в регионе экономической системы, позволяющей эффективно реализовывать потенциал развития Хабаровского края.

В целях повышения эффективности взаимодействия с иностранными инвесторами — учета их мнений, опыта и предложений в решении вопросов улучшения предпринимательской среды — в крае создан и действует Консультативный совет по иностранным инвестициям при губернаторе края, работающий в форме открытого диалога с иностранными инвесторами по проблемам текущей инвестиционной политики и устранению барьеров на пути продвижения товаров, инвестиций и рабочей силы.

В целях дальнейшего упрощения процедуры получения информационных материалов о крае иностранными инвесторами, знакомства с социально-экономической ситуацией или конкретными инвестиционными проектами, а также оказания помощи в их реализации, в крае создано первое на Дальнем Востоке Агентство по привлечению иностранных инвестиций, которое будет оказывать помощь в решении таких вопросов, как организационные (встречи/проводы, трансферты, бронирование гостиниц/билетов и т.д.), так и деловые (регистрация предприятий, сопровождение инвестиционного проекта, предоставление маркетинговой информации, организация деловых встреч и т.д.). Агентством подготовлен и ежегодно обновляется путеводитель, содержащий сведения о крае и много разнообразной полезной информации, принятый порядок действий инвестора при решении тех или иных вопросов, перечень и координаты структур, с которыми инвестору приходится иметь дело. В настоящее время вниманию инвесторов предлагается третье издание, обновленное и дополненное в 2003 г.

Агентство имеет также собственный сайт — <http://www.fipa.khv.ru>, в котором размещается информация об инвестиционной деятельности в крае, аналитические материалы и предложения к сотрудничеству.

В дальневосточных субъектах федерации идет активное развитие малого бизнеса. Например, в Хабаровском крае сектор предпринимательства развивается весьма динамично.

В настоящее время сектором малого бизнеса производится 11% общего объема валового выпуска продукции всех отраслей экономики края. Удельный вес занятых в малом бизнесе составляет 21,4% (для сравнения — в России 17,7%).

В Хабаровском крае принимаются меры для поддержки и решения проблем предпринимательства и создания условий привлекательных для ведения бизнеса. В этих целях при губернаторе края создан и активно действует Совет по предпринимательству — экспертно-консультативный орган, ведущий поиск путей решения проблем предпринимательства. Созданы, активно работают и взаимодействуют с органами государственной власти краевое объединение предпринимателей и ряд отраслевых ассоциаций.

В 2003 г. правительством края принята новая целевая программа “Развитие и поддержка малого предпринимательства в Хабаровском крае на 2004–2006”. Среди принятых краевых законов — “О едином налоге на вмененный доход для определенных видов деятельности в Хабаровском крае”, постановления губернатора края “О краевом ежегодном конкурсе “Предприниматель года”, “О проведении в крае Дня предпринимателя”, об утверждении “Положения о выдаче сертификата законопослушного налогоплательщика Хабаровского края” и ряд других.

Формируется сеть информационно-консультативных центров, созданных в ряде организаций края, деятельность которых направлена на развитие и поддержку малого предпринимательства, обеспечение доступа к современным информационным технологиям. В помощь предпринимателям издается специальная литература, организуются выставки и ярмарки продукции малых предприятий. Цель осуществляемых мероприятий — поднятие престижа предпринимательской деятельности и повышение статуса предпринимателей.

Предпринимательство в регионе носит далеко не периферийный характер. Идет постоянный обмен информацией между предпринимателями Дальнего Востока и зарубежными коллегами, сложилась система повышения образовательного уровня через Японский и Американский учебные центры, привлекающие зарубежных специалистов и преподавателей, широко практикуются профессиональные стажировки представителей бизнеса за рубежом, в частности в Японии по линии Постоянной смешанной комиссии, созданной в рамках Соглашения о сотрудничестве между регионами Дальнего Востока России и префектуры Хоккайдо, а также японского Центра Северных регионов.

Правительство края ведет целенаправленную работу по поддержке и развитию в крае зарубежных программ кредитования и грантов. По этим программам субъекты малого предпринимательства края получили в 1998- 2002 г. кредиты в сумме 5 млн.долл.

Дальнейшая политика государственных структур по развитию предпринимательства направлена на поддержку и поощрение быстрого роста малых фирм, связанных с перерабатывающей промышленностью и услугами бизнесу; менеджмент, консультирование и техническую помощь в становлении бизнеса; развитие финансовых механизмов кредитования малого бизнеса; предоставление гарантий государственных органов власти.

Меры, предпринимаемые в крае по совершенствованию предпринимательского климата, способствуют улучшению рейтинга края. В 2002 г. по инвестиционной привлекательности край занял 20 место среди 89 субъектов РФ и первое место — среди дальневосточных территорий.

В целях активизации торгово-экономического сотрудничества между Хабаровским краем и Японией правительство Хабаровского края на ближайшую перспективу предлагает обратить особое внимание на следующие направления:

1. Содействие реализации российско-японского плана действий, направленного на активизацию контактов на всех уровнях. Намеченные планы меры, в частности создание российско-японской организации по содействию торговле и инвестициям, расширение форм кредитования совместных проектов, включая кредитование под гарантии корпораций и банков, участвующих в проектах, сотрудничество в освоении энергетических ресурсов Дальнего Востока России и т.д. придадут новый импульс развитию двустороннего сотрудничества.

2. Совместная работа по решению энергетических проблем АТР за счет российских энергоресурсов путем реализации проектов строительства трубопровода Ангарск—Находка и газопровода Сахалин—Хабаровск—Владивосток, в реализации которых заинтересованы как Япония, так и Россия, в частности Дальний Восток, так как каждая из сторон получит свои выгоды.

3. Активизировать привлечение японского капитала в приоритетные для российского Дальнего Востока сектора экономики.

4. В целях активизации взаимодействия с японскими организациями экономического сотрудничества (РОТОБО, ДЖЕТРО, КЕЙДАНРЕН, и т.д.) по информированию предприятий Японии о возможностях торгово-экономического сотрудничества с Хабаровским краем предлагается приступить к практике организации японских бизнес-миссий для проведения комплексных переговоров в Хабаровском крае и других субъектах Востока России. В ходе подобных мероприятий участники смогут подобрать партнера, ознакомиться с товарами и инвестиционными проектами, которые предлагают регионы Дальнего Востока, Сибири и Урала. С российской стороны организаторами подобных миссий могут выступать администрации регионов, Российский национальный комитет по Тихоокеанскому экономическому сотрудничеству, межрегиональные ассоциации экономического взаимодействия субъектов Федерации "Дальний Восток и Забайкалье", "Сибирское соглашение". Первую такую бизнес-миссию предлагается провести в городах Владивостоке, Хабаровске и Южно-Сахалинске в мае 2004 года.

5. Для расширения и углубления торгово-экономического и научного сотрудничества необходимо проведение на постоянной основе международных форумов и конференций в г. Хабаровске. Среди прочего, в рамках этих мероприятий участникам предоставляется возможность обсудить инвестиционные проекты, затрагивающие развитие основных направлений российско-японского сотрудничества, обменяться мнениями по различным вопросам торгово-экономического характера между Россией и Японией. Непосредственное участие в этих мероприятиях представителей японских организаций экономического сот-

рудничества позволит более эффективно информировать бизнес Японии о торгово-экономических возможностях регионов, а также о потенциальных партнерах.

6. Для решения вопросов модернизации производств, замены основных фондов предприятий через поставки японских технологических линий, оборудования проработать вопрос о создании в Хабаровском крае Японского лизингового центра, ориентированного на удовлетворение потребностей в оборудовании и технологиях лесозаготовительных, лесоперерабатывающих и рыбоперерабатывающих предприятий края. Заинтересованность в участии в создании указанного лизингового центра проявила лизинговая компания "Ниппон Стил Групп". Ее дочерняя компания ООО NSE, зарегистрированная в Москве, открыла свое представительство в г. Хабаровске. В настоящее время представителями министерства лесной промышленности края ведется проработка вопросов с представительством японской компании о возможных объемах лизинговых операций в сфере лесопромышленного комплекса края, определяются основные направления использования лизинга и условия предоставления оборудования в лизинг, прорабатываются финансовые схемы реализации лизинговых операций.

7. При лесотехническом институте Хабаровского государственного технического университета, на производственной базе одного из предприятий лесного комплекса края планируется создание Регионального инструментального центра с участием японских специалистов, имеющих опыт работы в сервисных центрах. Создание и функционирование такого центра на территории края позволит обеспечить более качественную подготовку специалистов-инструментальщиков для лесной отрасли края, создать современную сервисную базу по обслуживанию лесозаготовительной и лесоперерабатывающей техники и оборудования, создать на территории края склад запасных частей и деталей для используемой в крае техники японского производства.

8. В связи с потребностью в газетной бумаге на рынках Юго-Восточной Азии предложено странам этого района принять участие в совместной реализации проекта "Производство газетной бумаги и химико-термомеханической массы" на Хорском биохимическом заводе. Целью данного проекта, по которому уже подготовлен бизнес-план, является организация в Хабаровском крае крупного производства по выработке высококачественной газетной бумаги (близкой 63 ISO) мощностью 100 тыс. тонн в год на основе химико-термомеханической древесной массы без применения хлорсодержащих реагентов. Краевая ресурсная база способна обеспечить данное производство сырьем в объеме 300 тыс. куб.м. в год. Близость Хорского биохимического завода к китайскому рынку, наличие транспортной инфраструктуры для быстрого выхода через морские порты к Японии, развивающимся странам АТР и Индии делает этот проект привлекательным и конкурентоспособным. Общая стоимость проекта составляет 97 млн. долл. при использовании нового оборудования (I вариант) или 81 млн. долл. при использовании бывшего в употреблении оборудования (II вариант). В настоящее время правительство Хабаровского края, предоставляя гарантии по инвестициям за счет средств краевого залогового фонда, осуществляет поиск иностранного инвестора для организации предприятия с иностранными инвестициями.

9. Совместно с Генеральным консульством Японии в г. Хабаровске намечено продолжить работу по сотрудничеству в области поддержки малого и среднего бизнеса. В настоящее время ведется проработка вопросов сотрудничества по следующим направлениям:

- изучение возможности оказания содействия в создании в Хабаровском крае технологических бизнес-инкубаторов (бизнес-центры для малых и средних предприятий с набором деловых и консультационных услуг) в сфере деревообработки, пищевой промышленности, в машиностроении, в сфере услуг;

- оказание помощи в создании и организации деятельности малых лесоперерабатывающих предприятий с поставкой оборудования и современных технологий переработки древесины, а также оборудования для организации малых предприятий по производству мебели с использованием современных материалов и технологий;

- возобновление практики направления японских консультантов (возможно, специалистов Японского центра производительности) для анализа положения и выработки рекомендаций по повышению эффективности деятельности предприятий малого и среднего бизнеса в крае;

- содействие организации контактов краевых общественных объединений предпринимателей с японскими профессиональными объединениями. Планируется проведение семинаров по обмену опытом, практикой создания и деятельности японских профессиональных объединений, их взаимоотношений с органами власти различного уровня;

- проведение семинаров и организация курсов в Японском центре в г. Хабаровске по актуальным темам для малого и среднего бизнеса конкретных отраслей, совмещающая теоретический курс с практическими занятиями на одном из предприятий отрасли;

- продолжение практики проведения стажировок специалистов органов власти края, структур поддержки предпринимательства, общественных объединений и организаций предпринимательских структур.

10. Предложить японской стороне проработать вопрос о предоставлении правительственных гарантий предприятиям малого и среднего бизнеса в Японии, осуществляющим торгово-экономическое сотрудничество с российским Дальним Востоком и в том числе с Хабаровским краем.

11. Большую роль в активизации российско-японского экономического сотрудничества играют презентации дальневосточных регионов в Японии, эффективность которых следует повышать.

12. Изучить возможности сотрудничества по реализации проектов освоения шельфа о. Сахалин и совместного участия в тендерах, проводимых в рамках данных проектов.

13. Изучить возможность осуществления совместных проектов с участием японского капитала с целью развития инфраструктуры туризма — строительства в городе Хабаровске 1-2 современных гостиниц на 500-600 мест, ориентированных на туристов, прибывающих из стран Северо-Восточной Азии.

14. Для развития туристического сотрудничества целесообразно создание совместного с японской стороной банка данных туристических компаний, работающих по российско-японскому направлению. Кроме того, необходимо регулярно осуществлять с японской стороной обмен информационными, рекламными и другими материалами, касающимися туризма.

Миграционные процессы на Дальнем Востоке и российская зарубежная диаспора

© 2004

Л. Забровская

21-22 октября 2003 г. в пригороде Владивостока прошел III Тихоокеанский форум соотечественников "Миграции и диаспоры: потенциал развития Тихоокеанской России", который спонсировался администрацией Приморского края и Межрегиональным институтом общественных наук при ДВГУ. В работе форума приняли участие представители администрации президента, Госдумы, приморской администрации и научной элиты, а также российские предприниматели и представители российских диаспор из Китая и США.

Основная задача нынешней встречи состояла в привлечении интеллектуального и экономического потенциала российских соотечественников из стран АТР для возрождения дальневосточных регионов России, реализации общих научных разработок, создание СП. Участники форума обсудили будущую стратегию, касающуюся развития дальневосточной экономики и освоения природных ресурсов, а также пути развития Тихоокеанской России в системе координат стран АТР, привлечение интеллектуального капитала соотечественников, живущих на территории соседних государств, прежде всего Китая.

В рамках работы форума состоялись презентации клубов соотечественников, проживающих в Китае, а также ряда инвестиционных проектов, представленных администрацией Приморского края — детского реабилитационного центра, свободной торговой зоны на российско-китайской границе "Пограничный-Суйфэньхэ", экономической зоны на о.Русский (Владивосток), в софинансировании которых могли бы принять участие зарубежные соотечественники.

В ходе работы форума выяснилось, что соотечественники из Китая и США, представляющие собой последнюю волну эмиграции, наиболее активно настроены на сотрудничество с Россией и могли бы способствовать продвижению отечественного бизнеса за рубежом. Тем более, что многие из них сохраняют российское гражданство, поддерживают тесные связи с родиной и их бизнес связан с Россией.

В центре дискуссий форума оказались не только актуальные вопросы экономического и культурного развития российского Дальнего Востока, но и проблемы российской политики в отношении зарубежной диаспоры, путей образования системы транснациональной мобильности для облегчения вхождения России в Тихоокеанское сообщество государств. Ученые и бизнесмены предлагали оптимальные методы и формы реализации корпоративных интересов деловых кругов российского зарубежья в Тихоокеанском регионе.

Зарубежные представители российской православной церкви говорили о духовном основании российского диаспорального строительства в странах

Азии и подчеркивали, что российские соотечественники в Китае могут явиться ресурсом развития международного экономического сотрудничества.

В выступлениях также затрагивались вопросы положения зарубежных диаспор в России, в частности китайской, и отмечался закрытый характер ее существования, отсутствие намерения зарегистрировать свои организации в российских органах власти.

В докладе вице-губернатора Приморского края В.В.Горчакова "Тихоокеанская Россия и перспективы взаимодействия с российским зарубежьем" шла речь о назревшей необходимости ориентировать российскую политику на стратегическую задачу расширения геополитического проникновения России в тихоокеанские страны и использовать российские приграничные с Китаем и Японией территории, как зоны наиболее интенсивного взаимодействия с окружающими регионами.

В его докладе еще раз была изложена предложенная на Санкт-Петербургском экономическом форуме (июнь 2003 г.) приморским губернатором С.М.Даркиным идея о создании Тихоокеанской России — региона особого типа, сформированного поверх административных границ дальневосточных краев и областей, заинтересованных в экономическом и социокультурном продвижении в АТР. Площадкой для "сборки такого сетевого региона" было предложено сделать Приморье, администрация и деловые круги которого имеют богатый опыт ведения делового сотрудничества в АТР, обладают разветвленной сетью зарубежных связей и границы которого непосредственно соприкасаются с восточноазиатскими странами.

В.В.Горчаков полагает, что именно таким путем России удастся наладить интенсивное взаимодействие в этой области, и она сможет стать "великим геополитическим узлом мира". В этой ситуации администрации края представляется естественным стремление использовать дальневосточные приграничные территории как своеобразные "буферные открытые экономико-политические зоны" для взаимодействия с соседними геополитическими регионами. По его мнению, такая система могла бы оказаться весьма выгодной для России в плане поддержания "мягких" многоступенчатых границ и потребовать меньшего напряжения сил и средств, чем сохранение "жесткой" пограничной системы, как это было в период существования СССР.

В докладе советника управления Президента РФ по внешней политике С.Ю.Бушмаринова "Диаспоральная политика России и создание эффективной системы взаимодействия с российской зарубежной диаспорой" поднимались актуальные вопросы выработки оптимального варианта диаспоральной политики России и создания взаимовыгодной системы контактов с зарубежными соотечественниками. Он подчеркнул, что при выработке государственной программы взаимодействия с зарубежными соотечественниками необходимо избегать политических спекуляций, исходить из "презумпции соотечественников" при выработке доктрины "кто есть соотечественники".

За последнее десятилетие в Россию переселилось 9 млн. русскоязычных мигрантов из стран СНГ. Российское правительство ежегодно тратит 200 млн. руб. на социальную поддержку зарубежных соотечественников. В связи с этим С.Ю.Бушмаринов считает, что деловой потенциал зарубежных соотечественников достаточно велик и при его разумном использовании можно будет говорить о "российской мировой экономической империи".

В своем выступлении под названием "Транснациональная мобильность в Азиатско-Тихоокеанском регионе и академическая поддержка экономического сотрудничества" ректор ДВГУ В.И.Курилов заметил, что 120 млн. русскоязычных граждан живут не там, где родились. Многие из них оказались в различных странах АТР. Поэтому назрела необходимость решения правовых вопросов "транснациональной мобильности в АТР" и расширения культурных контактов "поверх

границ". Он также подчеркнул, что мало признать своих зарубежных соотечественников людьми, принадлежащими к русской культуре. Необходимо упорядочить правовую сферу связей с российскими диаспорами за рубежом: предоставить им пожизненные въездные визы или дать второй (российский) паспорт.

В.И.Курилов полагает, что при решении вопросов о заселении дальневосточных территорий российское правительство должно исходить из того, что миграционные процессы — это объективная данность, но необходимо управлять этими процессами в интересах всего российского населения. Вместе с тем государственное регулирование миграционных процессов не должно быть жестким, а "ограничиваться пределами необходимого", иначе могут возникнуть негативные последствия. В связи с этим он полагает, что Российское государство должно принимать все возможные меры, чтобы гражданские права наших соотечественников за рубежом были юридически защищены, для чего необходимо продумать систему юридической поддержки деятельности зарубежных соотечественников и укрепления их связей с родиной предков.

В докладе директора Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН В.Л.Ларина "Российско-китайское трансграничное сотрудничество: роль диаспорального фактора" обосновывается необходимость китайской трудовой миграции в Приморье. Он считает, что в условиях, когда 65% приморских жителей высказали желание уехать из Приморья, так как не видят перспектив своего пребывания в крае, и наблюдается устойчивый выезд молодежи, необходимо использовать китайскую миграцию для экономического развития российского Дальнего Востока и не рассматривать китайских мигрантов как внешнюю угрозу. Вместе с тем он отметил, что китайская миграция в России — это трудовая миграция, а деньги, заработанные китайцами, уходят в Китай.

В выступлении Федерального инспектора в Приморском крае Л.Дроздовой также выражена обеспокоенность отрицательной демографической ситуацией на Дальнем Востоке России и особенно в Приморском крае. По ее словам, Приморье ежегодно покидает 10-11% трудоспособного населения, прежде всего высококвалифицированные кадры, которые находят себе лучшее применение в европейской части России и за рубежом. Этот факт вызывает постоянное беспокойство у местных властей, так как ухудшение демографической обстановки ведет к экономической стагнации.

Руководители предприятий пытаются выправить ситуацию посредством привлечения трудовых резервов из Китая и КНДР. Однако приезжие иностранные рабочие не платят налоги в местные бюджеты. Остается значительной китайская нелегальная трудовая миграция, которая находит применение в дальневосточной теневой экономике и таким путем ускользает от налогообложения.

Поэтому приморские власти смотрят с надеждой на возможные изменения в "Законе о гражданстве" в сторону упрощения миграции в Россию русскоязычного населения из стран СНГ. Поправки в этом законе откроют для Приморья возможности для привлечения необходимых кадров из стран СНГ и улучшат демографическую ситуацию в крае.

В докладе профессора Дипломатической академии МИД РФ Т.В.Полосковой "Пути и формы реализации корпоративных интересов деловых кругов российского зарубежья в АТР" обозначены способы и методы проектирования структур зарубежного русского мира и поиск механизмов выстраивания на базе разрозненных, разобщенных общин российской диаспоры эффективно действующей сети. Использование потенциала зарубежной диаспоры для создания сети экономических, социокультурных и иных связей является довольно распространенной мировой практикой. Инициатива создания системы сетевых коммуникаций нередко принадлежит самой диаспоре, как это видно на примере *хуацяо*. Именно опора на внутренние источники стала основой развития ки-

тайской и других диаспор, не только обеспечивающих собственное воспроизводство, но и активно помогающих “исторической родине”.

В свою очередь бизнес проявляет интерес к тем диаспоральным организациям, которые обладают солидным лоббистским потенциалом в стране проживания и в “титულном” государстве, могут обеспечивать выгодные контракты, преференции, поддержку во властных структурах. Создание коммуникативных каналов позволит выявить и актуализировать экономический потенциал зарубежного “русского мира”. В этой связи представляется перспективной модель консолидации различных слоев зарубежной диаспоры на основе Тихоокеанского форума соотечественников, периодически проходящего во Владивостоке.

Т.В.Полоскова также считает, что Российское государство, продекларировав проведение заинтересованной политики в отношении зарубежной диаспоры как важнейшему внешнеполитическому ресурсу и основе зарубежного русского мира, должно распространить подход к диаспоре как транснациональной корпорации и на внутренние диаспоральные объединения, действующие на территории нашей страны. В этой связи она расценивает как положительный факт то, что у населения российского Дальнего Востока не вызывает “истерических настроений”, как в других регионах страны, приезд мигрантов из стран СНГ.

На конференции присутствовали представители из русских клубов Пекина, Шанхая, Шэньчжэня и Гонконга, которые говорили о цементирующей роли своих организаций при работе среди российских соотечественников в Китае. Русские клубы являются центрами информации о России, российской культуре. Это общественные организации. Их сотрудники на добровольных началах ведут распространение литературы, приглашают российских артистов, организуют художественные выставки российских мастеров, создали сайты в Интернете, где представлены сведения как об экономической и культурной жизни соотечественников в самом Китае, так и в России.

В настоящее время в Китае проживает 13 тыс. человек, которые имеют русские корни и стремятся сохранить культурные контакты со своей исторической родиной, исповедуют православие. Поэтому роль православной церкви в повседневной жизни китайских соотечественников также велика. ✓

Представители российских клубов в Китае выразили сожаление, что российские государственные службы не уделяют им должного внимания и предложили пути для укрепления контактов с исторической родиной посредством создания в России вертикали служб по координации сотрудничества с ними.

Представители русских соотечественников в США говорили, что в целях укрепления сотрудничества с зарубежными соотечественниками российским властям необходимо принять меры в отношении упрощения визового режима для выходцев из России. При этом они считают, что предоставление пожизненных или долгосрочных виз предпочтительнее, чем предоставление второго гражданства, так как визовая поддержка будет способствовать осуществлению частых поездок, а, “когда люди будут чаще ездить в Россию, она начнет все больше нравиться, что неизбежно приведет к установлению долгосрочных связей, за которыми последуют и инвестиции”.

При выработке рекомендаций для российских административных органов участники форума пришли к выводу, что нужна целенаправленная и планомерная работа с зарубежными соотечественниками. Должна быть определенность в миграционных процессах. Необходимо назначить ответственных в администрациях краев и областей за работу с зарубежными соотечественниками. Необходимо принять закон о репатриации, в котором указать те регионы страны, куда предпочтительнее направить потоки мигрантов.

Предложено также продолжить деятельность форума зарубежных соотечественников как дальневосточной инновационной площадки по разработке

и экспертной апробации форм и моделей экономического, социокультурного развития российского Дальнего Востока путем привлечения потенциала зарубежной диаспоры.

Ввиду того, что в ближайшее время ожидается новая волна переселенцев из стран СНГ, в каждом российском посольстве должны быть дипломаты, ответственные за работу с соотечественниками. Желательно также, чтобы российские государственные структуры способствовали укреплению позиций русского языка и культуры в странах АТР, необходимо создать совет по проблемам русского языка при администрациях краев и областей российского Дальнего Востока, а также поддержать усилия ДВГУ, который имеет свои филиалы в КНР, США, Японии и РК по распространению российских образовательных стандартов и изучению русского языка в странах АТР с тем, чтобы внуки и правнуки выходцев из России изучали язык своих предков и знакомились с русскими национальными традициями.

Вторая международная научно-практическая конференция “НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ДИАЛОГ О ТЕРРИТОРИАЛЬ- НЫХ СПОРАХ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ”

23-24 ОКТЯБРЯ 2003 г. в Морском государственном университете им. адмирала Г.И.Невельского (МГУ, г.Владивосток) состоялась вторая международная научно-практическая конференция “Неправительственный диалог о территориальных спорах в АТР”. Цель конференции — поиск на неправительственном уровне возможностей, способствующих скорейшему разрешению территориальных споров в АТР.

Основные направления работы конференции состояли в следующем:

- историко-политические и юридические аспекты спорных территорий;
- культурно-психологические аспекты территориальных споров;
- экономический аспект проблемы спорных территорий: упущенные возможности или разумное равновесие интересов;
- единство биологических ландшафтов и территориальная разьединенность, проблемы использования биологических и природных ресурсов на спорных территориях.

В конференции приняли участие преподаватели МГУ, ученые институтов ДВО РАН, представители общественных организаций, которые обсудили актуальные вопросы о становлении государственной границы между Россией и КНР, пути решения курильской проблемы, содержание последних советской-северокорейских пограничных договоров и другие проблемы.

В решении о работе конференции говорится, что участники пришли к выводу, что истоки территориально-пограничных споров имеют комплексный характер. Решение пограничных вопросов требует сотрудничества представителей различных ведомств, ученых, представителей общественных организаций. Поэтому идея народной дипломатии на уровне неправительственного диалога и принципы взаимоуважения и толерантности, положенные в основу концепции проведенной конференции, представляются полезными. Активизируя взаимовыгодные экономические связи, проводя совместные научные исследования, организуя культурные обмены, можно уменьшить конфронтацию, на неправительственном уровне содействовать разрешению территориальных споров.

Экономика

Япония: бизнес и политика

© 2004

И. Цветова

Организации предпринимателей как один из субъектов современного гражданского общества располагают большими возможностями определять и формировать образ жизни этого общества, а также оказывать воздействие на государственную политику. Авторитет и влияние этих структур находятся в прямой зависимости от организованности и согласованности их действий.

В мае 2002 г. путем объединения двух крупнейших союзов деловых кругов Японии — Федерации экономических организаций (Кэйданрэн) и Японской федерации предпринимательских организаций (Никкэйрэн) — была создана Японская федерация экономических организаций (Ниппон кэйданрэн). По данным на 18 июня 2002 г. в нее входили 1 540 членов, включая 1 232 компании (из них 71 компания, работающая за рубежом), 127 отраслевых промышленных ассоциаций, 47 региональных организаций предпринимателей.

Напомним, что в 1946-1947 гг. была сформирована "большая четверка" могущественных союзов японских предпринимателей, без которых трудно представить экономическое развитие послевоенной Японии. К ним относились, кроме двух выше названных организаций, Ассоциация руководителей корпораций (Кэйдзай доюкай) и Японская торгово-промышленная палата (Ниссё). Они осуществляли координацию действий предпринимателей в промышленности, финансах и торговле, добивались проведения через правительственные органы выгодной им политики.

Кэйданрэн являлась своего рода штабом японского предпринимательства, призванным оказать помощь в восстановлении разрушенной войной экономики страны. Ее коллективными членами стали отраслевые и территориальные ассоциации финансовых и промышленных кругов, а также многие банки и корпорации. Одной из главных задач Кэйданрэн была выработка рекомендаций парламенту, правительству и другим органам по вопросам экономической политики и управления экономикой. Организация внесла существенный вклад в решение внутренних и международных проблем, с которыми сталкивались японские бизнесмены. Кэйданрэн способствовал развитию японской и мировой экономики путем содействия либерализации торговли, развертыванию международной конкуренции, проведению административной и налоговой реформ, решению экологических проблем, проведению политического диалога с зарубежными правительствами и деловыми кругами.

Главной сферой деятельности Никкэйрэн были вопросы трудовых отношений под лозунгом "Предприниматели, будьте справедливыми и решительными". Никкэйрэн состояла из территориальных и отраслевых организаций предпринимателей. Она содействовала созданию устойчивой системы трудового менеджмента в Японии, выступая в качестве участника регулирования трудовых споров непосредственно между работодателями и наемными работниками, играла роль координатора действий предпринимателей и разработчика их общей стратегии и тактики в вопросах трудовых отношений. При этом она стремилась делать акцент на гуманитарные аспекты корпоративного менеджмента.

За годы своего существования Кэйданрэн и Никкэйрэн, каждая из которых имела собственную специализацию, наладили тесные контакты и постоянно взаимодействовали. Что же, в конце концов, побудило их принять решение об объединении?

За полвека послевоенной истории в Японии и во всем мире произошли громадные изменения. Экономические, социальные и трудовые проблемы стали фактически неразделимыми. Возникла насущная необходимость в тесной совместной работе Кэйданрэн и Никкэйрэн при решении таких актуальных задач, как обеспечение занятости, реформа социального обеспечения в условиях снижения рождаемости и старения населения, реформа образования, отвечающая задаче подготовки квалифицированных кадров для современной экономики, и т.д.

В условиях затянувшегося кризиса японской экономики, наличия разногласий в правительственных кругах относительно способов вывода ее из стагнации перед предпринимателями страны встала задача модернизации системы управления производством и финансовой деятельностью и изыскания более эффективных форм принятия и исполнения решений на предприятиях. В еще большей степени предприниматели заинтересованы в расширении влияния на правительство и законодателей, в укреплении авторитета "столпов делового мира" в японском обществе в целом.

В прошлом Кэйданрэн была главным распорядителем и посредником в сборе политических пожертвований от входящих в нее предприятий для правящей Либерально-демократической партии (ЛДП). Это было важным фактором формирования триады "политики — чиновники — финансисты". Тесные связи внутри триады давали возможность крупным предпринимателям проводить через парламент и правительство выгодные им решения. Однако с потерей ЛДП монопольного правления Кэйданрэн в 1993 г. решила отказаться от такого посредничества, что привело к сокращению политических пожертвований партиям с 10 млрд. иен во время их пика до 3 млрд. иен. Хотя предприятия остаются главным финансовым спонсором политиков правящих партий, Кэйданрэн лишилась важного рычага воздействия на правительство через координированное, целенаправленное финансирование партий, стоящих у власти.

Кэйданрэн была вынуждена компенсировать утрату выгод за счет политических пожертвований активным воздействием на правительственные решения на "открытой сцене" путем рекомендаций по актуальным проблемам и участия в работе консультативных органов, формируемых правительством или по решению парламента, и т.д. Так, председатель Кэйданрэн Т. Имаи возглавляет консультативные советы по финансовой политике при министерстве финансов, промышленной структуре при министерстве экономики и промышленности, транспортной политике при министерстве государственной территории и транспорта. Сами же деловые круги, безусловно, хотели бы вернуться к практике политических пожертвований, однако постоянно всплывающие коррупционные скандалы явно препятствуют этому.

Слияние Кэйданрэн и Никкэйрэн нацелено на еще большее политическое влияние делового мира Японии при сохранении и укреплении имеющихся

у него форм связей с правительством и законодателями. При этом задача создания новых рамок для политических пожертвований становится предметом обсуждения в новой организации.

Определенную роль в слиянии сыграл субъективный фактор. Инициатива исходила от председателя Кэйданрэн Т. Имаи, который весной 2000 г. обратился к Никкэйрэн с предложением об объединении. Тогда же председатель Никкэйрэн Х. Окуда (председатель совета директоров автомобильной компании “Тоёта дзидося”) объявил о создании комитета для изучения возможности объединения с Кэйданрэн. Такая позиция Окуда означало сближение его взглядов с идеями Имаи, вопреки тому, что в секретариате Никкэйрэн к идее объединения относились весьма пассивно, а местные организации выступали против нее. В августе 2000 г. руководство Никкэйрэн провело заключительное обсуждение вопроса и пришло к выводу, что “объединение — это веление времени”. Окуда заявил, что “обе экономические организации нуждаются в расширении возможностей для выражения своих взглядов” с целью продвижения промышленной реструктуризации в условиях начинающейся с января 2001 г. реорганизации правительственной структуры¹.

Определенные трудности при объединении двух организаций создавали различия в их статусах: Кэйданрэн — юридическое лицо, представляющее общественные интересы (сядан ходзин), а Никкэйрэн — организация со свободным членством (нинъи дантай). В этих условиях перестройка местных организаций откладывалась, а за основу была взята структура Кэйданрэн.

В январе 2002 г. на общем собрании Никкэйрэн было принято решение о роспуске и создании объединенной с Кэйданрэн организации. В мае того же года на своем собрании Кэйданрэн также приняла решение об объединении. Японская пресса назвала это “масштабной перестройкой экономических организаций”², в результате которой 28 мая 2002 г. появилась самая крупная общенациональная организация предпринимателей — Ниппон кэйданрэн.

Новая организация взяла на себя функции не только Кэйданрэн, которая была главным лоббистом крупного капитала страны и продвигала реформу промышленной структуры Японии, но и Никкэйрэн, которая представляла интересы деловых кругов в вопросах трудовых отношений и в условиях усиливающейся нестабильности занятости формировала структуру желательных для предпринимателей взаимоотношений с наемным трудом.

Объединение двух столпов японского бизнеса, безусловно, было велением времени. В японских средствах массовой информации отмечалось, что Никкэйрэн, будучи “отделом труда финансовых кругов”, выполнила свою миссию. По существу, она развалила японское профсоюзное движение, выхолостила позитивное значение весенней борьбы за права трудящихся, исключив из нее требование повышения заработной платы. А Кэйданрэн перестала быть “штабом финансовых кругов”, в определенной степени утратив свое влияние после того, как отказалась в 1993 г. посредничать в сборе политических пожертвований для партий.

Новая организация, как подчеркивается в японских политических и деловых кругах, призвана сыграть важную роль в возрождении экономики страны. Прежде всего, она должна решить задачу оживления активности промышленных кругов, страдающих от дефляции. Деловому миру необходима поддержка для внедрения новых технологий, развития новых отраслей промышленности. Сплоченные усилия помогут ускорить процесс совершенствования законодательства, налоговой системы, бухгалтерской системы и т.д., а также разработку более эффективных способов работы предприятий и обеспечения занятости в стареющем японском обществе. Ожидается, что объединение ресурсов двух национальных организаций предпринимателей позволит им усилить давление на правительство с целью решения актуальных экономических и со-

циальных задач. Например, если прежде Кэйданрэн занималась проблемами налогообложения предприятий, а Никкэйрэн — проблемой социального страхования, то теперь эти проблемы должны решаться комплексно, поскольку речь идет об увеличении размеров социального страхования за счет долевого участия в нем предприятий и организаций.

Как и предполагалось, первым председателем Японской федерации экономических организаций стал Х. Окуда. Будучи одновременно председателем Никкэйрэн и членом консультативного совета по экономической и финансовой политике канцелярии кабинета министров, он активно занимался как трудовыми, так и экономическими проблемами, и был влиятельной фигурой, которая связывала правительственные и предпринимательские круги. Его деловая карьера началась в 1955 г. Поступив на работу в компанию по продаже автомобилей “Тоёта дзидося хамбай”, он вскоре был направлен на Филиппины, где проработал более шести лет в качестве менеджера местного филиала компании “Тоёта”. Во время поездки в Манилу президент компании “Тоёта” Сеитиро Тоёта (позже почетный президент фирмы и председатель Кэйданрэн) обратил внимание на Окуда как перспективного работника и пригласил его в Токио в головное отделение компании. Надежды С. Тоёта оправдались. Карьера Х. Окуда была стремительной, и в 1995 г. он занял пост председателя совета директоров компании “Тоёта”. По его инициативе внутри компании была создана система венчурных предприятий и проведено омоложение кадрового состава компании, что привело к оживлению ее деятельности. С 1999 г. Окуда — председатель Никкэйрэн. Его лозунг — “рыночная экономика с человеческим лицом”. С одной стороны, Окуда выступает против упрощенной реструктуризации предприятий, когда интересы сотрудников не учитываются менеджментом, а с другой стороны, в 2002 г. во время “весенней борьбы” отказался обсуждать с профсоюзами вопрос о повышении заработной платы. Являясь с января 2001 г. членом консультативного совета по экономической и финансовой политике канцелярии кабинета министров, Окуда стремится привлечь внимание к важности улучшения экономической конъюнктуры посредством снижения налогов. Он провозгласил идеалами объединенной организации предпринимателей принципы личной ответственности и уважения человека, эффективность системы рыночной экономики, социальной справедливости.

“Миссия новой организации, — заявил Х. Окуда, — добиваться создания условий для того, чтобы и личность, и предприятие, ставя целью построение “жизнедеятельной и привлекательной Японии”, могли проявить свою активность”³. По его мнению, Япония в XX в., стремясь догнать Европу и США, в основном добивалась роста материального богатства страны. Теперь же ей предстоит выработать “собственную, не имеющее аналогов”, модель общественно-государственного устройства, найти новый путь развития. Лидер Ниппон кэйданрэн видит этот путь в подкреплении стремления к росту благосостояния “энергией и динамизмом духовного богатства”, порожденными многообразием индивидуальностей, способностью к самостоятельности, толерантностью и доверием. “В XXI в. от японцев потребуется отказ от прежнего единообразия жизни, утверждение плюрализма индивидуальностей, построение общества, побуждающего к самостоятельности”, — полагает Окуда. Это приведет к появлению новых рынков, технологий, рабочих мест, к “созданию новой экономики и общества”. Правительству необходимо заручиться “сочувствием и доверием” внутри страны и, став подлинно открытым государством, на международной арене.

В организационной структуре нового объединения максимально учтен предыдущий опыт Кэйданрэн и Никкэйрэн. Кроме председателя, высшее руководство представлено 15 его заместителями, Консультативным советом во главе с председателем и 10 заместителями, а также Советом председателей местных организаций. Все высшие должностные лица являются руководителями

крупнейших промышленных корпораций, банков и кредитных учреждений страны. Административный аппарат федерации сформирован из постоянных работников двух объединившихся организаций, в секретариате работает 284 человека. Бюджет Ниппон кэйданрэн формируется за счет членских взносов и составляет 4,1 млрд. иен⁴.

Практическая работа новой организации, как и ее предшественников, ведется в многочисленных комитетах, возглавляемых также влиятельными бизнесменами, причем многими важнейшими комитетами руководят члены ее высших органов. Сформированы четыре группы комитетов, в том числе политические (комплексной и экономической политики; административной реформы; промышленности и инфраструктуры; технологии, энергетики, экологии; социальных отношений; трудовых отношений; международных отношений); по вопросам региональных и двусторонних экономических отношений с зарубежными странами; специальные; по вопросам управления федерации. Важнейший из этих рабочих органов — комитет комплексной политики — работает под непосредственным руководством председателя федерации Х. Окуда. Председателем японо-российского экономического комитета назначен президент компании “Токё гасу” К. Андзай.

Наладив деятельность комитетов, формируемых из руководящих работников крупных корпораций, федерация создала разветвленный аппарат для глубокого изучения в интересах экономических кругов разнообразных проблем, как экономического характера, так и затрагивающих иные стороны жизни японского общества. Характерно также, что эта организация, располагая множеством комитетов, занимающихся экономическими отношениями Японии с разными регионами и странами мира, постоянно держит в своем поле зрения международные торгово-экономические связи на всех представляющих интерес направлениях.

Можно ожидать, что комитеты федерации активизируют деятельность по разработке и представлению экономическим кругам и правительству предложений и рекомендаций по широкому спектру актуальных проблем, которые стоят перед Японией, возьмут на себя роль катализатора либеральных структурных реформ.

Приветствуя учреждение федерации, Окуда отметил, что главное предназначение Федерации экономических организаций — выработка единого мнения деловых кругов по наиболее важным вопросам социально-экономического развития, внесение соответствующих предложений в правительство. Особо важными задачами Окуда назвал реформу системы социального обеспечения (пенсии, медицинское обслуживание и т.д.) и реформу налогообложения. Он выразил твердую уверенность в том, что “для оживления экономики нужно предложить народу, по возможности, стабильную систему социального обеспечения, а также осуществить коренной пересмотр налоговой системы, которая остается неизменной со времен Шарпа”⁵ (т.е. с послевоенного периода, когда налоговая система была подготовлена на основе рекомендаций США).

Объединительное собрание федерации приняло резолюцию, призывающую, во-первых, к продвижению реформы корпоративного менеджмента с целью усиления конкурентоспособности на мировых рынках, к созданию новых рабочих мест; во-вторых, к тесной координации с правительством на новых раундах многосторонних торговых переговоров и в деле скорейшего заключения региональных или двусторонних соглашений о свободной торговле.

Цель федерации, как ее декларирует руководство, — добиваться лидирующего положения частного сектора, построения жизнеспособных и процветающих экономики и общества. Для достижения этой цели, заняв ведущее место среди предпринимательских организаций, участвовать в выработке правительственного курса. На основе достижения консенсуса федерация будет стремиться к решению различных проблем (экономических, финансовых, промыш-

ленных, социальных, трудовых), затрагивающих интересы всего делового сообщества. Будут предприниматься усилия для решения международных проблем и развития экономических отношений с другими странами посредством политического диалога с правительствами, промышленными группами и соответствующими международными организациями.

В своей речи по случаю назначения руководителем федерации Х. Окуда выразил надежду на “сильное правительственное руководство”, а премьер-министр Дз. Коидзуми в свою очередь подчеркнул, что “без Вашей помощи будет трудно”. Присутствовавший на учредительном собрании министр финансов М. Сиокава также приветствовал слияние двух мощных организаций деловых кругов, заявив о “консолидации японских предпринимателей и создании их центрального органа”. Это явилось своего рода признанием федерации в качестве нового “штаба” японского частного предпринимательства, выражающего его интересы перед правительством и принимающего непосредственное участие в их реализации. В то же время генеральный секретарь кабинета министров Фукуда предостерег, чтобы новая предпринимательская организация, “обладающая большим влиянием, не впадала в эгоизм промышленных кругов”⁶.

От федерации ожидают активного участия в работе по преодолению трудностей, с которыми сегодня сталкивается Япония. Одной из важных ее задач называют воздействие на правительство с тем, чтобы положить конец процессу “выхолащивания промышленности”, путем перевода производства в соседние азиатские страны. Например, предприятия — члены Японской торговой-промышленной палаты из-за перевода производственных площадей за рубеж, импорта дешевых китайских товаров на конец марта 2001 г. сократили свое производство на 2,4% по сравнению с предыдущим годом. Волна “выхолащивания” захватила также финансовые круги Японии. От федерации требуют содействия в решении сложной проблемы снижения себестоимости японских товаров, избегая при этом обострения проблемы занятости. Предполагается, что новая организация будет лоббировать интересы не только предприятий традиционных отраслей промышленности и финансовых кругов, но и, прежде всего, наукоемких производств и венчурных предприятий, которые, как полагают в Японии, смогут вытащить японскую экономику из кризисного состояния.

Выражая требования лидеров корпораций, федерация добивается от правительства в качестве неотложной меры по оживлению экономики внести в парламент законопроект, направленные на снижение налоговых ставок на научные исследования и разработки, инвестиционные проекты и благотворительные вклады, а также на предоставление налоговых льгот для покупателей жилья, использующих жилищные займы.

С целью восстановления общественного доверия к деловым кругам страны Ниппон кэйданрэн дала обещание требовать от своих участников строгого соблюдения Кодекса корпоративного поведения. Дело в том, что как до, так и после создания организации продолжают громкие скандалы, связанные с неблагоприятными действиями компаний, которые часто приводят к отставке их президентов и других руководящих работников. С августа по октябрь 2002 г. крупные нарушения были выявлены, по меньшей мере, в четырех компаниях, включая такие известные, как “Нихон хаму” (подделка мясных продуктов), “Токё дэнрёку” (сокрытие происшествий на атомной электростанции), “Мицуи буссан” (нечестные торги).

Нынешний кодекс корпоративного поведения был принят Кэйданрэн в декабре 1996 г., заменив аналогичный документ, действовавший с 1991 г. В кодексе перед предпринимателями ставятся задачи повышения ответственности и открытости их деятельности перед обществом, строгого соблюдения принципов честной конкуренции и норм корпоративной этики.

Осенью 2002 г. федерация начала работу по совершенствованию Кодекса корпоративного поведения. В нормы поведения, которым должны следовать предприятия, предполагается включить положение об “утверждении доверия со стороны потребителей и пользователей”. Особое внимание уделяется поведению высших руководителей корпораций. Им предписывается: 1) вести себя достойно в компании и вне ее; 2) в случае возникновения какой-либо проблемы принимать необходимые меры по ее разрешению в компании и вне ее; 3) давать разъяснения общественности и нести ответственность перед ней. С целью регулярного контроля за поведением предпринимателей в секретариате федерации создается специальный отдел корпоративной этики. Руководству предоставляется право самостоятельно принимать решение о приостановлении членства, вынесении предупреждения о возможном исключении, а также исключении из федерации. Нельзя не отметить, что изменение кодекса в сторону повышения требований к предпринимателям, как показывает его обсуждение в комитете предпринимательского поведения с участием около 100 руководителей крупных корпораций, вызывает значительные возражения (“чрезмерно жесткое содержание”, “предприятия-члены должны быть самостоятельными” и т.п.).

Понятно, что Кодекс корпоративного поведения, как всякий документ, принятый негосударственной организацией, не имеет юридической силы, и его невыполнение не влечет за собой правовых последствий. Однако в условиях кризисной ситуации, которая является питательной средой для нарушений со стороны корпораций, совершенствование кодекса, провозглашающего важность соблюдения деловой этики, является одним из способов возвращения доверия населения страны к предпринимателям.

1 января 2003 г. Ниппон кэйданрээн представила на рассмотрение общественности свой основополагающий документ “К жизнедеятельной и привлекательной Японии”, который должен лечь в основу ее дальнейшей деятельности (см. приложение). Главная задача документа “смягчить чувство безысходности” и найти пути выхода из нынешней экономической стагнации. Основными элементами документа являются видение будущего японской экономики, системные реформы и план действий по их реализации:

Экономическая и правовая политика. Необходимо вывести японскую экономику из состояния дефляции и обеспечить ее средне- и долгосрочный рост путем проведения соответствующей финансовой и кредитно-денежной политики. Важно осуществить полную реформу налоговой системы с тем, чтобы она поощряла тех, кто напряженно работает, а также принять дополнительные меры с целью облегчения корпоративного реструктурирования — резко снизить налог с дохода корпораций и прямые налоги, пересмотреть персональный подоходный налог и налог на потребление. Бюджетные расходы должны быть коренным образом реформированы. Федерация будет добиваться снижения государственных расходов и эффективного использования государственного бюджета и одновременно следить за погашением государственных займов. Неотложной задачей является реформирование японской системы социального обеспечения, включая государственные и корпоративные пенсии, медицинское страхование, заботу о престарелых с тем, чтобы сделать эту систему более стабильной.

В области рынка долгосрочного ссудного капитала и ценных бумаг наиболее безотлагательной задачей является списание невозвратных займов и восстановление кредитоспособности на рынке капитала. Законы, касающиеся бизнеса, включая Торговый кодекс, должны быть также пересмотрены в целях быстрого изменения делового климата.

Административная реформа. Федерация продолжит поддержку административной реформы в направлении сокращения лишних звеньев централь-

ного аппарата и слияния местных администраций с целью повышения эффективности их деятельности.

Промышленность. Для Японии чрезвычайно необходимо поощрение новых отраслей промышленности и новых предприятий, чтобы повысить международную конкурентоспособность. Для этого требуется проведение политики, привлекательной как для внешних, так и для внутренних инвесторов, переход к современным методам регулирования и распределения в сфере телекоммуникаций, обновление планов градостроительства и основной инвестиционной стратегии, повышение качества жилья, модернизация системы сельского хозяйства и национальной инфраструктуры (портов, дорог, аэропортов).

Наука, техника, технологии. Для повышения конкурентоспособности японской промышленности необходимо выработать правительственную стратегию в области науки и техники, особенно в таких областях, как право интеллектуальной собственности и наиболее передовые технологии, включая космические технологии и освоение океана, способствовать созданию стратегического союза между предпринимателями, научными кругами и правительством. Федерация возьмет на себя активную роль в защите национальных поставщиков оборудования.

Окружающая среда и энергетика. Планетарные проблемы окружающей среды, особенно глобального потепления, требуют все большего внимания в Японии. Федерация примет активное участие в реализации идеи рециклического общества, в борьбе с загрязнением окружающей среды, способствуя решению таких проблем, как промышленные отходы, незаконный их сброс, заражение почвы, контроль за химическими веществами. Необходимо привести в соответствие с международными стандартами четыре закона о безопасности продуктов.

Японская энергетическая политика должна строиться с учетом экономического роста страны, условий окружающей среды и стабильности поставок энергии. Следует расширить использование ядерной энергии и привлечь соответствующие японские организации к участию в международном проекте создания экспериментального термоядерного реактора.

Федерация и общество. Федерация будет делать все возможное для осещения своих предложений и своей деятельности в средствах массовой информации. Это будет способствовать совершенствованию Кодекса корпоративного поведения и предотвращению новых корпоративных скандалов.

Федерация и дальше будет поощрять благотворительную деятельность корпораций, стремиться к установлению здоровых отношений между деловым миром и политиками, содействовать проведению реформы образования и подготовке персонала.

Трудовые отношения. Федерация будет выражать точку зрения менеджмента на весенних переговорах с профсоюзами, продвигать меры по обеспечению занятости и реформе рынка труда, разрабатывать предложения по адаптации системы кадров и зарплаты к новым условиям, добиваться пересмотра трудового законодательства и соблюдения гарантий безопасности условий труда.

Федерация стремится к оживлению экономики на местах с учетом местных условий, содействуя повышению конкурентоспособности мелких и средних предприятий.

Федерация работает над повышением национального стандарта качества жизни и формирования здоровых отношений между рабочими и менеджерами.

На международной арене федерация представляет японские деловые круги в Международной организации труда (МОТ), Международной организации предпринимателей и Конференции предпринимателей Азиатско-Тихооке-

анского региона. Федерация развивает отношения с предпринимательскими организациями зарубежных стран.

Международная деятельность. Федерация будет содействовать проведению нового раунда переговоров во Всемирной торговой организации, а также добиваться заключения двухсторонних и региональных экономических соглашений (соглашений о свободной торговле), дополняющих ВТО. Федерация примет участие в деятельности Делового и промышленного консультативного комитета в Организации экономического сотрудничества и развития. Федерация будет искать пути улучшения системы официальной помощи развитию в соответствии с потребностями развивающихся стран.

Федерация будет играть важную роль в проведении политического диалога с иностранными предпринимателями и политическими лидерами в Японии и за рубежом путем эффективного использования своих региональных и двусторонних комитетов. Она будет посылать свои делегации на международные конференции, помогать развитию человеческих ресурсов и поддерживать предпринимательство в азиатских странах.

Деятельность на местах. Руководство федерации будет регулярно посещать региональные экономические организации. Для удобства работы с регионами будет сохранено представительство федерации в г. Осака.

В японской прессе высказывается мнение, что благодаря объединению новая организация будет более твердо отстаивать мнение и интересы финансовых кругов, в том числе и в общих, глобальных проблемах, включая экологию, энергетику и др. Подчеркивается, что одной из важнейших задач Ниппон кэйданрэн должен стать поиск способов отойти на "деликатное расстояние от политики (т.е. от правящих партий. — Прим. авт.)"⁷.

С конца 2002 г. федерация, наряду с работой по налаживанию механизма взаимодействия с региональными и отраслевыми организациями, начала обсуждение характера ее будущих отношений с политическими партиями. Руководство организации, в частности, предлагает создать специальный комитет для изучения политики правящих и оппозиционных партий с целью выработки собственного подхода к проблеме предоставления им финансовой поддержки, а также учредить под своей эгидой Политическую лигу экономических организаций, призванную стать органом взаимодействия с политическими партиями, особенно во время избирательных кампаний. Речь идет о формировании механизма рекомендаций предприятиям по вопросу предоставления денежных средств именно тем партиям, которые, по оценке Ниппон кэйданрэн, на практике отстаивают в парламенте и проводят в правительстве политику, выгодную деловым кругам. По существу предпринимается попытка возродить миссию посредника в сборе денег на политическую деятельность, которую до 1993 г. выполняла Кэйданрэн. Отличие состоит лишь в том, что объектом финансовой поддержки на этот раз рассматривается не только Либерально-демократическая партия (ЛДП), предполагается финансирование и других партий.

Этот подход проявился в реакции японских экономических кругов на итоги состоявшихся в ноябре 2003 г. выборов в палату представителей. Результаты выборов, подтвердив доминирующие парламентские позиции правящей ЛДП, одновременно показали упрочение положения в парламенте и рост политического влияния первой среди оппозиции Демократической партии (ДП). Эта партия, в состав депутатского корпуса которой входит значительное число выходцев из ЛДП, недавно пополнила свои ряды за счет присоединения к ней депутатов Либеральной партии (ЛП), то же бывших либерал-демократов. После опубликования результатов голосования председатель Ниппон кэйданрэн Т. Окуда признал, что японский бизнес до сих пор оказывал финансовую поддержку в основном ЛДП, и заявил о намерении в дальнейшем финансировать обе

крупные партии — правящую ЛДП и оппозиционную ДП. Он выразил позитивное отношение к идее формирования в Японии “системы двух крупных партий”, обеспечивающей время от времени “не частую” сменяемость партийной окраски правительства⁶.

Хотя новая организация предпринимателей претендует на отражение мнения всех экономических кругов Японии, руководящие позиции в ней заняли представители крупного бизнеса страны. Первые шаги Ниппон кэйданрэн свидетельствуют о ее твердом намерении усилить воздействие на определение экономической и социальной политики государства, упрочить место и влияние деловых кругов в отношениях с правительством и политическими партиями.

Понятно, что, подобно своим предшественникам, Ниппон кэйданрэн не окажется в стороне и от формирования японской внешней политики, прежде всего ее торгово-экономического направления, будет активным участником переговорного процесса на многостороннем и двухстороннем уровне, в том числе по проблемам японо-российских отношений. Поэтому представляется важным поддержание с этой организацией партнерских связей не только деловых кругов нашей страны, начиная с Российского союза промышленников, но и постоянных контактов с ней по линии российских правительственных ведомств.

Приложение

К жизнедеятельной и привлекательной Японии
(сокращенный текст программного документа Ниппон кэйданрэн,
обнародованного 1 января 2003 г.)

Японская федерация экономических организаций, руководствуясь основополагающими идеями “динамизма и творчества”, рождаемыми в условиях многообразия ценностей, разработала новое видение Японии до 2025 г.

Федерация выступает за реформы, необходимые для возрождения “жизнедеятельной и привлекательной Японии”, народ которой мог бы реально ощутить рост благосостояния в новых формах и в которую гражданам других стран захотелось бы “поехать, посмотреть, попробовать пожить, поработать, вложить свой капитал”. Федерация выработала курс деятельности для осуществления этой цели.

Конкретно, в экономической сфере путем реформ налоговой системы и системы социального обеспечения сформировать самобытную японскую модель экономического роста на основе демократического руководства и самодисциплины, к 2025 г. добиться в среднем ежегодного номинального 3%-го, а реального 2%-го роста экономики. Для этого необходимо: 1) интегрированно управлять экономикой всей страны, доходы от зарубежных инвестиций возвращать в Японию, придерживаться стратегии “сделано в Японии”, опирающейся на передовые достижения технического прогресса; 2) строить “экологическое государство”, использующее японские экологическую технологию и модель ведения бизнеса; 3) создавать для людей условия жизни, соответствующие их потребностям (просторное комфортабельное жилье, функциональные города и т.д.).

В социальной сфере изменить общество, которое до сих пор традиционно группировалось вокруг предприятий, осуществить поворот к стоящей в центре общества самостоятельной личности, имеющей ясные представления о подлинных ценностях и несущей ответственность перед этим обществом. Для этого необходимо: 1) путем повышения качества корпоративного управления и утверждения корпоративной марки оживить работу, повысить интерес к ней,

⁶ Источник: <http://www.keidanren.or.jp/japanese/policy/vision2025.html>

поднять авторитет предприятия; 2) на местах ввести “систему провинций”⁹, которые, став субъектом, сами могут стимулировать необходимую деятельность в направлении процветания; 3) разработать системы, направленные на построение общества, максимально уважающего интересы личности; 4) с позиций плюрализма продвигаться в направлении создания открытого общества, в котором иностранные граждане также смогут проявить свои способности.

В международной сфере, исходя из предпосылок развертывания открытой всему миру активной политики в области внешней торговли, создать совместно со странами Восточной Азии, особенно географически и экономически тесно связанными с Японией, “свободную экономическую зону”, включиться в процесс глобальной конкуренции при сотрудничестве со странами Восточной Азии.

Глава 1. Процветающая экономика

1. Способствовать новому экономическому подъему на основе системы “демократического управления и самодисциплины”

Решительное проведение реформ системы социального обеспечения, структуры бюджета и т.п. на основе выдвинутого федерацией “большого плана”, касающегося налогов, финансовой политики и социального обеспечения, позволит даже при сохранении процесса снижения рождаемости и старения населения обеспечить до 2025 г. 2%-ный среднегодовой экономический рост. Наряду с созданием системы налогообложения, стимулирующей экономическую активность, следует осуществить коренную реформу системы социального обеспечения, являющуюся в настоящее время главным источником беспокойства в обществе. Основными принципами реформирования должны стать: 1) акцент на установление выплат в соответствии с изначальными целями реформируемых систем; 2) справедливое распределение бремени, в том числе за счет активного применения налога на потребление; 3) расширение возможностей выбора для личности.

2. Создать возможности для получения добавочной стоимости в Японии путем интегрированного управления

Интенсивно и творчески развивать технический прогресс в целях обеспечения народа товарами и услугами, удовлетворяющими его потребности. В рамках национальной экономики сформировать механизм интегрированного управления в сфере создания добавочной стоимости. Доходы от прямых капиталовложений за рубежом, поступления от патентования и т.п. направить на развитие самых передовых научно-технических достижений.

3. Продвигать стратегию “сделано в Японии”

Ускорить темпы технического прогресса; максимально увеличить создаваемую Японией добавочную стоимость, используя мировые достижения. Здесь вырисовываются три аспекта: техника, капитал, конкуренция. В техническом аспекте следует усилить сотрудничество промышленных и научных кругов, в том числе провести с этой целью реформу высших учебных заведений, расширить прием иностранных специалистов. С точки зрения получения денежных средств необходимо провести реформу государственных капиталовложений в НИОКР, наладить общественное финансирование проектов деловых и научных кругов. Что касается конкуренции, то требуется создание условий, способствующих развитию промышленной конкуренции в области новых технологий и привлечению внутренних и внешних инвестиций, особенно путем снижения налога на юридические лица.

4. Продвигать стратегию “экологического государства” совместными усилиями индивидуумов, предприятий, администрации

Глобальная конкурентная стратегия Японии ставит политическую задачу осуществить поворот к рециклирующему обществу. Японские предприятия

“должны продвигать на международный уровень свою продукцию, технологии, модель ведения бизнеса, содействуя при этом сохранению природной среды в масштабе всей планеты”.

Фундамент рециклирующего общества — “доверие”. Его неотъемлемые элементы — индивидуумы, позитивно оценивающие составительный характер деятельности предприятия, и формирование административными органами необходимых условий. Одновременно следует внимательно следить за передовыми мировыми технологическими разработками в области использования вторичного сырья, создания новых энергетических систем и т.д.

5. Создать новую модель богатства, исходя из творческой свободы

Жилищные капиталовложения — козырная карта в деле расширения внутреннего спроса. Следует осуществить коренную реформу налогообложения с тем, чтобы направить использование доходов населения на приобретение жилья. Предприятия должны включиться в разработку высококачественного жилья, отвечающего запросам стареющего общества; индивидуальных жилищных проектов т.д. Учитывая различные потребности и пожелания, необходимо проектировать улицы городов и поселков в соответствии с общими ценностями (соседство с природой и т.д.). Следует более широко привлекать частный капитал к городскому строительству в городах, в том числе в провинциях.

Глава 2. Построение общества, поощряющего энергию индивидуумов

1. Многообразие взглядов личности, плюрализм превратить в движущую силу

1) Для возрождения Японии как “жизнедеятельной и привлекательной страны” следует отказаться от прежнего единообразного стиля жизни, концентрирующегося вокруг работы на предприятиях, осуществить поворот к обществу, в центре которого стоит индивидуум с ясными взглядами на ценности, несущий ответственность перед обществом.

2) В таком обществе самостоятельная личность находится в окружении “рынка труда”, “рынка капитала”, “рынка товаров и услуг”, “гражданского общества”, которые всегда открыты и в поле зрения которых находятся также предприятия.

3) Предприятия в этих условиях поднимают качество корпоративного управления и перестраивают сознание высших менеджеров, а также, имея четкие и последовательные взгляды на жизненные ценности, твердо держат марку корпорации.

2. Понимать и ценить идею “служения обществу”

В подобном обществе государство устанавливает рамки “общественного”, не доводя администрирование до мелочной опеки, а самостоятельная личность “служит обществу по своей воле своими способностями”. Это открывает возможности гибко реагировать на многообразные потребности и запросы индивидуумов; радикально пересмотреть роль чиновников и граждан, государства и органов местного самоуправления; сделать регионы субъектами, создающими новое богатство. Следует ввести систему провинций (более крупных единиц самоуправления, нежели нынешние префектуры — прим. автора). Кроме того, личности, осознающие ценность “служения обществу”, стремясь содействовать процветанию местности, в которой они проживают, могут объединяться в соответствующие организации и через форму сотрудничающего рынка повышать на своей территории потенциальный спрос.

3. Требовать достижения “духовного богатства”

Для того, чтобы каждый человек от своего рождения до смерти жил достойно, наполняя жизнь “духовным богатством”, следует создать “общество, в котором к потребностям личности относятся с максимальным уважением”. Не-

обходимо выработать порядок и установить систему, при которых каждый человек всегда будет иметь выбор для реализации своих намерений. А именно: возможность “выбора образования, отвечающего его способностям и характеру”, “выбора работы, подходящей ему самому”, “свободы в ведении домашнего хозяйства и в воспитании детей”, “выбора медицинского обслуживания и образа жизни в престарелом возрасте”.

4. Создать условия для активной деятельности иностранцев

С позиций признания плюрализма открыть японское общество для иностранцев, чтобы они могли в полной мере проявить свои способности в Японии.

Глава 3. Укрепление солидарности Восточной Азии — ответ на вызовы глобальной конкуренции

1. Осуществить по собственной воле “третье открытие страны”

В Восточной Азии уже на практике осуществляется экономическая интеграция. Тем не менее создание системы для дальнейшего развития региональных экономических отношений сильно опаздывает. В этой связи Япония стремится продвигать концепцию “Азиатской свободной экономической зоны”, проявляя большую активность в этом вопросе. От Японии требуется твердая решимость к “третьему открытию страны”, т.е. открытие ее рынка по собственному желанию.

2. Превратить Восточную Азию в надежную гавань

Заключение странами Восточной Азии соглашений о свободной торговле со странами Европы и Америки ухудшает товарооборот каждой из этих стран с соседями по региону. Кроме того, становится невозможным избавиться от существующих недостатков в отношениях между странами Восточной Азии.

3. Реализовать “пять свобод и два вида сотрудничества”

С целью дальнейшего раскрытия возможностей региона внутри свободной экономической зоны Восточной Азии следует обеспечить свободу перемещения товаров, услуг, людей, капитала, информации (пять свобод) и развивать сотрудничество как на региональном, так и на глобальном уровне.

4. Динамично развиваться, исходя из многообразия Восточной Азии

1) Ликвидация барьеров для торговли и развитие инфраструктуры в процессе формирования свободной экономической зоны Восточной Азии должны привести к резкому снижению себестоимости, производимых в регионе товаров и услуг. Станут возможными как создание механизма более устойчивой цепочки торговли, так и повышение производительности и конкурентоспособности региональных предприятий. Далее, будет создан общий рынок для динамичного развития региона с населением в 2,1 млрд. человек и ВВП в 7 трлн. долл.

2) Япония не опасается экономического подъема в странах Восточной Азии; она стремится использовать все возможности для построения отношений подлинного партнерства; динамику спроса и предложения рассматривает как источник для дальнейшего развития двусторонних отношений с партнерами.

5. Решать задачи, направленные на создание свободной экономической зоны Восточной Азии

1) В 13 странах (Японии, КНР, Республике Корея, странах-членах АСЕАН) имеется общее представление о целях и процессе формирования свободной экономической зоны Восточной Азии. Отсюда задача — завершить процесс ее создания не позднее 2020 г. Реальные успехи в этом направлении уже имеются.

2) Япония должна играть лидирующую роль в деле реализации этого проекта и одновременно продвигать идею, связанную со своим “третьим от-

крытием”, а именно: открыть свой внутренний рынок для сельскохозяйственной продукции и сделать свое общество, открытым для иностранцев.

3) В целях максимального использования возможностей свободной экономической зоны Восточной Азии необходимо осуществить реформу менеджмента на предприятиях, проводить правительственную политику, направленную на расширение интеллектуальной базы.

Глава 4. В целях осуществления реформ

1. Быть лидером движения за служение обществу

В интересах построения экономического общества на основе демократического руководства федерация должна выступать лидером и координатором частного сектора, сотрудничая со всеми слоями общества.

2. Установить новые отношения сотрудничества с политическими кругами

Политика и экономика — два колеса повозки, везущей к “жизнедеятельной и привлекательной Японии”. Сохраняя многоаспектные отношения с политическими кругами, федерация строит модель Японии, которая обеспечит ей успех в международной конкурентной борьбе XXI века.

1) Проводить партийную политику на основе политической платформы

Необходимо усилить потенциал политических партий и вместе с тем создать систему руководства страной, при которой премьер-министр в полной мере реализует свое лидерство. Заседания кабинета министров должны выйти за пределы “ведомственных интересов”, кабинет министров должен стать “государственным органом”, действующим в подлинно государственных интересах. Необходимо увеличить число руководящих должностей в министерствах и управлениях, занимаемых политическими деятелями (имеются в виду депутаты парламента от правящих партий — прим. автора), сформировать сильную команду поддержки премьер-министра, активно привлекать в нее предпринимателей и политиков.

2) Федерация должна работать следующим образом

Необходимо более активно выступать с четкими и конкретными предложениями, отражающими мнение местных предпринимательских организаций. Сотрудничая с мозговыми центрами и университетами, выдвигать из их числа деятелей, принимающих живое участие в общественно-политических дискуссиях, и рекомендовать их на министерские и другие высокие правительственные посты в целях участия “политиков-предпринимателей” в процессе принятия политических решений.

Давать оценку политике и результатам деятельности правящих и оппозиционных партий и на этой основе разрабатывать директивы предприятиям и организациям по сбору денежных пожертвований партиям и сотрудничеству с ними. Поддерживать избрание на выборные должности предпринимателей, способных заниматься государственной политикой. Оказывать поддержку на выборах политикам, действующим в согласии с мнением экономических кругов.

-
1. Нихон кэйдзай симбун. 2000. 5 августа.
 2. Иомиури симбун. 2002. 12 января.
 3. Кэйдзай Тренд. 2002. № 7. С. 10—11.
 4. Иомиури симбун. 2002. 29 мая.
 5. Там же.
 6. Там же.
 7. Там же.
 8. Иомиури симбун. 2003. 11 ноября.
 9. Имеется в виду деление страны на более крупные, нежели нынешние префектуры, административные единицы — семь-восемь провинций (сю).

Сингапур — налоговое убежище для европейских банковских вкладов

© 2004

Л. Ходов

Действующее сегодня налогообложение доходов на иностранные банковские депозиты в Европе позволяет собственникам капиталов ценой небольших усилий недоплачивать крупные суммы в бюджеты своих стран. В целях привлечения иностранных вкладчиков ряд государств Европы установил высокий уровень необлагаемого дохода на эти вклады и низкие налоговые ставки на начисляемые проценты. В некоторых странах таких налогов вообще нет. В результате немецкому, французскому или финскому собственнику свободного капитала значительно выгоднее поместить вклад в Австрии, Бельгии и Люксембурге, чем у себя дома. В условиях перехода большинства государств ЕС к единой валюте — евро — перемещение денежных вкладов из страны в страну стало еще легче. Технически это не вызывает никаких трудностей: в ЕС существует свобода перемещения капитала. Однако банковские переводы за границу становятся известны налоговым органам. Если переведенная сумма явно не соответствует обычным потребительским расходам физических лиц за рубежом, то при проверке декларации о доходах может возникнуть вопрос о налогообложении доходов с переведенных сумм. Чтобы избежать налогообложения у себя на родине с суммы процентов, полученных на банковские вклады за рубежом, используются некоторые финансовые технологии, которые обеспечивают недоступность для налоговых органов информации о переводимых за границу денежных средствах. Но проще всего привезти наличные деньги в страну, практикующую льготное налогообложение доходов на банковские вклады или вообще не взимающую налоги с таких доходов.

О важности рассматриваемой темы свидетельствуют данные, приводимые Союзом германских налогоплательщиков. Союз считает, что у немецких граждан за границей на банковских счетах лежит не менее 350 млрд. евро и что налоговые органы ФРГ недополучают в виде налогов на проценты с этих вкладов как минимум 5 млрд. евро. Вклады эти помещены, главным образом, в Австрии, Швейцарии, Бельгии, Люксембурге, так что жители многих районов ФРГ, Франции и Италии могут, так сказать, наведаться в свой зарубежный банк во время обеденного перерыва.

Ущерб от помещения капиталов на банковские вклады за рубежом терпят бюджеты не только ФРГ, но и большинства других стран ЕС. В связи с низкими темпами роста экономики в Западной Европе в настоящее время и необходимости финансировать растущие бюджетные расходы правительства государств еврозоны по инициативе министра финансов ФРГ проведена серия переговоров по вопросам налогообложения иностранных депозитов, в результате которых принято решение о том, что с начала 2004 г. доходы с капитала, в ка-

кой бы из стран ЕС он ни был помещен, будут известны налоговым органам государств, резидентами которых являются вкладчики капитала. Банкам вменяется в обязанность передавать информацию об имеющихся у них вкладах граждан других стран ЕС соответствующим государствам полностью и своевременно.

Всеобщий контроль и налоговое принуждение над депонированным в других странах ЕС капиталом будет достигаться двумя способами:

1. Все страны ЕС обязывают свои банки сообщать информацию о находящихся на счетах капиталах и доходах на них налоговым органам государств объединенной Европы, резидентами которой являются владельцы банковских счетов на их территории. Эти правила распространяются и на традиционные налоговые оазисы с низким или нулевым налогообложением процентных доходов по ценным бумагам, расположенные за пределами континентальной Европы, но входящие в ЕС как заморские территории стран-участниц: Нидерландские Антильские острова, французские департаменты в Карибском море — Мартиника и Гваделупа, Британские острова Мэн, Джерси и Гернси.

Располагая информацией об имеющихся за границей у граждан собственности и доходах, налоговые органы будут принимать меры по их налогообложению.

2. Страны, сильнее других сопротивлявшиеся обязательной передаче информации о вкладах и доходах иностранцев на их территории налоговым органам других государств ЕС, — Австрия, Бельгия и Люксембург — под давлением своих сильных партнеров — Великобритании, ФРГ, Франции и Италии — пошли на компромисс и согласились взимать с процентов и дивидендов на капиталы граждан зарубежных государств-членов ЕС с 1 января 2004 г. налог 15%. С начала 2007 г. он будет повышен до 20, а с 2010 г. — до 35%.¹

Четверть собранных сумм достанется налоговым органам страны размещения иностранного капитала, остальная часть налоговых сборов будет переведена в доходы бюджета родины владельца вклада.

Министры финансов стран ЕС договорились также вести с общих позиций переговоры о распространении такого налогообложения доходов от вкладов граждан ЕС в банки Швейцарии, Лихтенштейна, Андорры, Сан-Марино и Монако.

В печати появилось сообщения, что Швейцария и Лихтенштейн готовы принять модель налогообложения вкладов граждан государств ЕС, но, традиционно сохраняя тайну вкладов. Таким образом, эти страны вероятно, в скором времени согласятся взимать налоги с доходов граждан ЕС по депозитам и передавать основную часть собранных налоговых поступлений на родину владельца капитала, но при этом попытаются сохранить тайну вклада, т.е. не передавать налоговым органам стран ЕС информацию о вкладчиках. Швейцария и Лихтенштейн попытаются сохранить хотя бы остатки своей привлекательности для собственников капитала из стран ЕС, но вековая слава двух альпийских государств как надежных и выгодных мест помещения капитала сильно померкнет и едва ли приток иностранного капитала в эти страны сохранится на прежнем уровне.

Объединенными усилиями правительств стран ЕС оказывается давление и на другие государства — традиционные налоговые убежища. Так, обложение специальным налогом доходов вкладчиков капитала из объединенной Европы на банковские счета или, на выбор, предоставление информации об этих вкладчиках налоговым органам государств ЕС предложено двум государствам, вступающим в 2004 г. в европейское интеграционное объединение — Мальте и Кипру. Мексика добровольно согласилась предоставлять информацию о гражданах ЕС, имеющих вклады в этой стране.

Очевидно, правительства западноевропейских государств намерены нанести окончательный удар по оффшорным операциям в Европе и добились в

этом деле заметных успехов. Однако надеяться на то, что весь накопленный на зарубежных банковских счетах западноевропейский капитал вернется на родину, было бы преждевременно.

Стремление минимизировать налоговые платежи с доходов так же естественно в рыночной экономике, как и стремление к присвоению максимальной прибыли. Закрытие налоговых убежищ в интегрированной Европе еще не означает их повсеместной ликвидации. Остаются десятки оффшорных территорий во всем мире, в первую очередь островные государства в Тихом океане, а также Багамские и Бермудские острова, где с доходов на депонированный капитал налоги не взимаются вообще.

Эксперт по налогам известной консультационной фирмы “Прайс-Вотерхауз” выразил сомнения в перспективности этих территорий как сферы привлечения европейского капитала. Он считает, что “вкладчикам не хватает доверия к этим адресам, ореола стабильности и надежности, которые многие годы были неотъемлемой чертой Швейцарии, Бельгии, Люксембурга и Лихтенштейна”.

Действительно, политическое положение на многих оффшорных территориях нестабильно: на Вануту не утихает конфликт между племенами, один из Бермудских островов пытается отделиться от остальных в связи с недовольством распределения налоговых поступлений. Даже такой классический оффшорный рай, как Гонконг, где по-прежнему нет налогов на проценты и дивиденды с иностранных вложений, заметно потерял притягательную силу для западноевропейского капитала после вхождения этой бывшей британской колонии в 1997 г. в состав КНР.

Банки Швейцарии, стран Бенилюкса, Австрии и некоторых карликовых государств, традиционно принимавшие и обслуживавшие депозиты граждан ЕС, не могут смириться с потерей привычного и прибыльного бизнеса.

Идет настоящая борьба между налоговыми органами государств объединенной Европы, стремящихся вернуть сбежавшие за границу капиталы под свою юрисдикцию или по крайней мере обложить их чувствительными налогами, и банками перечисленных выше стран, не желающими упустить сотни миллиардов евро со своих счетов. В этой борьбе на руках у банков оказался козырной туз под названием Сингапур.

Сингапур превратился в один из банковских центров Юго-Восточной Азии в 60-х годах прошлого века. с тех пор он пережил эволюционный рост числа и капитала отечественных филиалов иностранных банков в связи с экономическим подъемом в самом Сингапуре, соседних Малайзии, Таиланде и Филиппинах, ростом добычи нефти и промышленного производства в регионе.

Но два политических события сыграли особую роль в становлении города-республики как одного из самых крупных и надежных мировых финансовых центров. Первое из них — присоединение Гонконга к Китаю. Часть капиталов гонконгских физических лиц и компаний была переведена заблаговременно в сингапурские банки. В значительно меньших масштабах такое перемещение капитала имеет место в связи с включением Макао в состав КНР.

Второе событие — это бегство капиталов и предпринимателей из Индонезии как следствие погромов этнических китайцев — хуацяо — в 1998 г. Тогда приток капитала в Сингапур составил около 60 млрд. долл.² Сингапур оказался островом надежности в Юго-Восточной Азии. К нему прониклись доверием нефтедобывающие монархии Персидского залива и Бруней, зарубежная китайская буржуазия и западноевропейские банки.

Существенными аргументами в пользу надежности Сингапура как места помещения свободного иностранного капитала являются политическая устойчивость и экономическая стабильность страны. В рекламе банка “Креди Сюис” говорится, что банковская тайна в Сингапуре сохраняется лучше, чем

в Швейцарии; она может быть нарушена только в связи с расследованиями по подозрению в участии в наркобизнесе. Затраты на обслуживание банковских вкладов в Сингапуре низкие. С процентов по депозитам, получаемых иностранцами, налоги не взимаются.

В начале 2003 г. в Сингапуре действовали 57 отделений и филиалов европейских банков. Банки Швейцарии, Люксембурга и Лихтенштейна — традиционные партнеры заинтересованных в экономии на налогах собственников капитала из ФРГ, Франции, Великобритании и Италии — подчеркивают, что вклады по-прежнему принимают они, и они же несут за них ответственность, переводя их на счета своим аффилированным компаниям в Сингапуре.³

Из всего сказанного следует два вывода:

1. Наверняка не все европейские вкладчики согласятся перевести свои вклады из недавних налоговых оазисов под отечественную налоговую юрисдикцию или оставить деньги на старых счетах и в недалеком будущем платить с процентов по ним 35% налога. Поэтому перемещение части капитала из бывших налоговых укрытий в еще функционирующие, включая одно из самых надежных — в Сингапур — все равно состоится.

2. Часть капитала с льготных счетов останется в Западной Европе и будет искать более выгодного помещения, чтобы компенсировать увеличение налогов, что может вызвать изменение структуры спроса на финансовых рынках: увеличение затрат на страхование жизни, вложений в жилищное строительство, в некоторые льготные энергосберегающие и экологические программы.

Изменения налогообложения доходов на банковские вклады в государствах ЕС может иметь отношение и к российскому капиталу, нелегально вывезенному в страны с льготным или нулевым налогообложением процентов. России следовало бы попытаться присоединиться к рассмотренному выше соглашению стран объединенной Европы, взяв на себя соответствующие встречные обязательства, чтобы таким образом обеспечить возврат в нашу страну хотя бы части вывезенных банковских депозитов или получение части налога на проценты по вкладам.

1. Wirtschaltswuche. 2003. No. 7.

2. The Oriental Economist. 2003. No. 5.

3. Business Times. 23 April 2003.

Борьба с опустыниванием и оскудением мира животных в Китае

© 2004

Е. Бирюлин

Процесс опустынивания на нашей планете является одной из самых труднопреодолимых угроз, стоящих перед человечеством. В конце XIX в. и первой половине XX в. проблеме изучения пустынь уделялось довольно много внимания. Затем эта работа начала угасать, хотя 17 июня 1994 г. Генассамблея ООН приняла Конвенцию по борьбе с опустыниванием, подчеркнув, что, если площади пустынь планеты достигнут определенной доли земной поверхности, существование высших видов растений, животных и человека станет невозможным.

Кроме того, все более распространяемые с Запада противоестественные и бездуховные установки на постоянное увеличение потребления натуральных благ и энергоресурсов, а также упорно внедряемые стереотипы аморального социального поведения, по эмпирической оценке ученых уже через 50-65 лет приведут к вымиранию и полному исчезновению 52% ныне существующих крупных биологических видов. Хотя в числе первых значится *Homo sapiens*, но, опираясь на свою технологическую мощь, вытесняя и уничтожая другие виды, человечество имеет солидный шанс остаться в "благоприятной" меньшей части. Загвоздка, однако, заключается в том, насколько такое существование будет терпимым, ведь многие неизлечимые заболевания средневековой Европы были связаны в основном с массовыми преследованиями по религиозным мотивам всего лишь одного скромного существа — обыкновенной кошки. Нелишне вспомнить и печально знаменитую "воробьию" кампанию в Китае начала пятидесятых годов и поголовное истребление в США всей популяции странствующего голубя, в результате чего на человека перешло коварное и малопонятное для рядовых медиков заболевание — птиккоз и многое другое.

Особенно опасно возникновение "новомодных" смертельных вирусных заболеваний в пустынных районах, где почти отсутствуют биологические враги грызунов, пресмыкающихся, насекомых, клещей, паукообразных, прыгающих и летающих кровососов и других главных распространителей инфекций.

Большая часть всей территории Китая подвержена разным видам деградации и эрозии почв. Этим бедствием охвачено 1794 тыс. кв. км, то есть 18,6% территории страны. Рост эрозируемых территорий по сравнению с началом 50-х годов оценивается в 264 тыс. кв. км., убыль плодородия пашни — 40-50 млн. т, а в целом всех грунтов — в десятки раз больше.¹

Летом 2003 г. небывалая засуха поразила многие районы Китая, погубив 16 млн. га посевов, на которых хозяйствовали 10 млн. человек, при этом резко понизился уровень Янцзы и других рек. И все же это еще не опустыни-

Бирюлин Евгений Васильевич, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН.

вание в строгом научном значении такого важного термина и тем более не расширение территорий классических пустынь.

В частности, поэтому, как и по многим другим причинам, Китай традиционно неоправданно не относился к числу стран с высокой степенью опустынивания. Это связано, возможно, с тем, что научный термин "пустыня" так до сих пор и не обозначен. К сожалению, по устоявшимся определениям, пустыни входят в зону степей. Хотя, действительно, резкой границы между степью, полупустыней и пустыней установить невозможно, тем не менее это не оправдывает явную терминологическую недоработку и затрудняет эффективный анализ экологических аспектов опустынивания. Тем не менее, как уже отмечалось выше, важность проблемы настолько велика, что настала пора учитывать все феномены деградации, включая даже территории, заболочиваемые солеными водами.

В результате в настоящее время процессу опустынивания в широком смысле этого слова, включающем все (вплоть до влажного засоления) виды снижения плодородия почв, подвержено не менее 1/3 территории КНР, то есть около 3 млн. кв. км, что равно территории Западной Европы.

Процесс перешел границы страны и стал распространяться по азиатскому континенту. В последние годы пыльные бури с севера Китая стали атаковать дальневосточные районы России, причинять существенный вред населению и экономике Японии и даже достигать западного тихоокеанского побережья США. По мнению специалистов, неблагоприятное влияние центральноазиатских пустынь на российский участок Приамурья будет быстро возрастать.

Болезненные для природы явления из Китая распространяются не только в восточном направлении. Проблемы такого характера проявились в Казахстане, почвенно-климатический стереотип которого в значительной мере определяется обстановкой в Синьцзяне. В этой части Китая на фоне быстрого роста населения (с 4 млн. чел. в начале 50-х годов до 19 млн. чел. к настоящему времени) площадь опустыненных земель увеличивается на более чем 400 кв. км ежегодно и заняла половину территории этого автономного района.²

Оскудение водных источников, распашка горных склонов и степных пастбищ вызвали распространение эрозии почвы, заиливание рек, каналов и различных водоемов. Неправильные методы орошения послужили причиной засоления земель к северу от р. Хуайхэ, особенно на Северо-Китайской равнине. В северо-западных районах сведение древесной растительности и неумеренный выпас скота способствовали образованию песков, наступающих на сельскохозяйственные угодья и населенные пункты. Направление производственной деятельности не соответствовало условиям этих районов. Это, в свою очередь, привело к учащению стихийных бедствий. Китай страдает также от накопления избыточной влаги в почве, подъема грунтовых вод, заболочивания и биологической деградации поверхностного слоя, также приводящих к снижению почвенного плодородия.

Нарушения экологического баланса обусловлены нерациональным использованием земель, неправильным размещением различных отраслей сельского хозяйства, продовольственных и технических культур. Сейчас почти 87% всех обрабатываемых земель в Китае занимают высокостебельные и реже среднестебельные зерновые, а также высокоурожайные клубнеплодные растения — арахис, картофель, батат и т.п., а это вызывает глубокое истощение земель. Многих иностранцев поражает видимое отсутствие гуматов в китайских почвах. Содержание органических веществ в почвах по всей стране не превышает в среднем 1%, в 59% пахотных земель отмечается недостаток фосфора, в 23% — калия, 12% подвержены затвердению.³

Проведение курса "зерно — основа" нарушило соотношения между зерновыми и техническими культурами и пропорции между земледелием и

лесным хозяйством, животноводством, рыбоводством. В течение десятилетий уничтожались леса, территории, пригодные только под пастбища, превращались в интенсивно обрабатываемые рисовые поля, обваловывались озера. Распашка пастбищ вызвала потерю плодородия земель и наступление песков.

Главной причиной опустынивания земель является состояние степей. Площадь степных угодий в Китае равна 400 млн га (40% территории страны), это 15% всех степей планеты, второе место в мире после Австралии. В настоящее время почти все площади степей подвержены деградации, более одной трети — опустыниванию, потенциальное опустынивание развивается практически на половине всех степных территорий, а засоление — на значительной части. В результате площади степей с каждым годом сокращаются, уменьшается количество степных растений, сильна водная эрозия, снижается способность к сохранению влаги.

Большая часть степей расположена в западной части Северо-Восточного Китая, на севере и северо-западе провинции Сычуань и в Тибетском автономном районе. Их опустынивание оказывает непосредственное влияние на состояние верховий рек Хуанхэ и Янцзы. Биологическая эффективность степей КНР низка, все показатели ниже среднемировых, даже хуже, чем во многих развивающихся странах, то есть правильнее было бы называть большую часть китайских степей полупустынями. Чрезмерный выпас скота из-за слепой погони за ростом поголовья приносит большой вред степям. До последнего времени не было никакого правового и административного механизма, обеспечивающего равномерность распределения выпаса как на более ценных, но незначительных по территории, так и обедненных, но обширных пастбищах. В результате скотоводы концентрировали свои стада на наиболее продуктивных угодьях, что приводило к их быстрой деградации. И сейчас, даже после принятия ряда строгих мер, воспрепятствовать такому явлению очень непросто, поскольку сама суть отгонного скотоводства как раз и заключается в передвижении стада на наиболее ценное на данный момент пастбище. В конце концов на больших площадях произошло изменение флористического состава: в травостое сократилось общее и видовое количество кормовых трав, заметно увеличилось обилие несъедобных и ядовитых растений, снизился объем зеленой массы. Улучшить биологический баланс, установившийся на самом низком уровне, теперь чрезвычайно трудно.

Набирающие обороты процессы глобализации крайне негативно сказываются на состоянии неустойчивых к опустыниванию регионов земного шара и возможностях поддержания нормального биобаланса и естественного разнообразия животного и растительного мира. На первый взгляд, казалось бы, Китай достаточно далек от этих процессов, а по существу это совсем не так. Возьмем хотя бы ситуацию с генетически модифицированными сортами растений, беспардонно проталкиваемыми и навязываемыми Соединенными Штатами другим странам. Китай неожиданно оказался едва ли не мировым лидером их культивирования и применения.

Модный термин “глобализация” по сути дела подразумевает тотальную американизацию современного мира. При этом не скрывается, что такая экспансия в иные формы цивилизации лишь в редких случаях будет (если будет вообще) нести гуманное начало, но, как правило, (во имя торжества “свободы и демократии” по-американски) — все-таки деструкцию, социальный стресс и моральное разложение.

Такая псевдоглобализация возникала в истории уже не раз. Правда, следует признать, что самые тяжкие и масштабные угрозы и беды сообществу народов приходили из Восточной Азии, поскольку перемежались с экологическими катастрофами. Вторжения чумных крыс из пустынь Монголии и Северного Китая так усугубили последствия набегов гуннов, хазар, монголо-татар, турок-сельджуков, что народы Европы оказались на грани исчезновения, а затем и вплоть до наших

дней мир является заложником распространения из Восточной Азии опасных вирусных и иных болезней, ящура (особенно в Казахстане), азиатских форм гриппа.

С экологической, биологической и гигиенической точек зрения опасны также вырубка и уничтожение пескозакрепляющих растений в скотоводческих районах. Такие действия являются одной из причин образования пустынь. Во Внутренней Монголии, Синьцзян-Уйгурском, Нинся-Хуэйском и других автономных районах ежегодно большие группы людей хищнически добывают растительное сырье для производства лекарств. Большой ущерб степям Китая наносят грызуны. В засушливых скотоводческих районах они часто способствуют распространению пустынных участков в степях, а также вспышкам разнообразных эпизоотий и эпидемий.

В настоящее время правительство КНР пытается форсировать претворение в жизнь Всекитайского плана степного защитного экологического и природоохранного строительства и реализацию проекта по прекращению выпаса скота на оскудевших пастбищах, однако реальная практическая отдача от таких мер может осуществиться только в долгосрочной перспективе. Запланировано, что в ближайшие пять лет проект будет осуществляться в западной части Автономного района Внутренняя Монголия, провинции Ганьсу и Нинся-Хуэйском автономном районе, северной части Синьцзян-Уйгурского автономного района и восточной части Цинхай-Тибетского нагорья.

Одним из возможных направлений противодействия деградации всех видов засушливых земель является переход от естественных к территориям с техногенным компонентом, обеспечивающим прокорм и жизнеобеспечение скота. Китай прилагает усилия в этом направлении, но пока из-за недостатка финансовых средств и производственной базы удалось сделать только первые шаги. Кроме того, такая агротехника пока что дает хорошие результаты только в странах, которым не грозит перенаселенность (Австралия, США и др.), поскольку достигнутое таким методом увеличение продуктивности в десятки раз, естественно, не является приятным образом сказывается на общем состоянии среды обитания человека.

Одновременно практикуется превращение обширных участков степей в заповедники. В этой сфере Китай добился значительных успехов, общее число охраняемых природных территорий всех типов, включая заказники, превысило тысячу, значительная их часть расположена в зонах степей, горных степных и луговых полос, пустынь и полупустынь. В последние годы в них накоплен значительный резерв засухоустойчивых растений и их семян, который позволяет ввести их в оборот такого рода флоры на некоторых оскудевших территориях.

В начале 80-х годов стала очевидной необходимость принятия экстренных административных и законодательных мер для сохранения почв на степных массивах. Принимаемые в течение ряда лет разрозненные аппаратные меры не смогли радикальным образом переломить тенденцию. В июне 1985г. в экстренном порядке был разработан и принят Закон КНР о степях, где экологические требования преобладают над хозяйственными (запрещение нанесения вреда растительному покрову, строгая ответственность за нарушение плодородия почвы, контроль за интенсивностью выпаса и даже запрет на дальнейшее освоение ранее необработанных земель). Важным достижением документа явилось расширение понятия степей, в частности указано на применения его установлений на луговых территориях и в горных лугах, подтвержден приоритет государственной собственности на степные ресурсы над коллективной, введен режим их особого использования в чрезвычайных обстоятельствах, создана обеспеченная правовым инструментарием система противопожарной безопасности в степных районах.⁴

Серьезным недостатком этого закона явилось несовершенство системы административно-правовой ответственности за нарушение его требований и отсутствие рыночных механизмов, и в декабре 2002 г. он был пересмотрен.

Количество статей документа увеличено более чем в три раза, в девяти главах (вместо ранее принятого, не структурированного по разделам варианта) рассмотрены и законодательно решены основные проблемы освоения, использования и охраны степных территорий, повышена их значимость в общей политике землепользования, разработаны принципы и механизмы планирования, четко определена правовая принадлежность этого, весьма специфического, вида земельных ресурсов, строго определена направленность хозяйственного применения, включая и разного рода строительные работы, а также формы и методы защиты от эрозии, оскудения и деградации, и, что особенно важно, был введен постоянный контроль за их состоянием. Ужесточены и принципиальным образом изменены формы правовой ответственности за нарушения закона в сфере степных ресурсов — достигнуто эффективное расширение пенитенциарного поля в сторону перехода от уголовно-административных к уголовно-экономическим санкциям.

Важнейшим звеном, необходимым для устойчивого состояния пахотных земель и недопущения опустынивания, является состояние лесов, которые в КНР расположены неравномерно и обладают низкой эффективностью. В настоящее время китайское правительство придает особое значение экологическому строительству в лесном хозяйстве. Осуществляется одна из самых крупномасштабных лесохозяйственных программ, согласно которой в предстоящие 5-10 лет Китай сосредоточит усилия на реализации шести больших проектов. Президент Китайской академии лесохозяйственных наук Цзян Цзэхуэй на симпозиуме "Всемирного фонда охраны окружающей среды и защиты экологии в Китае" заявила, что их реализация позволит предотвратить истощение почв⁵.

Объем ассигнований на нужды лесонасаждений в 2002 г. составил 4 млрд. долл., что на 90% больше показателя 2001 г. Развиваются также общественные лесопосадки, и в 2002 г. высажено 2,3 млрд. деревьев. С 20 января 2003 г. вступили в силу принятые в 2002 г. Госсоветом КНР Положения о восстановлении лесного покрова. В результате площадь пахотных земель в 2002 г. сократилась на 1,32% по сравнению с 2001 г., а площади под зерновыми культурами — на 2%. Одновременно площадь лесов возросла на 7,47 млн. га, из них — 5,4 млн. га за счет бывших пахотных земель. За последние 5 лет вырубка леса в стране ежегодно сокращается на 19,9 млн. кубометров.

Китайское руководство неоднократно предпринимало усилия для противодействия опустыниванию. В 1953 г. Госсовет КНР утвердил Правила землепользования, предусматривавшие строгие формы ответственности за деятельность, способствующую опустыниванию земель; в 1981 г. — экстренный циркуляр по поводу быстро распространившегося нецелевого использования земель, в 1982 г. — два специальных положения по тем же вопросам. В 1986 г. был принят Закон об управлении землей, где вопросам противодействия опустыниванию отводилось важное место, в 1991 г. Госсовет утвердил Правила применения Закона об управлении землей. В мае 1997 г. было принято совместное постановление ЦК КПК и Госсовета о защите пахотных земель.

В начале 80-х годов стала очевидной необходимость принятия новых специфических экстренных мер для сохранения почв от иссушения, поэтому уже в июне 1982 г. Госсовет КНР принял разработанное ускоренными темпами Положение о работах по сохранению влаги в почве. С введением в действие этого документа были значительно расширены функции организаций, занимающихся сохранением влаги в почве. Кроме практической деятельности агротехнического характера к ним отнесены и такие направления, как обнародование и пояснение государственных установлений и требований, организационно-массовая, просветительская, контрольно-измерительная, научно-исследовательская и образовательная работа, связанная с задачей противодействия иссушению и сохранению влаги в почве. Особенная ответственность определяется и возлагается на аппарат управления ре-

чными бассейнами. Высокие требования предъявляются к заинтересованным инстанциям в горах, на территориях с крутыми склонами.⁶

Установлены конкретные ограничения в отношении территорий с неблагоприятными экологическими и ландшафтными условиями, в частности для участков со склонами более 25°, с засолением или с постоянными сильными ветрами, запрещается рубка деревьев на лесистых территориях, обеспечивающих сохранение влаги в почве.

Вводится требование отказа от устаревших способов обработки земель, приводящих к иссушению почв. Подробно перечислены широко распространенные в засушливых районах Китая примитивные земледельческие приемы, наносящие вред почве и растительному покрову, использование которых строго запрещается. Повышен уровень юридической ответственности за правонарушения, ведущие к потере влаги и иссушению почвенного покрова.

Проблема опустынивания включена в общее земельное законодательство. Постоянным комитетом ВСНП и Госсоветом 29 апреля 1998 г. был принят Проект закона об управлении землей (на основе Закона об управлении землей, принятом в 1986 г), а с небольшими исправлениями и дополнениями он был утвержден 31 августа 1998 г. и в настоящее время является фундаментом земельного права КНР. Документ подробно рассмотрен в работе Л.А. Волковой⁷.

Значительным шагом вперед в борьбе с опустыниванием явилось принятие 31 августа 2001 г. на 23-м заседании ПК ВСНП 9-го созыва Закона о противодействии и контроле над опустыниванием.

Документ значительно усиливает плановые начала работы по предотвращению опустынивания. Министерство лесного хозяйства в координации с другими заинтересованными ведомствами призвано формировать государственный план по предотвращению и контролю над опустыниванием.

В законе приоритет отдается единому комплексному плану использования сельскохозяйственных угодий, в подчиненную позицию попадают строительные и дорожные планы. Все виды земель включаются в систему ответственности за охрану растительного покрова.⁸

Важным нововведением является то, что на используемых степных территориях должна осуществляться система контроля над численностью поголовья скота, пасущегося на степной площади. Скотоводческие и иные крестьянские компетентные административные органы несут ответственность за выработку показателей определенной численности поголовья скота, а также за организацию практических мероприятий, установление ответственности. Местные правительства не имеют права распахать земли по окраинам опустыненных площадей, в лесистых территориях и в степях, но обязаны проводить восстановление лесов и иной привычной для данных условий почвосберегающей флоры. Для скотоводов и крестьян, живущих в этих районах, местные правительства при необходимости призваны организовывать переезды, перемещения и расселение в плановом порядке.

Во всех районах, где имеются опустыненные земли, повышается роль различных административных инстанций, наделенных, в частности, правом оказывать поощрения и взыскания. Наибольшая ответственность возлагается на компетентное административное ведомство лесного хозяйства (Минлесхоз), работающее под руководством Государственного совета КНР. Все плодотворные научные исследования по предотвращению и контролю над опустыниванием поощряются государством.

Аналогичным образом решается не менее сложная задача организационного преодоления ведомственной разобщенности в деятельности по предотвращению опустынивания. Министерство лесного хозяйства имеет полномочия на организацию контроля за работами других заинтересованных компетентных

административных ведомств. Задача выявления фактов опустынивания возлагается на местные лесохозяйственные и другие органы, их устранения — на народные правительства.

Не обойдена актуальнейшая для Китая проблема противодействия побочным явлениям опустынивания — устранения и уменьшения последствий стихийных бедствий, связанных с пыльными бурями. Ужесточаются запреты на рубки деревьев и кустарников, за исключением обновляющих рубок леса, проводимых в целях улучшения роста молодняка. При этом крайне ценно то, что такие ограничения увязываются с ужесточением лимитов на водопотребление.

Поднята проблема аренды на засушливых землях. Общеизвестно, что временные пользователи земель осуществляют особо интенсивную, порою просто разрушительную для почвы деятельность. Правопользователи и арендаторы на деградированных пахотных, лесных и степных угодьях, а также в степях с обедненным почвенным покровом ограничиваются в своих правах и могут потерять права на аренду.

Местные правительства должны предоставлять организациям и отдельным гражданам денежные субсидии, займы, налоговые льготы и иную финансовую поддержку для борьбы с опустыниванием. Организации и отдельные граждане, вкладывающие средства в противоопустынивание, освобождаются от налогов на размеры и уровень инвестиций; возможно освобождение или смягчение налогообложения и на последующую получаемую прибыль. Все виды деятельности по противодействию и контролю над опустыниванием, которые связаны с правами пользования, могут учитываться на протяжении до семидесяти лет.

Практическая реализация таких строгих мер, безусловно, должна принести заметные положительные результаты. В Китае планируется в основном решить проблему опустынивания уже к 2010 г. Главные надежды возлагаются на реализацию проектов защитных лесонасаждений по всему северу Китая и блокирования источников пыльных бурь в районах Пекина и Тяньцзиня. По утверждению начальника Канцелярии по борьбе с опустыниванием Минлесхоза Лю То на эти два проекта ассигновано 10 млрд. юаней, и они радикально улучшат ситуацию на 85% пустынь КНР.⁹

Тревожно то, что параллельно с примитивным опустыниванием и процессом глобального опустынивания неизбежно возникает куда более сложное и трудноразрешимое явление — оскудение многообразия живой природы и распад биобаланса. Фактически это то же самое опустынивание, только неявное, зато, как показала эпидемия SARS, едва ли не гораздо более угрожающее потенциалу выживания человека. Начальник отдела по вопросам законодательства комиссии по охране окружающей среды и природных ресурсов ВСНП Сунь Юйхай недавно без обиняков заявил, что вопреки тому, что планировалось на истекшие 10-15 лет, количество видов и численность популяций диких животных неуклонно и резко сокращаются. Некоторые виды, в том числе и такие как большая панда, золотоволосая обезьяна и китайский тигр, имеющие общемировое значение, находятся на грани полного исчезновения, а некоторые из них подвергаются почти открытому безжалостному истреблению.¹⁰

Кроме внутреннего аспекта этой проблемы в последние годы стала вырисовываться и внешняя — Китай становится все более активным, если не сказать агрессивным, потребителем мировых биоресурсов, и сворачивать это направление в перспективе он отнюдь не собирается.

Проблема стала настолько острой, что оказалась предметом специального рассмотрения социально-экономических исследовательских групп ООН. В частности, Клаус Топфер, руководитель “экологической программы ООН”, специализированного исследовательского центра, изучающего самые тревожные вопросы в сфере экологии, заявил, что через два десятилетия Китай может поставить под уг-

розу мировую ресурсную базу, прежде всего биологическую. Так, казалось бы, достаточно скромная задача — довести потребление яиц до 200 штук на человека в год означает увеличение поголовья кур до фантастической цифры — почти в полтора миллиарда, на прокорм которых не хватит всего зернового урожая Австралии. Практическая реализация давнего естественного стремления китайцев потреблять на душу столько же рыбы, сколько является нормой у японцев, означает, что Китай может потратить весь мировой улов.

Явления оскудения видового разнообразия наиболее очевидны и особенно тревожны в бассейне Янцзы. Исторически еще сравнительно недавно верхняя треть ее течения шла в сплошных влажных субтропических лесах с богатыми флорой и фауной, теперь уже нет ни сплошных лесов, ни фауны, ни флоры, преобладает окультуренный пейзаж с достаточно бедным с ботанической точки зрения видовым содержанием. Кстати, при неформальном подходе именно Янцзы, в бассейне которой проживает 270 млн. человек и сосредоточена треть промышленного потенциала КНР, а не Амазонку следовало бы считать величайшей рекой мира.

Теперь можно без преувеличения сказать, что эта важнейшая для существования китайской нации водная река болеет. Мало того, что ее режим стал нестабильным, разрушается тонкий механизм биологического равновесия, на глазах скудеют водные живые ресурсы. Принято много законодательных и административных актов для противодействия этому, но реального результата нет. Самым ценным биологическим видом в Янцзы является китайский осетр. Он почти в 10 раз крупнее нашего волжского осетра, весит примерно 500 кг, дает не менее ценную икру. Гидротехнические сооружения на Янцзы чрезвычайно затруднили воспроизводство этой “биологической жемчужины” Китая, а супергигантская и непроработанная с точки зрения сохранения окружающей среды плотина ГЭС Санься означала его конец. Естественный нерест осетра прекратился.

Вместо естественного воспроизводства организовано искусственное, и прежде всего в специально созданном Институте китайского осетра в г. Ичане. Однако перспективы этой чрезвычайно кропотливой и дорогостоящей работы не ясны, поскольку существует особенность сохранения жизнеспособности этой рыбы — реликта третичной эпохи. В природе более 95% ее мальков поедает хищная рыба тун, зато те, которые остаются, обладают повышенной жизнеспособностью. При искусственном воспроизводстве выживают и слабейшие, что скорее всего приведет к вырождению вида.

Между тем, согласно Закону об охране диких животных, принятому 8 ноября 1988 г., в котором экологические цели поставлены в основу основ, без всяких оговорок в отношении хозяйственных задач и впервые законодательно выдвинута задача сохранения экологического равновесия. Такая проблема вообще не могла возникнуть, поскольку согласно установлениям Закона ресурсы поголовья диких животных относятся к государственному достоянию. Строго регламентированы обязанности государства, народных правительств всех уровней, организаций, отдельных ответственных лиц и всех граждан КНР в отношении сохранения этого достояния, общегосударственную работу по контролю обитателей на суше и в воде видов диких животных возглавляют соответственно административные компетентные ведомства лесного хозяйства и рыбного хозяйства Госсовета. Главной причиной гибели в Китае диких животных являются не отвечающие современным экологическим и техническим требованиям методы строительства, прежде всего гидротехнического, и поэтому проблема сохранения популяций во время строительства новых объектов была выделена в особую, чрезвычайно строгую статью, согласно которой осуществление любых строительных проектов, угрожающих популяциям особо охраняемых животных должно останавливаться.

На государственном уровне был утвержден перечень видов особо охраняемых государством диких животных. Среди особо охраняемых диких животных выделяются редкие, ценные и находящиеся под угрозой исчезновения, при этом они дополнительно делятся на охраняемых диких животных первой категории и охраняемых диких животных второй категории. Отлов или уничтожение в любой форме, в том числе и в результате строительства или любой хозяйственной деятельности особо охраняемых государством видов диких животных запрещены, равно как и охота на них. Китайский осетр, как и весь отряд осетровых, включающий два семейства и много видов, входит, естественно, в первую категорию особо охраняемых диких животных, но, как оказалось, за фактическое уничтожение важнейшего вида никто не ответил.

Такая же загадка с виверровыми. Они входят в основном во вторую категорию особо охраняемых государством диких животных, а один из видов — бинтуронг — в первую. Их купля-продажа строго запрещена. Именно виверровые являются единственным носителем вируса SARS. Тем не менее они превратились в едва ли не главный деликатес на мясном столе, что чуть не привело к мировой повальной пандемии. Поэтому в 2003 г. многие, в том числе и законодательные инстанции, были мобилизованы для исправления ситуации. Была поставлена задача до конца 2002 г. в ударном порядке разработать и принять новую редакцию Закона об охране диких животных.

Борьба с опустыниванием, практические меры по сбережению и улучшению земельных ресурсов, сохранение видового биологического богатства и разнообразия, поддержание экологического баланса в Китае — общегосударственная задача, которая может быть успешно решена только при непосредственном и активном участии всех административных, законодательных, исполнительных органов, общественных объединений и всего населения КНР в целом. Ход и итоги этой деятельности представляют существенный интерес для государственных и деловых кругов России.

1. Нунье хуаньцзин гуанли гайлунь [Обзор контроля за окружающей средой в сельском хозяйстве]. Тяньцзинь, 1991 С. 154, 172-175.(Оценки площадей опустыненных земель в Китае, однако, разниться в очень высокой степени. — *Примеч. авт.*).
2. Синьхуа. Урумчи. 2003. 26 марта.
3. Ван Синьлин и др. Кэчисюй фачжан гайлунь [Обзор концепции "Устойчивого развития"] Цзилин, 2000. С. 137.
4. Жэньминь жибао. 1985. 19 июня.
5. Китайский информационный Интернет-центр (КИИЦ, по материалам Агентства Синьхуа) 2003. 18 июня; 2003. 23 июня.
6. Хуаньцзин баохуфа цзяочэн [Учебник природоохранного законодательства]. Пекин, 1989. С. 268-279.
7. Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 3.
8. Чжунхуа Жэньминь Гунхэго Гоюань Гунбао. 2001. № 30. С. 12-17.
9. Китайский Интернет-центр (КИИЦ, по материалам Агентства Синьхуа). 2003. 18 июня..
10. Там же. 2003. 23 июня.

Обновленный Закон КНР об авторском праве

© 2004

Е. Пащенко

Становление и развитие авторского права в КНР связано с особенностями политической и экономической истории этого государства.

Примечательно, что до 1980 года авторского права как составной части института интеллектуальной собственности в стране фактически не существовало: оно считалось наследием прошлого. Присоединение КНР в 1980 году к Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) означало, что Китай сделал первый шаг в направлении подключения к международной системе охраны авторских прав.

Впервые понятие авторского права в китайском законодательстве появилось в 1986 году в результате принятия Общих положений гражданского права (ОПГП), которые явились весьма сокращенным вариантом разрабатывавшегося, но так и не вступившего до сих пор в действие Гражданского кодекса КНР. Статья 94 этого законодательного акта гласила: "Авторское (издательское) право, которым обладают граждане и юридические лица, согласно закону включает право на имя, на выпуск произведения в свет, на получение вознаграждения и другие права"¹.

Первый Закон об авторском праве был принят в Китае в сентябре 1990 года. В мае следующего года было принято также Положение о порядке применения этого Закона. Таким образом появилось относительно развитое регулирование отношений в данной сфере. В 1992 году КНР присоединилась к Всемирной (Женевской) конвенции об авторском праве 1952 года (пересмотрена в Париже в 1971 году) и Бернской конвенции 1886 года об охране литературных и художественных произведений (в редакции 1971 г.). Это стало важным шагом на пути решения проблемы участия КНР в международной системе охраны авторских прав и одновременно соответствовало общему направлению реформы экономической системы государства, начатой с конца 70-х годов.

Закон КНР об авторском праве действовал до октября 2000 года, когда Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) девятого созыва принял его новую редакцию². Обновление Закона стало достаточно радикальным. Он увеличился в объеме до 60 статей против прежних 56. В 42 статьи были внесены изменения или дополнения. Изменения, внесенные в Закон, сделали его более "рыночным", детализированным, более понятным по содержанию и легче воспринимаемым. Главная цель обновленного Закона состоит в усилении защиты авторских прав, что достигается с помо-

щью более четкой и полной их классификации и относительно подробного регулирования порядка заключения и исполнения различных авторских договоров и т.д.

Закрепленная в Законе и, что немаловажно, более расширенная регламентация видов, способов, форм защиты авторских прав направлена также на борьбу с так называемым "пиратством" в сфере авторских правоотношений, которое широко распространено в Китае. Рынок книжной продукции, аудио- и видеопроизведений переполнен нелегальными товарами. Возникшие за годы реформы многочисленные частные издательства, фирмы звукозаписи, видеозалы в своей деятельности очень часто идут на нарушения прав как отечественных, так и зарубежных авторов. Меры, принимаемые китайскими властями для борьбы с подобными явлениями, насколько можно судить, ощутимых результатов не принесли. Причинами в данном случае являются стремление получить легкий доход, торгуя или используя контрафактные экземпляры, низкий уровень правосознания населения и неосведомленность авторов о своих правах и способах их защиты.

Структура и содержание Закона указывают на то, что им регулируются две большие группы самостоятельных правоотношений. Первую из них составляют отношения, возникающие в связи с созданием и использованием произведений науки, литературы, искусства, то есть, составляющие предмет регулирования авторского права в его традиционном смысле. Вторую группу образуют отношения, связанные с исполнением произведений, созданием фонограмм, видеозаписей, организацией вещания и т.д. Таким образом, речь идет о так называемых смежных правах, которые не являются "чисто" авторскими, но тесно с ними связаны (в тексте Закона эти права именуются "связанными" с авторскими правами).

Статьи Закона сгруппированы в пять глав. Он открывается "Общими положениями", указывающими на предмет регулирования и примерный перечень произведений. В них также охарактеризовано соотношение норм Закона с положениями международных договоров, в которых участвует или не участвует КНР. Глава вторая под названием "Авторское право" раскрывает понятия правообладателей, их правомочий, устанавливает сроки охраны авторских прав, случаи их ограничения. Глава третья — "Договоры, разрешающие использование и передачу авторских прав" — содержит общие нормы в отношении авторских договоров, их условиях и т.д. Глава четвертая, именуемая "Издание, исполнение, аудио- и видеозапись, трансляция", посвящена договорам, опосредующим возникновение и использование смежных прав. Глава пятая — "Юридическая ответственность и меры по соблюдению законодательства" — посвящена защите авторских и смежных прав. Завершается Закон главой шестой, именуемой "Дополнительные установления". В ней содержится ряд уточнений относительно способов юридической защиты программ для ЭВМ, сроков охраны авторских прав, не истекших к моменту введения в действие 1 июня 1991г. обновленного Закона и т.д.

Характеризуя основные положения Закона КНР об авторском праве, следует отметить, что главная цель его, как гласит статья 1: охрана прав авторов произведений, "распространение произведений, полезных для строительства социалистической духовной и материальной цивилизации". Упоминание о полезности, как представляется, являет собой некую "дань" политизированности правотворчества в Китае (что нередко можно увидеть на примере и других нормативных актов), но не означает, что авторским правом не охраняются произведения, художественные качества которых не высоки. Требований к произведениям с точки зрения их назначения и достоинства Закон не содержит.

Обновленный Закон (как и первая его редакция) не дает правового понятия произведения как объекта авторских прав (это не удивительно, поскольку

ку мировой опыт показывает невозможность этого), но содержит те признаки, которым должно отвечать произведение, чтобы считаться таковым. Исходя из статьи 3 Закона, признаками произведения являются его творческий характер и объективная форма выражения, то есть форма, позволяющая восприятие произведения другими лицами. Произведение — продукт человеческого интеллектуального творчества. Поэтому среди возможных произведений называются произведения литературы, искусства, естественных и общественных наук, инженерно-технического творчества, архитектуры и т.д.

Программное обеспечение для ЭВМ также является объектом авторского права, но согласно статье 58, способы его охраны “устанавливаются Государственным Советом в отдельном порядке”.

Примечательно, что также отдельно Госсоветом устанавливаются способы охраны прав на фольклорные произведения. Подобное установление, однако, отнюдь не бесспорно, поскольку авторство на них вряд ли может быть четко установлено, ибо автором подобных произведений является народ.

С возможностью воспроизведения конкретного произведения тесно связана его объективная форма. Но китайский Закон не исходит из того, что произведение должно быть закреплено на каком-либо материальном носителе. Так, согласно пункту 9 статьи 10, автор произведения наделен правом его публичного исполнения. То есть, если автор в присутствии публики спел сочиненную им песню, не записанную на бумаге или пленке, это будет означать, что объективная форма воспроизведения соблюдена.

Как известно, авторское право охраняет форму произведения, но не его содержание. Поэтому в Законе ничего не говорится об охране идей, методов, процессов, способов, принципов, открытий, фактов.

Из области правовой охраны исключены различного рода официальные документы (законы, положения, решения и указания государственных органов, акты административного характера, судебные решения), а также их переводы на иностранные языки. К числу неохранных произведений также отнесены информация о текущих новостях, календари, числовые таблицы, общеупотребительные бланки и формулы (ст.5). Авторы подобных произведений могут быть известны, но их права не пользуются охраной, поскольку подобные объекты авторского творчества должны использоваться широко, без каких либо ограничений.

Еще одной категорией охраняемых Законом произведений являются те, авторские права на которые принадлежат юридическим лицам, а также “иным организациям” (ст.11), и так называемые “служебные произведения”. Это две разные категории произведений. Вопрос о правовом режиме тех и других будет рассмотрен ниже, а пока отметим, что сомнений относительно прав авторов, граждан, юридических лиц, которым автор уступил свои права (например, издательство имеет ряд правомочий на выпущенную им литературу согласно договору, заключенному с автором), не возникает. Но что такое “иные организации”? По смыслу статьи, это не юридические лица, то есть не субъекты гражданского права, и по логике вещей они не обладают право- и дееспособностью. Почему же они отнесены к числу правообладателей?

Одной из главных целей Закона, как отмечалось, является усиление охраны прав авторов прежде всего в связи с коммерческим использованием произведений. Поэтому по сравнению с первым вариантом обновленного Закона (ст.10) содержит более четкий и развернутый перечень личных и имущественных прав (или правомочий) авторов. Следует отметить, что авторское право состоит из ряда правомочий, которые очень взаимосвязаны, и выделить из них права неимущественного или имущественного характера порой весьма трудно. Новеллой Закона, направленной на усиление защиты интересов авторов, стало положение о том, что “авторам совместно с обладателями отдельных авторских прав может быть предоставлено право образовывать коллективные орга-

низации" в целях управления авторскими правами и их защиты. Эти организации в качестве стороны, представляющей авторские права, могут от своего имени возбуждать иски в судах, арбитражах. Однако вопрос о том, будет ли подобная деятельность данных организаций носить коммерческий или некоммерческий характер, прямо в Законе не решен. Предусматривается "отдельный порядок" решения Госсоветом этого и иных вопросов их функционирования (ст.8).

К личным правам (точнее — личным неимущественным, то есть принадлежащим только автору, но не имеющим денежной оценки) Закон относит право авторства, право на выпуск произведения в свет, право на имя, право на внесение изменений в произведение, право публичного исполнения (показа), право на защиту целостности произведения, право на воспроизведение произведения. Что касается прав имущественного характера, то Закон относит к их числу право сдавать свое произведение в прокат, исполнять его по радио, телевидению, передавать для трансляции в новостных программах, перерабатывать его, переводить произведение, создавать сборники из своих произведений и произведений других лиц (разумеется, с их согласия), создавать фильмы на основе произведения и т.д. О праве доступа к произведению (например, для создания авторской копии картины) не говорится. Используя произведение тем или иным способом, автор получает вознаграждение. В Законе подчеркивается, что личные права не передаются, тогда как права имущественного характера могут быть передаваемы. Упоминается также о "прочих правах" имущественного характера.

Таким образом, среди субъектов авторского права Закон в первую очередь называет граждан-авторов произведений. К числу последних относятся соавторы. Главным условием возникновения соавторства является создание произведения в результате сотрудничества двух и более лиц. Закон фактически исходит из того, что произведение, созданное в результате соавторства, может быть единым коллективным произведением (то есть, когда оно образует неразрывное целое) и таким, когда возможно раздельное использование частей произведения. В последнем случае за каждым автором может признаваться самостоятельное авторское право на соответствующую часть произведения (ст.13).

Примером могут служить аудиовизуальные произведения (под ними Закон имеет в виду произведения кинематографии, а также произведения, "созданные способами, сходными с кинематографией"). Авторское право на подобные произведения принадлежит производителям; иные лица, внесшие вклад в создание таких произведений (режиссер, оператор, либреттист, композитор и т.д.) пользуются правами на имя и получение вознаграждения в соответствии с договором, заключенным с производителем. Если допустимо отдельное использование составных произведений, вошедших в аудиовизуальное произведение, то их авторы вправе "самостоятельно использовать свои авторские права" (ст.15).

Носителями авторских прав могут также быть наследники автора, юридические лица, принимающие на себя авторские права ликвидируемых, реорганизуемых юридических лиц. При отсутствии правопреемства между юридическими лицами в подобных случаях авторские права переходят к государству (ст.19, ч.2).

Носителями авторских прав могут также выступать граждане, осуществившие переработку, перевод произведения, создавшие комментарий к нему, осуществившие систематизацию, интерпретацию существующих произведений (ст.13).

Субъектами авторского права признаются также иностранцы, лица без гражданства, если их произведения впервые были опубликованы в Китае. Если же произведения были созданы за рубежом, то Закон охраняет права авторов в соответствии с международными соглашениями, в которых участвует Китай и другие государства. Охрана прав распространяется и на произведения, впервые опубликованные в государствах, с которыми у КНР нет соответствующих

международных договоров, при условии их первой публикации в государствах, участвующих вместе с Китаем в международных договорах (ст.2).

Обладателем авторских правомочий может быть заказчик произведения, его правомочия должны определяться договором с исполнителем. Если договор не был заключен, авторские права принадлежат заказчику. Однако договором между заказчиком и исполнителем может быть установлено иное распределение авторских прав (ст.17). Оговаривается, что переход права собственности на оригинал произведения изобразительного искусства не рассматривается как переход авторского права на произведение, но автор лишается права демонстрировать произведение. Это право переходит к собственнику (ст.18).

В отдельную категорию субъектов авторского права выделяются юридические лица, "прочие организации", обладающие авторскими правами согласно настоящему Закону (п.2 ст.9).

Что касается граждан, юридических лиц, которым автор передает (уступает) свои авторские права (правомочия) имущественного характера, то, как отмечалось, вопросов здесь не возникает. Однако некоторые формулировки Закона, как нам кажется, не дают однозначно правильного представления об авторских правах юридических лиц.

Так, статья 11 Закона гласит: "Если произведение создано под руководством юридического лица либо иной организации, выражает их волю, а также если юридическое лицо либо иная организация несут ответственность за произведение, они рассматриваются в качестве авторов. В случае отсутствия доказательств противоположного, автором считается гражданин, юридическое лицо либо иная организация, чье имя (наименование) указано на произведении". Формулировка этой статьи весьма неопределенна. Формально получается, что юридическое лицо, "иная организация" могут быть авторами в непосредственном значении данного понятия, то есть обладать первоначальным авторским правом, а не производным, которое перешло к ним от автора. Однако юридическое лицо по своей природе не может быть субъектом первоначального авторского права, поскольку создание произведения — это процесс творческой деятельности, которая является уделом людей. Какие авторские права могут в подобном случае принадлежать юридическому лицу? Косвенно этот вопрос можно выяснить на основании статьи 21 Закона, речь в которой идет о сроках охраны авторских прав, а не о распределении авторских правомочий. Как бы мимоходом в этой статье упоминается о том, что за исключением права автора на имя, остальные права — право на обнародование произведения, права имущественного характера, перечисленные в статье 10 Закона, сохраняются за юридическим лицом и охраняются в течение соответствующего срока. Не ясно, однако, кто наделяется правом на внесение изменений в произведение, правом на защиту его целостности.

Думается, что делать более подробные выводы по поводу того, какие права сохраняются за автором, а какие переходят к юридическому лицу, на данном этапе нецелесообразно. Следует полагать, что рано или поздно в Китае будет принято положение о порядке применения обновленного Закона, в котором появится толкование подобной нормы.

Подчеркнем еще раз, что речь в статье 11 не идет о так называемых "служебных произведениях", режим которых закреплен в других статьях. Эти вопросы, в частности, урегулированы в общих чертах в статье 16. Понятие "служебные произведения" Закон не раскрывает, относя к их числу "произведения, созданные гражданами при исполнении своих служебных обязанностей перед юридическими лицами и иными организациями".

Подобное положение представляется принципиальным, поскольку законодательство многих стран признает обладателем авторского права на произведение работодателя, по заказу которого оно создано.

Таким образом, судя по содержанию статьи, произведение считается служебным, во-первых, если оно непосредственно связано с трудовыми (служебными) обязанностями автора и, во-вторых, если автор создает именно произведение, а не какую-нибудь разработку без оформления ее результата в виде произведения. Факт использования автором материалов организации, ее материально-технической базы, согласно общему правилу, не связывается с признанием произведения служебным.

Режим служебных произведений сводится к следующему.

Во-первых, юридическое лицо либо иная организация обладают преимущественным правом использовать произведение в границах сферы своей деятельности. Во-вторых, автор в течение двух лет после завершения произведения не должен без согласия организации разрешать третьим лицам использовать произведение способами, сходными с теми, которыми пользуется организация.

Отсюда следует, что по крайней мере основные авторские правомочия сохраняются за автором, а организация, с которой автор связан трудовыми отношениями, не может без его согласия обнародовать произведение, вносить в него изменения и т.п. Возникает вопрос: вправе ли автор самостоятельно решать вопрос о готовности произведения до его обнародования? По логике вещей, если автор откажется это сделать, то его поведение может быть расценено как нарушение служебных обязанностей. Таким образом, вопрос не ясен. Видимо ответ на него даст судебная практика.

В-третьих, режим служебного произведения, характеризуется и тем, что Закон не запрещает его использование автором, если организация не пользуется своим "преимущественным" правом его применения, а также тем, что автор может выдавать разрешение третьим лицам использовать произведение иными (нежели применяющимися организацией) способами с момента его создания.

Следовательно, за автором служебного произведения с учетом указанных оговорок сохраняются определенные права на его использование.

Более жестко конструируется режим служебных произведений, которые могут представлять собой значительную ценность. Под ними в части 2 статьи 16 имеются в виду проектно-строительная, производственная документация, географические карты, программное обеспечение для ЭВМ и т.д. В случае, если эти произведения созданы, главным образом, с использованием материально-технических условий, обеспеченных юридическими лицами, иными организациями и за эти произведения организации несут ответственность, автор пользуется только правом на имя, все остальные правомочия закрепляются за организацией.

Выделяется и такая группа служебных произведений, авторское право на которые в силу законодательства, административных установлений либо в соответствии с договором целиком принадлежит юридическим лицам, иным организациям. Какие именно произведения имеются в виду, не поясняется. Видимо под эту категорию попадают произведения, составляющие государственную или военную тайну.

Говоря об общем правовом режиме служебных произведений, нельзя не отметить, что такому важному инструменту его регулирования, как договору между автором и работодателем, никакой роли не отводится, хотя именно договор является "гибким" и удобным способом решения различных вопросов, касающихся порядка использования служебного произведения.

В вопросе о сроках охраны авторских прав Закон следует общемировой практике. Статья 20 гласит, что срок охраны прав авторов на имя, на внесение изменений в произведение, его целостность (то есть личных прав неимущественного характера) не ограничен. Однако ничего не говорится о том, кто вправе заниматься охраной этих прав после смерти автора.

Что касается имущественных прав авторов, то устанавливается, что авторское право действует в течение всей жизни автора и 50 лет после его смерти. Охрана прав прекращается 31 декабря 50-го года после смерти автора. Если речь идет о произведении, созданном в результате соавторства, то охрана прав на него прекращается 31 декабря 50-го года после смерти последнего автора. Однако о сроках охраны частей коллективного произведения, которые имеют самостоятельное значение и могут использоваться отдельно, в Законе не говорится. Закон не содержит также механизмов регулирования тех случаев, когда произведение обнародовано анонимно или под псевдонимом. Общее правило о 50-ти летнем сроке охраны здесь применить невозможно.

Те же сроки охраны установлены и в отношении произведений юридических лиц, иных организаций, а также служебных произведений с момента их выпуска в свет. Исключение составляет случай, когда произведение не было выпущено в свет в течение 50 лет после его создания: тогда охрана не обеспечивается.

Поскольку первый Закон КНР об авторском праве вступил в силу с 1 июня 1991 г. (обновленный Закон действует с той же даты) и закреплял тот же срок охраны авторских прав, особого решения вопроса о действии авторских прав, срок охраны которых истек, не потребовалось. Статья 59 устанавливает, что права охраняются, если ко дню введения в действие Закона они не истекли.

Глава 3 Закона, посвященная договорам, разрешающим использование и передачу авторских прав, не отличается содержательностью регулирования, хотя речь в ней идет о двух типах авторских договоров: договорах о передаче произведения для использования и об авторских лицензионных договорах. В теории юриспруденции первые, как известно, допускают приобретение определенных авторских прав (порой в исключительном порядке), и их обладатели могут возместить свои расходы по воспроизведению и распространению произведений. Вторые разрешают использовать произведение тем или иным способом (перевод на другой язык, переделка из одной формы в другую).

Но и в том, и в другом случае речь идет об использовании произведения. Поэтому рассматривать природу авторского договора, разделив его на две разновидности, довольно сложно. Например, в отечественной юридической науке вопрос о принципиальных отличиях этих договоров однозначного решения не нашел³. Содержание этих договоров, устанавливаемое Законом КНР, весьма сходно. И в том, и в другом случае стороны должны условиться о видах и характере (монопольном или нет) передаваемых (используемых) прав, о территории, на которой они будут использоваться, о цене (вознаграждении) за передачу, об ответственности за нарушение договора и т.д. (ст.26). Китайский законодатель пошел на подобное разграничение, видимо, потому что КНР присоединилась к Всемирной конвенции об авторском праве 1952 г., в которой закрепляется деление авторских договоров на две упомянутые разновидности⁴.

Что касается размера вознаграждения при предоставлении разрешения на использование произведения, то статья 27 Закона отдает решение этого вопроса на усмотрение сторон с оговоркой о том, что в противном случае оно выплачивается в соответствии "с установлениями компетентного ведомства Госсовета, занимающегося вопросами авторского права, совместно с заинтересованными ведомствами".

Таким образом, китайский Закон, согласно общему правилу, допускает использование произведений другими лицами с согласия авторов, иных правообладателей, правопреемников. Однако в интересах общества, в частности в целях обеспечения доступа к знаниям, информации о текущих событиях и удовлетворения личных потребностей граждан, права авторов в ряде случаев ограничиваются, то есть допускается так называемое свободное использование произведений без согласия правообладателя и выплаты ему вознаграждения.

Такого рода изъятия действуют в законодательствах различных зарубежных стран и допускаются основными международными конвенциями по авторскому праву.

Установленные Законом случаи ограничения авторских прав носят исчерпывающий характер, то есть не подлежат ни расширительному толкованию, ни дополнению иными подзаконными нормативными актами. Перечень изъятий достаточно велик, однако по степени их можно объединить в несколько групп.

Во-первых, речь идет об ограничении прав для использования произведений в целях свободного распространения информации. Разрешается повторение либо цитирование выпущенных средствами массовой информации произведений при сообщении новостей, информации о текущих событиях. Однако перепечатка либо распространение иными способами статей новостного характера по вопросам политики, экономики, культуры допускается при ясно выраженном согласии автора, также как и публикация, трансляция выпущенных в свет выступлений на массовых собраниях (пп.3-5 ст.22). Разрешается использование произведений, расположенных в местах, открытых для свободного посещения (копирование, рисование, фотографирование, видеозапись произведений искусства на выставках, в музеях и т.д.) (п.10 ст.22).

Во-вторых, свободное использование произведений допускается в целях образования и самообразования, научных исследований, преподавания (в последних двух случаях разрешается перевод либо воспроизведение произведений ограниченным тиражом, но не их издание как таковое) (п.п. 1 и 6 ст.22). Особо оговаривается возможность свободного использования произведений, выпущенных гражданами КНР на китайском языке, для их перевода на языки национальных меньшинств, для издания литературы для слепых (п.п.11-12 ст.22). При составлении учебников для школ допускается включение в них без разрешения авторов (при условии отсутствия их ясно выраженного несогласия) отрывков из обнародованных письменных, музыкальных произведений, изображений произведений искусства, фотографических произведений. Однако подобное использование произведений также обуславливается выплатой авторского вознаграждения (ст.23).

В-третьих, допускается свободное использование произведений в некоммерческих целях (воспроизведение изданий библиотеками, музеями, архивами в целях их экспонирования или сохранения (п.8 ст.22), а также в личных целях (для развлечения), для ознакомления с произведением, его оценки. В последнем случае, если результат будет предан гласности, необходима ссылка на выпущенное в свет произведение (пункты 1,2 ст.22). Некоммерческим признается также "бесплатное исполнение выпущенных в свет произведений при условии, что оно не направлено на получение платы и выплаты вознаграждения исполнителю" (п.9 ст.22).

Глава 4 Закона выделяется содержательностью, поскольку посвящена регулированию правоотношений, возникающих в области издания печатной продукции, исполнения, создания аудио- и видеозаписей, трансляции произведений по радио и телевидению, то есть в сфере "потребления" результатов интеллектуальной деятельности. В данном случае решающая роль отводится именно договору. Часть 1 статьи 24 Закона гласит: "Использование произведения другими лицами за исключением случаев, когда настоящий Закон допускает его использование без согласия правообладателя, должно опосредоваться заключением договора с автором произведения, разрешающим использование".

Что касается издательской деятельности, то Закон, будучи нацеленным на регламентацию отношений между автором и издателем, не раскрывает понятия "книга" и "периодика".

Автор и издатель — две стороны договора, но автор — "слабая" сторона, следовательно его интересы подлежат защите. На первом месте в качестве

средства такой защиты выступает договор, который позволяет сторонам конструировать свои отношения с учетом интересов друг друга. Издатель обязан заключить с правообладателем договор, в котором предусматривается выплата автору вознаграждения. Если иное не установлено договором, то издатель пользуется исключительным правом на издание произведения. Обе стороны должны соблюдать сроки, обусловленные в договоре (срок передачи рукописи, издания), иначе наступает гражданско-правовая ответственность. Издатель отвечает также за качество издания. Если книгоиздатель выпускает дополнительный тираж, переиздает книгу, то предварительно обязан уведомить автора и затем выплатить ему вознаграждение (ст.31). Право издателя книжной или газетной продукции вносить изменения в произведение, сокращать его, может быть реализовано с согласия автора(ст.33).

Отдельные правила действуют в случае сотрудничества автора с периодическими изданиями. Интересы автора защищаются прежде всего во временном отношении.

Если автор статьи, направленной в газету, в течение 15 дней не получает от ее редакции уведомления о публикации, он может направить ту же рукопись в другую газету. Если речь идет об издании произведения в журнале, то срок увеличивается вдвое. Данные правила действуют, если стороны не условились иначе. Правообладатель вправе запретить перепечатку произведения полностью либо частично. Публикация произведения в иной форме (извлечение, материал) также допускается с разрешения правообладателя (ст.32).

Коммерциализация издательского дела касается и прав издателей в том аспекте, что издательские планы могут быть запрещены для использования другими лицами в течение 10 лет (ст.35).

Главными условиями при исполнении произведения являются: а) получение разрешения исполнителем (артистом, исполнительским коллективом) от правообладателя (в этом качестве могут выступать не только автор как таковой, но и лицо, осуществившее переработку, систематизацию, перевод первоначального произведения); б) выплата правообладателю вознаграждения. Исполнитель также вправе охранять образ произведения от искажения, разрешать другим лицам прямую трансляцию или ретрансляцию с места исполнения за вознаграждение. Правило о получении разрешения и вознаграждении исполнителя действует и при осуществлении аудио- или видеозаписи исполнения (ст. 36,37).

Примерно те же правила действуют и при создании аудиовизуальных произведений. Если аудиовизуальное произведение создается без использования ранее обнародованных произведений, то необходимо заключить договор с исполнителем и выплатить ему вознаграждение (ст.40). Если же используются существующие произведения, то надлежит получить разрешение правообладателей и выплатить вознаграждение им. Что касается использования легальных музыкальных произведений для создания аудиозаписи, то получение разрешения от правообладателей не требуется (если от них не последовало прямого запрещения), но выплата вознаграждения обязательна (ст.39). Сходным образом регламентируется трансляция по радио и телевидению. Если транслируется не выпущенное в свет произведение, то необходимо разрешение правообладателя и выплата ему вознаграждения. Если транслируется произведение, выпущенное в свет, то надлежит выплатить вознаграждение правообладателю (ст.42-43).

В главе 5 обновленного Закона КНР об авторском праве содержится более широкий, чем прежде, перечень нарушений таких прав, а также набор средств их правовой защиты. К нарушению авторских прав относятся выпуск произведения в свет или использование его тем или иным способом (издание, прокат, трансляция, перевод, аудио- и видеозапись, изменение произведения и т.д.) без разрешения правообладателя, нарушение одним из соавторов прав другого,

искажение, изменение произведения другого лица, плагиат, невыплата вознаграждения и прочее (ч.3 ст.47).

Закон исходит из того, что главной формой защиты авторских прав является обращение в суд (ст.49). При этом допускается ходатайство о мерах по обеспечению до возбуждения иска. Споры могут быть урегулированы в арбитражном (третейском) суде при наличии письменного соглашения сторон (ст.54).

Главным принципом гражданско-правовой ответственности, как известно, выступает возмещение нарушителем причиненного потерпевшей стороне реального ущерба, включая расходы последней, понесенные с целью пресечения противоправных действий. Из этого исходит и китайский Закон. Однако в некоторых случаях рассчитать реальный ущерб трудно (заранее неизвестно, какой доход получил бы автор от публикации или исполнения произведения). Поэтому введено правило, согласно которому в подобном случае возмещение может соответствовать незаконным доходам нарушителя. Если и данное правило невозможно использовать по тем или иным причинам, то суд может обязать нарушителя выплатить штраф в размере до 50 тыс. юаней (ст.48).

Закон устанавливает административную и уголовную ответственность за нарушение авторских прав. Применение административных санкций связывается не только с нарушением авторских прав, но и причинением вреда общественным интересам. Меры административной ответственности заключаются в уплате штрафа, конфискации противозаконных доходов, конфискации либо уничтожении контрафактных экземпляров. С учетом отягчающих обстоятельств допускается конфискация используемых основных материалов и оборудования. Примечательно, что по смыслу Закона эти меры могут применяться "административным органом, занимающимся вопросами авторского права", без санкции суда (ч.1 ст.47). Неясно однако, необходима ли в подобном случае жалоба потерпевшего в такой орган?

Что касается уголовной ответственности, то она подлежит установлению в соответствии с Уголовным кодексом КНР. Кодекс (ст.217) исходит из того, что подобного рода ответственность (лишение свободы на срок до трех лет, арест, крупный штраф) возникает при причинении автору (правообладателю) крупного ущерба при копировании и распространении разного рода произведений без разрешения правообладателя, незаконном издании книжной продукции, изготовлении и сбыте произведений изящных искусств с поддельной подписью и т.д.⁵

Обновление Закона КНР об авторском праве является еще одним доказательством создания в Китае современной правовой системы, соответствующей общему курсу проводимых страной экономических реформ.

1. Пашенко Е.Г. Гражданское законодательство КНР: Международный центр финансово-экономического развития. Москва, 1997. С.36.
2. См.: Чжунхуа жэньминь гунхэго гоуюань гунбао [Вестник Госсовета КНР]. Пекин, 2001. № 33. С.10-16.
3. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. Изд. 2-е: Проспект. Москва, 2000. С. 259-262.
4. Текст Конвенции// Международное частное право. Сборник документов. Сост. Бекашев К.А., Ходаков А.Г.: БЕК. Москва, 1997. С.532-538.
5. Ахметшин Х.М., Ахметшин Н.Х., Петухов А.А. Современное уголовное законодательство КНР: Муравей. Москва, 2000. С.330-331.

Образование

Некоторые черты системы образования в Республике Корея

© 2004

В. Пак

В течение последних четырех десятилетий Республика Корея развивалась достаточно успешно за счет дешевой рабочей силы, но сегодня, когда обостряется конкуренция со стороны таких стран как Китай с его значительным экономическим потенциалом и возможностью производить более дешевую продукцию и огромными трудовыми ресурсами, для РК остро встает вопрос о смещении акцентов с трудоемкого на наукоемкое производство.

На пороге новой эры, основанной на новых технологиях, Южная Корея находится на стадии перехода из индустриального в информационное общество. Отходит на задний план материало- и капиталоемкая промышленность, на смену ей приходит индустрия, базирующаяся на суперсовременных наукоемких технологиях, возникают новые отрасли, которые оттесняют традиционные сектора производства и требуют высокопрофессиональных специалистов. В результате в РК возникла необходимость неотложного решения проблемы подготовки квалифицированных кадров, которые определяют роль человеческого фактора в экономике страны. Несмотря на то, что более 90% населения Южной Кореи имеет высшее образование, а на развитие НИОКР инвестируются огромные средства, проблема нехватки профессиональных трудовых ресурсов стоит очень остро. Причину этой странности необходимо, как нам кажется, искать в сложившейся и во многом специфичной системе образования РК.

Процесс становления и развития системы образования в стране можно разделить на 5 этапов:

1 этап. Внедрение демократической системы образования под влиянием американских военных властей, создавших специальный Совет по корейскому образованию.

2 этап. Период демократического национального образования, длящийся до конца Корейской войны в 1953 г. В этот период 31 декабря 1949 г. принимается Закон об образовании, в котором декларируются следующие основные его цели: воспитание знаний и привычек, необходимых для воспитания сильного тела и непреклонного духа; развитие патриотического духа для сохранения и развития национальной независимости и борьбы за мир; осознание национального наследия и развитие национальной культуры; поощрение творческой активности и научного обмена мыслей; развитие любви к свободе и воспитание чувства ответственности для

участия в общественной жизни; развитие эстетического чувства для эффективного использования свободного времени; стимулирование прилежания в труде для активного участия в экономической жизни. Были положены основы по разработке текстов учебников, системы переквалификации учителей для внушения им демократических идей, развитию начального образования для искоренения неграмотности, созданию высших учебных заведений и колледжей. В это же время была внедрена четырехступенчатая система обучения, рассчитанная на 16 лет (6 лет в начальной школе, 3 года — в средней, 3 года — в высшей и 4 года в университете), и подтверждена автономия учебных учреждений.

3 этап. Дальнейшее усиление демократического образования под давлением западной демократической мысли, снижение уровня антикоммунизма, активное внедрение американских консультантов и технологий, активная международная помощь и демократические подвижки в администрировании школьных дел.

4 этап. Основные цели образования в этот период четко указаны в Декрете о национальном образовании от 1968 г. и сформулированы так: восстановление престижа нации и оживление блестящего духа корейских предков; позиция самоопределения, направленная на то, чтобы развивать творческие способности, дух предприимчивости и движение вперед; создание нового образа корейского народа — дух сотрудничества, эффективно работающий на национальное развитие; идеологическая позиция, заключающаяся в борьбе с коммунизмом и подготовке к безусловному воссоединению страны.

Данный период также может быть охарактеризован как период “количественного роста”. На этом этапе все дети школьного возраста были включены в систему начального образования, а количество учащихся средних школ увеличилось в 3 раза. Были проведены следующие мероприятия по количественному росту:

- внедрение системы свободного поступления в средние школы;
- внедрение политики равенства в системе поступления в вузы;
- увеличение количества колледжей и университетов в провинциях;
- создание заочной системы образования¹.

5 этап. Научное образование. Упор на него начался во время правления Ро Тхэ У, когда необходимость особенно сильной идеологической индоктринации начала отходить на второй план².

Результаты предпринятых мероприятий не заставили себя ждать, и в Южной Корее была практически полностью ликвидирована безграмотность, по всей стране стала создаваться сеть профессиональных и технических училищ, и таким образом подготовка трудовых кадров была поставлена на солидную основу. Если в 1953 г. в стране насчитывалось всего лишь 3935 начальных школ с шестилетним сроком обучения (2342 тыс. учащихся), 621 неполных средних школ с трехгодичным сроком обучения (324 тыс. учащихся) и 398 трехгодичных полных средних школ (160 тыс. учащихся), из которых 215 были общеобразовательными (87 тыс. учащихся) и 183 — с профессиональным уклоном (73 тыс. учащихся), то в 1966 г. уже 74,6% населения старше 6 лет получили начальное образование, 22,2% — полное и неполное среднее и 3,2% — высшее образование³.

В дальнейшем процесс пошел еще быстрее и можно даже сказать, что в стране сложился особый культ образования. Как нам кажется, такой культ берет свое начало с давних времен. Корейское общество, следовавшее во всех сферах жизнедеятельности конфуцианскому учению, глубоко почитало такую добродетель как образованность. Хотелось бы привести одно высказывание Конфуция по данному поводу: “ Дома младшие почтительны к родителям, а на стороне послушны старшим, осторожны и правдивы, полны любви ко всем, но близки с теми, в ком есть человечность. Если при этом остаются силы, то стремятся обрести **ученость**”⁴. Одним из основных постулатов “сыновней почтительности”, получившей широкое распространение в Южной Корее является обеспечение собственной карьеры как

необходимое условие проявления заботы о родителях. Под карьерой же понимается умственная работа, желательна в государственных сферах или в сфере образования, ибо физический труд в соответствии с конфуцианскими принципами является недостойным видом деятельности. Данное высказывание подтверждается исследованием, проведенным в 2002 г. Министерством образования. Результаты исследования показали, что каждый четвертый из 10 корейских студентов после окончания университета хотел бы работать в государственных органах. А по виду деятельности 18,45% студентов предпочитают работу в сфере образования, такую как преподавательская⁵.

На протяжении тысячелетий чиновничий аппарат Южной Кореи комплектовался через систему сдачи государственных экзаменов на должность. Чтобы сдать такой экзамен, надо было приложить немало усилий, однако успех гарантировал высокую должность, приличный доход и всеобщее уважение. Как отмечает С.В.Волков, система образования в странах Востока, в том числе и в Корее, возглавлялась Государственным Университетом, именовавшимся в разных государствах и разных эпохах по разному, но имевшим одинаковую сущность и одинаковую конечную цель: подготовку кадров к государственной службе, что в свою очередь означало подготовку к различным экзаменам, которые имели широкое распространение. Следующим регулярным звеном были государственные школы в административных единицах разных уровней. Наконец, практически не отличались от государственных школ общего характера школы частные, поскольку имели абсолютно ту же цель и ориентировались на тот же уровень знаний⁶. Количество желающих сдать экзамен на должность было очень большим, ибо государственная служба воспринималась как самый престижный вид деятельности.

Сегодня же для того, чтобы получить хорошую работу, нужно обязательно окончить престижный университет, и во многом поэтому уровень населения РК, имеющего высшее образование по сравнению с другими странами достаточно высок. Таблица 1 показывает, что 92% молодежи страны (в возрасте от 25 до 34 лет) имеют высшее образование, а в таких странах как США, Германия, Франция и Великобритания этот показатель ниже. Но зато уровень населения старшего поколения РК (от 55 до 64 лет), имеющего высшее образование, низок, всего 27%, по сравнению с 57%, 80%, 76%, 41% и 53% в Японии, США, Германии, Франции и Великобритании соответственно.

Таблица 1.

Уровень образования по странам (в%)

Уровень образования	Возрастной состав	Южная Корея	Япония	США	Германия	Франция	Великобритания
Высшее	25-34	92	93	88	88	75	63
	35-44	70	91	88	87	63	62
	45-54	45	77	87	84	56	58
	55-64	27	57	80	76	41	53
Среднее	25-34	34	45	36	22	30	26
	35-44	23	40	36	26	20	25
	45-54	12	23	37	25	18	23
	55-64	8	13	27	19	11	17

Источник: Kim Joo-Hoon. Human resources development for the information era // Korea Journal 2002 mar.-apr. Vol.10. № 2. P.111.

Рассмотрим некоторые аспекты системы образования в Южной Корее. Если подвергнуть анализу образовательный процесс в школах, то необходимо отметить следующие положения:

- существенным на наш взгляд является тот факт, что для того, чтобы все выпускники школ имели равные шансы при поступлении в высшие учебные заведения, преподавательский состав примерно одинаков во всех школах. Это достигается путем ротации, в соответствии с которой учителя государственных школ не могут все время работать в одной и той же школе, а периодически переводятся с места на место⁷. Данная система “уравниловки”, на наш взгляд, отрицательно сказывается на образовательном процессе.

- В корейской образовательной системе, как и в российской, существует жесткая учебная программа. К этому можно относиться двояко: с одной стороны, отрицательно, так как, в отличие, например, от американской системы корейская не дает свободы выбора предметов, но с другой — корейская программа дает фундаментальную базу знаний, что намного важнее и готовит не узкоспециализированных работников, а всесторонне развитую личность.

- Специфическим является образовательный процесс в учебных заведениях, который основан главным образом на механическом запоминании предмета, иными словами: максимум зубрежки — минимум творчества. Система проверки знаний представляет собой письменную форму экзаменов в виде тестов. Такая форма используется не только для поступления в учебные заведения, но и для найма на работу. Экзамены, включающие в себя большое количество тестов, проводятся один раз в год и для успешной сдачи кандидату необходимо тщательно и скрупулезно учить каждый предмет. Более 100 тысяч южнокорейцев каждый год вынуждены много времени проводить за механической зубрежкой, готовясь самостоятельно или пользуясь услугами репетиторов.

Суммы, которые корейские граждане тратят на образование, огромны, в 1998 г. они были равны 7,1 трлн. вон (табл.2). По данным Корейской ассоциации внешней торговли (КАВТ), опубликованным 2 октября 2002 г., Южная Корея занимает первое место в мире по расходам своих граждан на услуги репетиторов (примерно 3% ВВП) и второе место после Дании по расходам на образование (7% ВВП). Родители согласны идти на любые жертвы и расходы — лишь бы достичь конечной цели — успешной сдачи ребенком Теста академической способности, результат которого — либо приговор для дальнейшей карьеры молодого человека, либо счастливая путевка в жизнь. Хотелось бы привести одну корейскую поговорку: “Не копи деньги, а учи детей грамоте”. Можно сказать, что корейцы следуют этой мудрости: они не копят деньги, а основной статьей расходов корейской семьи являются расходы на образование чада, на различные репетиторские курсы, частных преподавателей и т.д.

В 2002 г. Тест академических способностей проходил 6 ноября, в этот день было задействовано на 30% больше общественного транспорта — автобусов, такси, электричек в метро, чем обычно. Служащих частных фирм попросили выйти на работу на 1 час позже, дабы не создавать пробок. Водителям было запрещено подъезжать к зданиям, где сдавали Тест ближе, чем на 200 метров. Были запрещены военные учения в период с 8:40 до 9:00 утра и с 15:45 до 16:15 дня. Тест проводился в 878 центрах. Примерно 650 тысяч человек сдавало Тест, который включал в себя вопросы по 6 предметам: корейский язык, математика, общественные науки, естествознание, английский язык, второй иностранный язык на выбор. Сдача Теста — это огромный стресс как для родителей, так и для детей. 6 ноября около центров по сдаче Теста можно было увидеть огромное количество матерей, сложивших руки в молитве за детей⁸.

На наш взгляд основным минусом системы письменной проверки знаний является невозможность оценки творческих способностей кандидата, такая система рассчитана на хорошую память и усердие. Но сегодняшняя информационная эра требует работников, способных мыслить самостоятельно и творчески. И в этом аспекте необходимо развитие программ содействия талантливой

молодежи. На сегодняшний день многие страны успешно внедрили такие программы, например в США с 1957 г. активно внедряется данная система, на Тайване в 1973 г. был создан специализированный экспериментальный класс и в 1984 г. разработан закон, посвященный поддержке талантливой молодежи.⁹ Республика Корея, во многом полагаясь на американский опыт, также встала на путь создания спецпрограмм для талантливых студентов, в рамках которых они могли бы учиться по отдельному расписанию с углубленным изучением точных наук и иностранных языков. Американский опыт собираются использовать для того, чтобы Корея смогла воспитать прослойку талантливых индивидуумов, из которой могла бы вырасти новая каста технократов или государственных деятелей¹⁰. По разработанному государством проекту к 2007 г. 40 тысяч студентов будут обучаться по специальной программе для талантливых и одаренных детей. На сегодняшний день по этой программе обучается всего 10 тысяч детей. Правительство планирует создать 200 учебных заведений, на базе которых будет проводиться обучение детей и подготовка 8 тысяч преподавателей для них. Спецшколы будут действовать по таким направлениям как искусство, информационные технологии, наука¹¹.

Таблица 2.

Расходы на начальное, среднее и высшее образование (1997-1998 гг.)
(в трлн. вон)

Год	Расходы на государственное образование	Расходы на частное образование	Расходы на репетиторство	Расходы на образование, (всего)
1982	2,7	1,7	0,4	4,8
1990	2,5	1,0	1,2	4,7
1998	3,4	0,8	2,9	7,1

Источник: Kim Joo-Hoon. *Human resources development for the information era* // *Korea Journal* 2002 mar.-apr. Vol.10. № 2. P.113.

Что касается системы высшего образования, то сейчас все больше звучат замечания о том, что квалификационная конкурентоспособность корейских выпускников слаба, для примера можно привести результаты проверки самого престижного вуза Южной Кореи — Сеульского Государственного Университета (СГУ), конкурентоспособность студентов и преподавателей которого не соответствуют международным стандартам. Согласно опубликованному экспертной комиссией отчету “исследовательская эффективность” преподавателей СГУ сравнима с таковой в университете Огайо, который, в свою очередь, находится на уровне “ниже среднего” среди американских государственных вузов (“исследовательская эффективность” определяется количеством публикаций ученых отдельно взятого университета в научных кругах). По данным экспертов, профессора Сеульского Государственного Университета за прошедшие 10 лет имели в среднем лишь 56 публикаций по естественным наукам. Аналогичный показатель в Токийском университете — 248, в Гарварде — 221, в Кембридже — 143, в Мичигане — 129. Если же рассматривать общее количество публикаций, выпущенных всеми корейскими университетами, то ситуация также не радужна: 24 место в мире на 1994 г. (табл. 3). По сравнению с такими странами как США, Великобритания, Япония, Республика Корея выглядит достаточно блекло, например, на 1994 г. американскими университетами было выпущено 267125 научных работ, а корейскими — 3910. Конечно же, за период с 1991 по 1994 г. положительная тенденция просматривается (с 32 места до 24), но все - таки разрыв в величине данного показателя с другими развитыми странами остается огромным¹².

Таблица 3.

Классификация стран по количеству научных публикаций за 1991-1994 гг. (количество, место в рейтинге)

Страна	1991	1992	1993	1994
США	224955 (1)	254373 (1)	258776 (1)	267125 (1)
Великобритания	52644 (2)	62027 (2)	61853 (2)	65159 (2)
Япония	44521 (3)	51772 (3)	51199 (3)	55142 (3)
Россия	17803 (8)	17803 (8)	19952 (8)	17919 (8)
Республика Корея	1018 (32)	2461 (30)	2997 (27)	3910 (24)

Источник: Youngil Lim. Technology and productivity. The Korean way of learning and catching up. London, 1999. P. 66.

Еще одной специфической чертой, присущей, как нам кажется, только корейской системе образования, является тот факт, что в СГУ (да и в любом корейском университете) 100% вновь назначенных преподавателей в итоге получают постоянную профессорскую должность. В Гарварде эта цифра составляет лишь 30%, в Стэнфорде — 40%. Иначе говоря, в отличие от ведущих университетов мира, в СГУ человек, став преподавателем, остается им до конца своих дней независимо от того, как он работает в дальнейшем. То есть у преподавателя нет необходимости повышать свою квалификацию. В этом, как нам кажется, явно просматривается влияние конфуцианства, которое охватило все сферы деятельности в стране. Коллектив в учебном заведении рассматривается как семья, и чем старше член семьи, тем почтительнее к нему следует относиться. Значимость преподавателя оценивается не его квалификацией, а стажем работы, что, естественно, не сказывается положительно на процессе образования в целом. Эксперты также провели опрос представителей финансовых и промышленных кругов, который показал, что выпускники СГУ обладают хорошей памятью и высоким коэффициентом IQ, однако их умение творчески мыслить развито недостаточно. В работе А.Н.Ланькова приведены такие слова известного корейского ученого Ли Кю Тхэ: "Существует мнение, что в Корее невозможна настоящая академическая дискуссия, в частности, столь успешно проводящиеся на Западе семинары. Причина этого заключается в том, что из-за присутствия на этих собраниях учителей и учеников, а также выпускников более ранних и более поздних лет никто не решается поставить под сомнение или опровергнуть мнение, высказанное учителем или старшим коллегой"¹³.

Это высказывание во многом объясняет характеристику способностей студентов СГУ: от них не требуется выражения собственных мыслей, предпочтение отдается точному воспроизведению текста учебника. Отношения студента и преподавателя четко определены: первый беспрекословно повинуетя своему учителю. Ведь от преподавателя зависит многое: хорошие оценки для получения высокого среднего балла, возможность получения рекомендации профессора, которая играет весомую роль при приеме на работу, вот поэтому из практических соображений, а не из уважения к знаниям преподавателя студенты стараются заручиться его хорошим расположением. Жесткая иерархия не позволяет ставить под сомнение слова старшего, не принимая чужое мнение за аксиому, мы позволяем себе свободно мыслить, может быть и ошибочно, но мыслить творчески.

Еще одной проблемой в системе образования РК является перекоп в сторону "престижных" специальностей, таких как юриспруденция, психология, общественные связи, что характерно и для России, в то время как такие отрасли, как электроника, роботостроение, биотехнологии испытывают дефицит трудовых ресурсов. Рассмотрим подробнее таблицу 4, в которой представлены количественные параметры спроса и предложения на высокопрофессиональных специалистов в различных сферах в 90-е гг. с прогнозом до 2010 г. За период 1992-1996 гг. в таких отраслях как машино- и судостроение, электронное

и химическое производство, генная инженерия существует нехватка специалистов в количестве 650, 1191, 508 и 262 чел. соответственно. Только в медицине и фармацевтике предложение превышает спрос на 157 чел. За период 1997-2001гг. нехватка кадров увеличивается почти в 3 раза в электронном производстве, в 2 раза в — машино- и судостроении, в 1,5 раза — в химическом производстве, в 6 раз — в геной инженерии, а в медицине и фармацевтике теперь уже наблюдается превышение спроса над предложением на 336 чел. Если данные тенденции сохраняться, то по прогнозам до 2010 г. может возникнуть резкий недостаток специалистов в рассматриваемых отраслях, что конечно же негативно скажется на экономической ситуации страны.

Во многих отраслях Республика Корея уступает по процентному содержанию профессионалов высокого класса по сравнению с остальными странами. Например, в таблице 5 приведены данные о доле высококвалифицированных специалистов по отраслям в Республике Корея, США, Германии и Японии. В такой отрасли как промышленность доля высококвалифицированных специалистов в РК составляет 3,3%, в то время как в США, Германии и Японии — 12, 11,4 и 6,2% соответственно. Понятно, что такие профессионалы не могут быть подготовлены за короткое время. Если уже сейчас и Южная Корея, и Россия не сконцентрируют внимание на данном аспекте, то они могут просто и безоговорочно отстать в экономическом развитии. Необдуманные усилия по развитию человеческих ресурсов в новых технологических сферах, таких как информационные технологии, биологические технологии, космические технологии привели к дисбалансу между спросом и предложением рабочей силы в категориях количества и качества. Кажется бы, на рынке труда страны представлено достаточное количество специалистов, имеющих высшее образование, но на практике их знания и умения не отвечают требованиям производственной среды¹⁴.

Таблица 4.

Спрос и предложение на высококвалифицированные трудовые ресурсы по отраслям(1992-2010 гг)

Отрасль	1992-1996	1997-2001	2002-2010	1992-2010
Машино- и судостроение:				
спрос (А)	1216	1893	4839	7948
предложение(Б)	566	679	1235	2470
(Б-А)	-650	-1214	-3604	-5478
Электронное производство:				
спрос (А)	2349	4635	8462	1544
предложение(Б)	1158	1492	2650	65300
(Б-А)	-1191	-3143	-5812	-10146
Химическое производство:				
спрос (А)	818	1175	2434	4427
предложение(Б)	310	394	704	1408
(Б-А)	-508	-781	-1730	-3019
Генная инженерия:				
спрос (А)	426	1599	2462	4487
предложение(Б)	164	181	345	690
(Б-А)	-262	-1418	-2117	-3797
Медицина и фармацевтика:				
спрос (А)	3784	4951	10574	19309
предложение(Б)	3941	4458	8399	16798
(Б-А)	157	-493	-2175	-2511

Источник: Youngil Lim. *Technology and productivity. The Korean way of learning and catching up.* London, 1999. P. 87.

Таблица 5.

Доля высококвалифицированных специалистов в отраслях по странам (в%)

Отрасль	США		Германия		Япония		Южная Корея	
	1980	1994	1980	1991	1980	1996	1980	1993
Промышленность	11,4	12,0	9,2	11,4	2,0	6,2	0,7	3,3
Транспорт, коммуникации	8,4	8,3	6,7	6,7	0,9	1,7	2,3	2,3
Финансы, страхование	10,1	10,5	18,4	18,6	1,0	1,9	5,7	12,2
Социальные услуги	35,2	36,2	33,1	38,3	32,0	34,9	30,9	41,2

Источник: Kim Joo-Hoon. *Human resources development for the information era.* // Korea Journal 2002 mar.-apr. Vol.10. № 2. P.112.

Перекоп в сторону "престижных" специальностей приводит к тому, что все большее число выпускников не могут найти себе работу, страна находится в стадии перепроизводства некоторых видов специалистов, что подтверждается статистикой (табл. 6).

По данным таблицы 6, уровень безработицы среди молодежи в РК в 4 раза выше, чем в остальных возрастных категориях. По сравнению с такими странами как Япония и Филиппины данный показатель в Республике Корея выше примерно в 2 раза. Эта отрицательная тенденция, на наш взгляд, усилилась во время финансово-экономического кризиса 1997 г., когда фирмы предпочитали нанимать профессионалов, которые имеют опыт работы, а не выпускников университетов, тем самым ломая сложившуюся внутрифирменную традицию найма, когда принятые выпускники обучались в процессе работы на предприятии. Но в период кризиса времени на подготовку работников у фирм уже не было и поэтому предпочтение отдавалось найму опытных специалистов.

Таблица 6.

Уровень безработицы по возрастам на 2000 г. (в%)

Страна	15-24 лет I	25- 64 лет II	I/II
РК	7,7	1,9	4,1
Япония	6,6	2,9	2,3
Филиппины	15,7	5,5	2,9

Источник: Трудовой мир. № 3 (31). Июль 2000.

В сложившейся ситуации правительство РК видит следующие пути выхода: во-первых, корейским учебным заведениям необходимо отказаться от вступительных экзаменов в форме тестов;

во-вторых, профессиональным школам рекомендуется принимать ограниченное количество студентов, но готовить их высококвалифицированным специалистам по специальной образовательной программе;

в-третьих, учебные заведения должны открыть свои двери для желающих, которые уже работают, но нуждаются в дополнительном образовании¹⁵.

в-четвертых, жизненно важным является установление крепких связей между образовательными учреждениями и предприятиями, для того чтобы образовательный процесс носил более прикладной характер. В свою очередь это будет выгодно и для фирм, которые, участвуя в учебной подготовке, могут произвести набор наиболее талантливых выпускников в штат компании. Подобные мероприятия должны быть направлены на развитие обмена человеческих ресурсов между университетами, корпорациями и исследовательскими институтами, например, посредством привлечения специалистов в качестве лек-

торов, или проведения практических занятий непосредственно на предприятиях. Устаревшая система образования в стране может быть реконструирована путем превращения профессиональных школ в специализированные институты. Учебным заведениям по подготовке инженеров должно быть уделено особое внимание, так как они являются основным источником технических кадров.

Корпорации также должны пересмотреть их форму найма в виде тестирования и взамен производить наем служащих, исходя из способностей кандидата. Положительным решением будет отказ страны от навязчивой идеи в выборе "правильного" университета. До сих пор при приеме на работу в Республике Корея основным критерием отбора является престижность университета, который закончил кандидат, а не то, какими знаниями обладает данный индивидуум.

В сложившихся условиях, когда страна испытывает недостаток высококвалифицированных трудовых ресурсов, необходимо максимальное использование "импортированных умов". Нужны такие меры как, стимулирование иностранных корпораций и институтов для участия в совместных проектах и отправка корейских специалистов на заграничные курсы повышения квалификации, но, к сожалению, Корея не так активно как другие страны, проводит данные мероприятия. Можно отметить, что многие развитые страны, несмотря на то, что они уже располагают квалифицированными трудовыми ресурсами, продолжают усиленно привлекать работников из-за рубежа.

Во многом усовершенствование системы образования зависит и от политики государства. Сказать о том, что правительство страны не уделяет внимание проблеме образования нельзя, наоборот, государственные инвестиции в данную сферу имеют тенденцию к увеличению. Но для того чтобы данные вложения были эффективны, необходимо параллельное проведение реформы образования и подготовительных программ. Государству необходимо подготовить проведение таких мероприятий, как прогнозирование спроса и предложения трудовых ресурсов, проведение оценки будущего спроса в специализированных отраслях и меры по стандартизации и сертификации профессиональных программ. Существует множество проблем по выполнению политики среди государственных органов. В условиях недостатка общей координации действий между министерствами, инвестициями в образование остаются неэффективными. В своих мероприятиях по поддержке системы повышения квалификации, образовательных программ, исследовательских проектов министерства частично повторяли друг друга. Правительство реорганизовало Министерство образования в Министерство образования и развития трудовых ресурсов и приняло специальный Проект по развитию трудовых ресурсов. Однако по причине нехватки опыта в развитии сотрудничества и кооперации между министерствами потребуется много времени для того, чтобы новый механизм начал эффективно работать. Новые изменения в управлении кадрами требуют, чтобы правительство поощряло создание гибкой системы обеспечения экономики необходимыми трудовыми ресурсами и технологиями. Политика управления человеческими ресурсами должна исходить из быстроменяющейся обстановки, искоренив бюрократизм.

В настоящий момент можно отметить, что правительство РК полностью осознает необходимость реструктуризации образования. В сложившейся ситуации дефицита высококлассных специалистов правительство РК предлагает новую политику по улучшению положения в системе подготовки кадров. По этой программе 13 университетов привлекут 103 иностранных преподавателя, некоторым из них будет предоставлена годовая заработная плата равная 100 тысяч долларов. Правительство обещало оказать финансовую поддержку таким университетам в привлечении иностранцев и выделить 1,62 млрд. вон или половину всей годовой заработной платы 103 специалистов. 6 профессоров будут пре-

подавать такие дисциплины, как информационные технологии и биотехнологии. Другие будут вести такие специальности как производственное управление, естественные науки, инженерное дело, социальные науки и языковедение. Сеульский государственный университет наймет 65 преподавателей по этой программе, что составит 68% от общего количества. Университеты Кенбук и Пусан пригласят 11 и 8 иностранных специалистов соответственно. А Национальный технологический университет Кемо и Корейский университет морского дела 3 и 4 специалистов соответственно. Также в ближайшие 5 лет Корея планирует привлечь 5000 специалистов — носителей языка для преподавания английского, японского и китайского языков в начальных, средних и высших учебных заведениях. По данной пятилетней программе каждый год будут привлекаться 1000 специалистов на основе одногодичного контракта. Проект включает 4150 учителей английского, 700 японского и 150 китайского языков¹⁶.

Есть положительные подвижки и в развитии совместных проектов с привлечением иностранных ученых. 11 сентября 2002 г. Министерство науки и технологий Южной Кореи сообщило о том, что в этом году оно пригласит для работы в местных государственных НИИ в общей сложности 106 научных сотрудников из России, Украины, Белоруссии, Румынии, Польши, Китая и Индии. По мнению министерства, в этих странах имеются высококвалифицированные специалисты в области электроники, телекоммуникаций, экологии и в других приоритетных для Южной Кореи областях. К тому же приглашение научных сотрудников из этих стран обойдется гораздо дешевле, чем приглашение специалистов из развитых стран Европы, США или Японии. Конкретными вопросами, связанными с приглашением ученых из-за рубежа, занимается Корейский институт по выработке политике в области науки и технологий (сокращенно STEP). Больше всего ученых в этом году приедут на работу в Южную Корею из России — 55 человек. 18 человек прибудет из Китая, 7 — из Индии и 5 — из Украины¹⁷.

Можно отметить, что несмотря на проблемы в системе образования и подготовки кадров, в будущем Корея может стать основным поставщиком высококвалифицированной рабочей силы. Этому есть несколько причин. Страна активно внедряет достижения информационного прогресса в образовательный процесс. Благодаря мировой информационной революции, такие альтернативные формы обучения как обучение на расстоянии и киберинструкции приобретают все большую популярность в Корею. Хотя альтернативная форма обучения находится еще в зачаточном состоянии, система образования и подготовки кадров активно преобразуется исходя из требований изменяющейся внешней среды. Корея опережает многие страны по уровню развития информационной инфраструктуры, что дает преимущества для развития Интернет — образования. Далее, это огромное стремление получить образование и большие инвестиционные возможности частного сектора страны. Примерно 3% ВВП расходуется на частные репетиторства, и все меньшее количество людей склоняется к регулярному образованию по причине жесткой конкуренции при поступлении в университет и чрезмерно трудных учебных программ. Также, реструктуризация экономики после финансового кризиса улучшила ситуацию на рынке труда, вернула иностранных инвесторов в страну и стимулировало развитие мелкого и среднего предпринимательства.

В итоге можно сделать следующие выводы. На пороге новой информационной эры, когда технический процесс развивается огромными темпами, Республике Корея необходимо сделать ставку на развитие трудовых ресурсов высокого класса. Как сказал Майкл Портер в своей книге: «конкурентоспособность страны зависит от конкурентоспособности фирм». От себя же могу продолжить, что конкурентоспособность фирмы сегодня складывается во многом

за счет ее кадров, тех кадров, которые являются генераторами новых идей. Для того, чтобы данные кадры имели место быть в Корее, необходимо приложить немало усилий. Во-первых, пересмотр системы оценки трудовых ресурсов, необходимо отойти от системы тестирования, которая рассчитана лишь на механическую зубрежку огромного объема информации. Во-вторых, необходимо привлечение "иностраннных мозгов", как это делают многие страны. Необходимо развитие совместных научных проектов с использованием иностраннных специалистов. В-третьих, придание образовательному процессу более прикладного характера, развитие связей между учебными заведениями и предприятиями. В-четвертых, поддержка талантливой молодежи, развитие специализированных школ. В-пятых, внедрение системы поощрения кадров учебных заведений в их стремлении повышать квалификацию.

1. Lawrence B. Krause, Fun Koo Park. Social issues in Korea: Korean and American perspectives. Seoul, 1993.
2. Асмолов К.В. (на правах рукописи).
3. Шипаев В.И. Южная Корея в системе мирового капиталистического хозяйства. М.:Наука,1986.
4. Конфуций. Беседы и суждения Конфуция. СПб, 2001. С. 22.
5. Korea Herald. 26. November 2002. P.3.
6. Волков С.В. Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке. М., 1999. С.105.
7. http://www.geocities.com/rus_korea.
8. Korea Herald. 7 November 2002. P.3.
9. Cho Seok-Hee. Education for Gifted Children // Korea Focus. 1996. may-jun. Vol.4. № 3. P161-163.
10. Асмолов К. Социально-психологические изменения в современном южнокорейском обществе (на правах рукописи).
11. Korea Herald. 26 November 2002. P.3.
12. В сущности, объем выпущенных научных трудов не является основным отрицательным моментом в системе образования, так как не он определяет уровень профессионализма преподавательского состава. Другое дело, что из-за жесткой иерархической системы отношений в корейском обществе, любой преподаватель не может публиковать работ больше, чем его вышестоящий коллега.
13. Ланьков А.Н. Корея: будни и праздники. М.: Международные отношения, 2000. 480 с.
14. Kim Joo-Hoon. Human resources development for the information era // Korea Journal 2002 mar.-apr. Vol.10. № 2. P.110-128.
15. Kwak Byung-Sun. New criteria needed to promote Human Resources //Korea Focus 2000 sept.-oct. Vol.8. N 5. P.44-46.
16. <http://www.koreaherald.com>.
17. <http://vestnik.tripod.com>.

История

К 100-летию японо-русской войны (1904-1905): урок для современных политиков

© 2004

В. Балакин

Конец января 1904 года. Квантунский укрепленный район, и в первую очередь крепость Порт-Артур, напряглись в ожидании непредсказуемых последствий разрыва Россией дипломатических отношений с Японией. Зримым признаком надвигающейся военной опасности стал начавшийся поспешный выезд японцев из Квантунской области. Россия впервые столкнулась с серьезным вызовом своему присутствию в Китае, но оказалась не готовой дать адекватный ответ стремительно возраставшим военно-политическим амбициям Японии на Дальнем Востоке. Японское правительство на протяжении предшествовавших трех лет интенсивно строило императорские армию и флот, предпринимало максимально возможные усилия для консолидации нации.¹ Ведущие политические стратеги тогдашней Японии разрабатывали планы новых территориальных приобретений для империи, имея в качестве главных ориентиров земли ближайших соседей по конфуцианской цивилизации — Кореи и Китая.

В 1894 г. Япония начала войну против Китая с целью захватить Корею, находившуюся тогда под протекторатом Китайской империи. Окончательный захват Кореи должен был стать первым решительным шагом на пути реализации далеко идущих планов по созданию "великой Японии". В этой связи японское правительство настойчиво стремилось опередить западных конкурентов в разделе Китая и укреплении своего господства над большей его частью. В Токио не особенно скрывали намерений со временем прибрать к рукам российские Сахалин, Курилы, Камчатку, а если получится, то и весь русский Дальний Восток.²

Внимательно отслеживая далеко идущие японские притязания, правительство Российской империи, начиная с 1895 года, приступило к последовательному формированию на северо-востоке Китая зоны своих приоритетных экономических и политических интересов. Серьезным побудительным мотивом к этому послужила победа Японии в скоротечной войне с Китаем в 1894-1895 гг., в результате которой, согласно Симоносэцкскому мирному договору, Токио вынудил Пекин уступить остров Тайвань с прилегающими островами Пэнхуледао (Пескадорские), южную часть Маньчжурии, включая Ляодунский полуостров, и прилегающую к нему область от порта Инкоу до г.Аньдунь, а

Балакин Вячеслав Иванович, кандидат юридических наук, ведущий, научный сотрудник ИДВ РАН.

также признать “независимость” Кореи и уплатить Японии огромную по тем временам военную контрибуцию в 200 миллионов серебряных лянов, равную почти пяти тогдашним японским государственным бюджетам. Кроме того, впредь до уплаты контрибуции Китай должен был передать в руки Японии обещанный США и Великобритании порт Вэйхайвэй.

В результате поражения в войне с Японией Китайская империя оказалась сильно ослабленной и фактически беззащитной перед лицом нарастающей угрозы со стороны японских завоевателей. Следует отметить, что на протяжении всей предшествующей истории китайские императоры считали Японию, как и Корею, своим вассальным государством, то есть небольшой частью великой ханьской цивилизации, питавшейся китайской культурой и разделявшей все ее основные философские ценности. Агрессивная внешняя политика японского правительства в отношении Китая явилась тяжелым моральным ударом для всего китайского общества. Среди китайских политических деятелей того времени не нашлось, к сожалению, достаточно сильной личности, способной сплотить вокруг себя патриотические силы страны для защиты единого, независимого государства, которым в принципе должен был оставаться Китай. Россия была в тот период единственной крупной державой, которая могла предложить Китайской империи адекватный путь модернизации страны при сохранении необходимой целостности национального государства. Однако правительство маньчжурской династии Цин выбрало другую, губительную для себя политику, ориентированную на самоизоляцию от социального прогресса.

Победа в войне с Китаем способствовала началу бурного развития промышленности в самой Японии. За десять лет, с 1894 по 1903 г., акционерный капитал ее производящих компаний вырос почти в четыре раза. Особенно быстро развивалось судостроение. Например, судостроительная компания относительно новой финансово-промышленной группы “Мицубиси” приступила к созданию на своих верфях крупнотоннажных военных судов. Резко увеличив военные ассигнования, правительство Японии взяло курс на перевооружение армии и флота. В результате, к 1903 г. численность японской армии выросла в три раза по сравнению с 1896 г., а тоннаж военного флота в четыре с лишним раза — с 60 тыс. до 278,9 тыс. тонн.³

Тем не менее, правящая элита Японии была не удовлетворена результатами выигранной у Китая войны. Добившись в ней сравнительно легкой победы, японское правительство не смогло в полной мере воспользоваться ее плодами. Под давлением России Япония была вынуждена временно отказаться от установления полного контроля над Кореей — главным объектом японской агрессии в войне с Китаем. Таким образом, осуществление захватнических планов Японии в отношении Кореи и Китая зависело не столько от степени сопротивления этих стран, сколько от интенсивности противодействия конкурентов, и прежде всего России. Именно российская твердая поддержка независимости и государственной целостности Китая, а также Кореи помешала тогда Японии активизировать экспансионистский курс на азиатском континенте. Настойчиво помогая укреплять национальную государственность Китайской империи и Корейского королевства, Россия закладывала на столетия вперед гарантии собственной безопасности и территориальной целостности, особенно на своих дальневосточных рубежах.

Главной чертой японской внешней политики в “кровавое пятидесятилетие” (1895–1945 гг.) стало стремление полностью подчинить себе Китай и Корею. Доходило до курьезов, когда некоторые видные японские военачальники, вдохновленные историческими примерами монгольской династии Юань и маньчжурской династии Цин, мечтали основать на территории покоренных Китая и Кореи новую, но уже японскую императорскую династию. Этим они

приводили в ужас традиционный императорский двор в Токио, поскольку для Японии и ее императора в этом случае подразумевался исключительно подчиненный, вассальный статус. Окрепшее японское государство должно было превратиться, по замыслу некоторых его генералов, всего лишь в один из доминионов Великой китайской цивилизации. Отсюда можно предположить, что японских генералов в Китае интересовало не распространение на него власти японского микадо, а присвоение пятитысячелетнего цивилизационного статуса великой китайской державы, который давал бы самому влиятельному из этих генералов возможность учредить новую династию в Пекине и тем самым легитимно закрыть пределы китайской империи для западных конкурентов. Прежде всего это касалось непосредственно граничащей с Китаем и Кореей России. Именно тогда впервые в новейшей истории наиболее последовательную помощь в борьбе с российским влиянием на Дальнем Востоке японское правительство получило от Соединенных Штатов Америки.⁴

Овладев в борьбе за “испанское наследство” Филиппинами, США в тот период были весьма решительно настроены и дальше развивать свой успех. С помощью японского “тарана” Америка намеревалась во что бы то ни стало проложить себе дорогу в Китай, Корею и дальневосточные владения России.

Не имевшая опорных баз на материковой территории Китая Япония активно поддержала политику США, нацеленную на принуждение Китайской империи к “открытости Западу”. На практике это вылилось в жесткую схватку за отмену исключительных арендных прав России на южную часть Ляодунского полуострова. В 1898 г. китайское правительство в интересах защиты территориальной целостности своего государства заключило специальный договор с Россией, по которому данный район стал местом постройки военно-морской крепости Порт-Артур и торгового порта Дальний. С того же времени там получил свою новую базу русский Тихоокеанский флот. Согласно еще одной договоренности с правительством Китая, российская сторона приобрела право на строительство и последующую эксплуатацию Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД) от Порт-Артура и Дальнего до Чанчуня в Северной Маньчжурии, то есть до ее соединения с Китайско-Восточной железной дорогой (КВЖД) и далее — российской Транссибирской магистралью.

Японское правительство того времени, искусно маневрируя и играя на якобы оскорбленных западными державами национальных чувствах китайского народа, пыталось добиться позитивного отношения к Японии со стороны китайской либеральной общественности. Японское военно-политическое руководство открыто покровительствовало антиправительственным движениям в Китае, предоставляло политическое убежище и оказывало финансовое содействие представителям этого движения, разрешая создавать на территории Японии антигосударственные организации и пропагандистские центры, поощряя обучение в японских университетах противников китайского императорского режима и даже закрывая глаза на практически легальную подготовку там боевых террористических групп, ставивших своей целью свержение законного правительства в Пекине. С конца XIX века Япония на долгие годы стала базой подготовки антиправительственных сил и для многих других государств Азии, очевидно рассчитывая в будущем с помощью этой своеобразной “пятой колонны” обеспечить успешное вторжение японских вооруженных сил на территорию этих стран.

В 1902 г. японское правительство окончательно пришло к выводу, что при осуществлении своих экспансионистских целей в Китае оно неминуемо столкнется с противодействием России, а помощь в этой борьбе с русским соперником Япония могла получить прежде всего от США и Великобритании. На необходимость прямого пути к американо-японо-британскому военно-полити-

ческому союзу против Российской империи единодушно указывали дипломатические круги и пресса Японии еще в 1895 г.⁵ Многие японские газеты открыто призывали к войне с Россией, требуя от правительства немедленного усиления императорского флота и усматривая в слабости последнего одну из важнейших причин несостоявшейся дезинтеграции Китая. Победа над Китайской империей резко усилила агрессивные устремления японского правительства и способствовала заметному укреплению в нем руководящего влияния представителей нарождающихся военно-промышленных концернов. Посты военного и морского министров были отныне закреплены за действующими кадровыми военными. Сложилась мощная олигархия представителей бюрократической верхушки и крупного капитала, считавших своей главной задачей наращивание вооружений и подготовку к дальнейшей экспансии на азиатском континенте. Но для военной и дипломатической подготовки к нападению на Россию требовалось еще достаточно длительное время. Уплата Китаем наложенной на него контрибуции также растягивалась на значительный срок. Финансовое положение Японии стало заметно ухудшаться. Для поддержания образа врага японское правительство все чаще инициировало в подконтрольной прессе кампании по диффамации России, приписывая ей якобы имеющиеся планы "напасть" на остров Хоккайдо и указывая на необходимость в связи с этим нанести упреждающие удары по российским военным объектам в Китае, а также превентивно атаковать и захватить остров Сахалин.⁶

Царское правительство было крайне обеспокоено возможностью столкновения с Японией. Японское вторжение в Корею вызывало в Петербурге самую серьезную тревогу, поскольку Россия оказалась не готовой отстаивать свои национальные интересы на Дальнем Востоке. Больше всего настораживали насильственные меры Японии по ускорению закрепления результатов ее агрессии на Корейском полуострове, особенно в связи с активной поддержкой этих мер со стороны США и Великобритании. Вашингтонская администрация предписывала своему посланнику в Корее не оказывать никакого активного противодействия так называемым японским "реформам" на Корейском полуострове и не втягиваться в борьбу за влияние в Корее. США предупредили корейскую королевскую семью, что не намерены гарантировать независимость Кореи и будут защищать только имеющиеся там американские национальные интересы.⁷ Началась конкурентная гонка фирм США за корейскими концессиями. Американская администрация не желала ничем препятствовать японской агрессии в Корее и была, напротив, весьма заинтересована в искоренении там китайского и русского влияния. Так постепенно подготавливалось сближение США с Японией в конце XIX — начале XX вв., направленное против Китая, Кореи и России и приведшее впоследствии к кровопролитному японо-русскому конфликту. Внешнее сопротивление своей агрессии на Корейском полуострове японская армия встретила лишь со стороны Российской империи, не допустившей годом ранее оккупацию Японией северной части Кореи. Царское правительство решило тогда твердо противостоять сохранению японского оккупационного режима в столице и на юге страны. Когда в Петербурге было получено сообщение о "домогательствах Японии держать свои гарнизоны в Сеуле, портах и семи главных корейских городах", царь пометил на телеграмме: "этого нельзя допустить никоим образом".⁸ Российское правительство впервые ясно осознало опасность превращения Кореи в японский плацдарм против России, если последняя при складывающихся обстоятельствах ограничится лишь выжидательными действиями и не примет более активного участия в урегулировании корейского вопроса. Действия российских представителей в Китае и Корее стали более решительными, в результате чего дипломатическими мето-

дами японцев заставили покинуть Ляодунский полуостров и вывести войска со всего Корейского полуострова.

К сожалению, Россия так и не отважилась на тотальную жесткую борьбу с японской экспансией у своих дальневосточных рубежей. Увидев чрезмерную сдержанность в поведении царского правительства, США и Великобритания перешли к открытой поддержке захватнических действий Японии в зоне интересов Российской империи. В британской прессе это с сарказмом объяснялось тем, что России, соорудившей железную дорогу через Сибирь стоимостью в 40 миллионов золотых рублей, надо было бы всячески "помочь" протянуть ее лишь до замерзающего моря, а не до более южных портов.⁹ Целенаправленное стратегическое содействие Вашингтона и Лондона военному усилению Японии позволило ей ускорить подготовку своих вооруженных сил к будущей войне с Россией.¹⁰ Эта подготовка определяла всю внутривнутриполитическую обстановку в стране. В течение последующих нескольких лет японское правительство приступило к осуществлению большой программы развертывания сухопутных и военно-морских сил, повышения в кратчайшие сроки их боевой мощи с целью утверждения своего господства в Корее и Китае, в непосредственной близости от российских границ. С особой интенсивностью политико-экономическая экспансия Японии проходила в Маньчжурии, что достаточно красноречиво свидетельствовало о далеко идущих антироссийских планах Токио. Японские капиталовложения в создание военных предприятий в данном районе росли опережающими темпами. Узость внутреннего потребительского рынка подталкивала ведущие японские финансово-промышленные группы "дзайбацу" к активной экспансии на азиатском континенте. Особое внимание правительство Японии уделяло проникновению на рынки Кореи и Китая и вывозу оттуда практически за бесценок риса, других видов продовольствия, а также золота. Последнее было необходимо в больших количествах, поскольку министерство финансов и национальный банк Японии давно и настойчиво готовили переход экономики страны на золотовалютную основу.¹¹

В Петербурге постоянно нарастали опасения в отношении усиливавшейся военной активности Японии на Дальнем Востоке. Главную озабоченность российского генерального штаба вызывал вопрос о способности русского тихоокеанского флота выйти в открытый океан через Цусимский пролив, который Япония могла бы закрыть, овладев побережьем Корейского полуострова. Царское правительство, тем не менее, рассчитывало нейтрализовать ее экспансионистские планы путем жесткого отпора любым попыткам Токио лишить независимости Корею. Однако вскоре российский МИД узнал от японского посланника в Петербурге о конкретных планах правительства Японии захватить Порт-Артур. Стали известны также имена влиятельных царских чиновников, выступавших сторонниками сдачи Порт-Артура японцам, их сговор в отношении расчленения Китая. В результате верх в русском правительстве все же взяли соображения в пользу бескомпромиссной борьбы за национальные интересы России на сопредельной китайской территории. Особое совещание по военно-морским вопросам приняло решение считать незамерзающий Порт-Артур важнейшей гарантией сохранения присутствия Российской империи на Дальнем Востоке.¹²

Таким образом, в начале XX в. Россия столкнулась в Восточной Азии с новой агрессивной державой — Японией, всесторонне поддержанной Соединенными Штатами Америки и Великобританией. Выступление Российской империи за сохранение единства Китая и Кореи подтвердило на практике объективную общность интересов российской и китайской цивилизации. Выступая за неделимость централизованного китайского государства, лучшие умы России уже тогда предвидели жесткую зависимость между тесным взаимодейст-

вием двух стран и сохранением мира в Восточной Азии. Сложившаяся впоследствии "стратагема" российско-китайского сотрудничества стала на долгие годы вперед своеобразным дипломатическим алгоритмом сохранения баланса сил в указанном регионе. Но японо-российское военное столкновение уже было неизбежным, поскольку динамизм, с которым Россия осваивала свои дальневосточные земли, входил в явный диссонанс с амбициями деловой и политической элиты императорской Японии.

В ночь с 7 на 8 февраля 1904 г. японские миноносцы совершили нападение на русскую эскадру, стоявшую на внешнем рейде Порт-Артура. Начав военные операции против России на китайской территории без согласия и вопреки интересам Китая, японское правительство продолжало лицемерно оправдывать свои действия особой "освободительной миссией" в Азии, стремлением защитить американскую политику "открытых дверей" в Китае, а на самом деле, вынашивая стратегические планы уничтожения сложившейся инфраструктуры поддержки Россией целостности китайского государства.¹³

С позиций сегодняшнего дня особенно цинично выглядит изощренная пропаганда тогдашнего японского правительства о стремлении "спасти Китай от порабощения западными державами". На практике же, сразу после того, как по условиям Портсмутского мирного договора 1905 г. Япония переняла арендные права России на владение Порт-Артуром, Дальним и южным участком КВЖД, она ввела там жесткий колониальный режим и начала создавать военный плацдарм для оккупации всей Маньчжурии и дальнейшего захвата внутренних провинций Китая.¹⁴ Наряду с ведущими западными державами Япония стремилась осуществить раздел китайской территории, рассчитывая колонизировать прежде всего Северо-Восток страны и Корейский полуостров.¹⁵

После японо-русской войны, когда Япония стала фактическим хозяином Южной Маньчжурии, ее правительство сразу отказалось от поддержки американской доктрины "открытых дверей" и равных возможностей в Китае. Захватив один из самых развитых (в значительной степени благодаря усилиям России) китайских районов, японцы приложили максимум усилий для того, чтобы "закрыть двери" в него для своих прежних "друзей" из США.¹⁶ В дальнейшем Токио настойчиво добивался и от других великих держав признания своих "особых интересов" в Корее и Маньчжурии. Однако, несмотря на поражение в войне, Россия оставалась серьезной военно-политической силой, которую японскому правительству было трудно игнорировать. Ситуация нашла свое временное разрешение 30 июля 1907 г., когда была заключена российско-японская конвенция, в соответствии с которой России удалось отстоять ряд своих внешнеполитических позиций, а значит и национальные интересы центрального китайского правительства в Северной Маньчжурии. Территорию Южной Маньчжурии Япония, несмотря на протесты из Пекина, начала обустривать как свою собственную колониальную провинцию. Фактически данная территория была изъята из-под юрисдикции Китая, и на ней был введен жесткий оккупационный режим.¹⁷

Показательным является факт, что после японо-русской войны японские финансовые активы в Китае территориально распределились следующим образом: в Маньчжурии — 132,6 млн. долл. (в основном бывшая российская собственность), или 68,9%; в остальном Китае — 59,9 млн. долл., или 31,1%. В самой Южной Маньчжурии около 55% японских активов приходилось на долю захваченной у России Южно-Маньчжурской железнодорожной компании. Это была по тем временам огромная собственность, самая крупная из всей, принадлежавшей до поражения в войне 1904-1905 гг. русским промышленникам за рубежами Российской империи. В зоне ЮМЖД успешно действовали крупные ремонтные и строительные предприятия, обеспечивавшие работу тысячам ки-

тайских рабочих. Расширявшиеся торговый порт Дальний, Фушуньские угольные копи, другие горнодобывающие предприятия приносили значительные средства в виде налогов в казну китайского государства. На российских предприятиях в Китае велось обучение первых национальных инженерно-технических кадров из представителей китайского населения. Таким образом, победа в войне с Россией принесла Японии весомые экономические выгоды.¹⁸ В то же время правительство Китая фактически лишилось суверенитета над Южной Маньчжурией, а китайское население в этом районе испытало на себе все "прелести" оккупационного режима самопровозглашенных "освободителей", превратившись на собственной земле в людей "второго сорта" и дешевую рабочую силу для японских монополий.¹⁹

Сегодняшний день также дает достаточно оснований для сопоставления той политической ситуации, в которой оказались современные Россия и Китай, с положением Российской и Китайской империй на рубеже XIX — XX вв.

История Китая учит тому, что его народ и любое правительство, претендующее на статус защитника национальных интересов страны, могут обрести взаимную поддержку только в случае приверженности главному цивилизационному принципу — неуклонному сохранению единого и неделимого китайского государства.²⁰ Руководство КНР считает сегодня эту задачу высшим национальным приоритетом. Для ее реализации китайское правительство сосредотачивает все имеющиеся материальные и интеллектуальные ресурсы на главном стратегическом направлении — для создания комплексной цивилизационной инфраструктуры, позволяющей проводить внутреннюю и внешнюю политику, обеспечивающую активное использование диалектики всестороннего динамичного развития китайского общества исключительно на основе традиционных культурных ценностей.

Будущая судьба российской цивилизации также видится на пути воплощения в жизнь традиционных национальных ценностей, следование которым позволяло нашим предкам сохранять и приумножать могущество великой державы. Эти ценности проверены временем. Они берут свое начало в философских принципах построения единого государства, сформулированных мыслителями Древней Греции и Византии, а также отечественными духовными радателями величия Российского государства. Практика жизни не раз доказывала, что только сильное государство в России способно сохранить сложившиеся национальные культуры, защитить народы нашей страны от иноземной зависимости.

История не раз свидетельствовала, что российский народ невозможно сломить ни военным, ни культурным иностранным нашествием до тех пор, пока он остается верным своему главному цивилизационному предназначению на земле своих предков. Это предназначение можно сформулировать в виде одного основополагающего принципа: "свято береги все то, что досталось тебе от предшествующих поколений".²¹ Минувшие сто лет дали исчерпывающий ответ на вопрос, какая тенденция должна доминировать во внешней политике современной России. Следует подчеркнуть, что на всех исторических переломах внешнеполитический курс Российского государства не может быть иным, кроме как опирающимся на сложившиеся моральные и этические ценности двухтысячелетней православной цивилизации. Сегодняшняя Россия обязана сделать для себя выводы, которые станут основной предпосылкой к сохранению устойчивого развития национальной экономики, а значит — и обеспечению цивилизационной безопасности многонациональной российской культуры. Сто лет назад Россию уже пытались лишить возможности спокойно развивать свое хозяйство на дальневосточных землях, ставя под сомнение ее государственные границы. Более того, со стороны Японии и США была предпринята попытка

военным путем навязать соседнему китайскому государству грубый колониальный режим. Видимо, вторгаясь в Корею и Китай, Япония не смогла в полной мере оценить реальный потенциал своей внешней политики, а главное, пределы собственных экономических возможностей. Победа в той войне расплалила амбиции тогдашней японской элиты, которые в результате привели страну к сокрушительному поражению и национальной катастрофе во второй мировой войне. Примечательно, что это поражение нанесли японцам американцы, до этого всегда и всецело поддерживавшие Токио в противостоянии с Российской империей. Впоследствии, однако, и сама Америка оказалась вынужденной отступить практически со всех своих стратегических позиций в Корее и Китае. Только значительно позднее правительство США осознало одно важное обстоятельство — существует рубеж, за которым в принципиальных вопросах даже ближайшие союзники перестают быть таковыми.

Сегодня Соединенные Штаты Америки не скрывают, что не собираются снимать с Японии “смирительную рубашку” в виде американо-японского договора безопасности и, как ни странно, с этой точкой зрения из области “высокой политики” готовы согласиться Россия и все страны Восточной Азии, включая Китай.

1. Фудзимару Тору. Киндайнихон кэйдзайси. Киндайнихон кэйдзай-но тэнкан [История экономики современной Японии. Поворотный момент в экономике современной Японии]. Токио, 1956. С. 53.
2. Витте С. Ю. Воспоминания. Царствование Николая II: Слово. Берлин, 1922. Т. I. С. 72.
3. Yoshi Kuno. Japanese Expansion on the Asiatic Continent. Tokyo, 1964. Vol. II. P.317-318.
4. Remer G.F. Foreign Investments in China. New York, 1933. P.429.
5. Дзиндзи симпо. 28(16)мая. 1895. Приложение № 4. АВПР. Японский стол. № 900. С. 152.
6. Ниппон. 1895. 12 июля. Кокай. 1895. 22 июля; Кокумин. 1895. 18 августа.
7. Pollard, R.T. American - Korean Relations 1882—1895. //The Chinese Social and Political Science Review. 1932. Vol.XVI. No.3. P.467-469.
8. Телеграмма Вебера от 20 (8) апреля 1895 г. АВПР. Кит. стол. Всеподданнейшие доклады. 1895. № 3053. С. 84.
9. Observer. 27 October 1985.
10. Yonehara Tadao. A Shot History of Modern Japan. Tokyo, 1966. Vol. I. P.11-15.
11. Uyehara S. The Industry and Trade of Japan. London, 1926. P.126.
12. Послесловие к Порт-Артурскому процессу. Сборник статей. СПб, 1908. С. 17.
13. Бурцев В.А. Царь и внешняя политика. Виновники русско-японской войны. По тайным документам: записке Ламсдорфа и Малиновой книге: Frowein. Berlin, 1910. С. 7.
14. Протоколы Портсмутской мирной конференции и текст договора между Россией и Японией, заключенного в Портсмуте 23 августа (5 сентября) 1905 г. СПб., 1906. С. 101-104.
15. Muller F. Der russisch-japanische Krieg. Seine Vorgeschichte, sein Ausbruch und seine Folgerungen, dargest.v.Dr.Phil.Franz Muller: Walter. Berlin, 1905. S.40.
16. Kann R. Journal d'un correspondant de guerre en Extreme Orient. Japon—Mandchourie—Coree: Calmann-Levy. Paris, 1905. P.87.
17. Asakawa K. The russo-japanese conflict; its causes and issues. With an introd. by Frederick Weels Willams: Constable. London 1905. P.391.
18. Гейден А., граф. Итоги русско-японской войны 1905. Пг., 1914. С. 101.
19. Pinon R. Origins et resultats de la guerre russo-japonaise: Perrin. Paris, 1906. P.521.
20. Дай И. Наша цель — единство Родины // Народный Китай (на кит. яз.). № 13. 1955. С. 35-36.
21. Виноградский А.Н. Японо-русская война. Причины, театр войны и средства сторон: Общество ревнителей военных знаний. СПб., 1904. С. 3.

Распад Советского Союза и проблемы новой России: уроки для Китая

© 2003

Кристофер Марш

Та модель, которая была осуществлена в нашей стране, провалилась, и я надеюсь, что это урок не только для нашего народа, но и для всех народов.

Михаил Горбачев, 1991¹

Когда в Восточной Европе и Советском Союзе разворачивались события 1989-91 гг., Китай, казалось, был готов следовать по похожему пути к демократизации. Однако, в отличие от коммунистических лидеров СССР и стран Восточной Европы пекинские руководители удержали власть, прибегая к исключительным мерам, таким, как разгон мирной студенческой демонстрации на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 г. Многие исследователи видели в этом инциденте только кратковременную отсрочку проблемы и ждали неизбежного падения коммунизма в Китае. Сегодня, по прошествии десяти с лишним лет, они все еще ждут.

Некоторые наблюдатели продолжают спорить о неизбежности приближающегося распада, в то время как другие, более трезвые голоса предупреждают нас не ждать, затаив дыхание.² Сегодня существует несколько разных представлений о будущем Китая. По прогнозам самых оптимистически настроенных экспертов, можно ожидать мирного перехода к демократии приблизительно к 2015 году,³ в то время как более осторожные наблюдатели видят постепенную трансформацию подобного рода где-то за горизонтом.⁴ Другие же по-прежнему цепляются за идею неизбежного распада.⁵

Дополнительный фактор, который многие упускают из виду, состоит в том, что китайские лидеры стремятся извлечь уроки из распада Советского Союза и проводить политику, которая поведет страну по пути постепенных реформ и поможет избежать падения режима. Поэтому, вместо того, чтобы развалиться под грузом реформ, Китай вполне может выстоять. Как утверждает Гао Фан, один из ведущих китайских исследователей проблем Советского Союза, "самое большое отличие реформ в СССР и Восточной Европе в том, что они потерпели неудачу, что привело к смерти партии, страны и социализма. Мы же добились успеха, что привело к выживанию партии, страны и социализма".⁶ Поэтому, в отличие от Запада, провал коммунистической власти в Советском Союзе не рассматривается Китаем как предопределение провала ком-

Кристофер Марш — доктор философии Бэйлойского университета, Техас, США.

* Выступление на XIV Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, сентябрь 2003 г.).

мунистической власти в нем самом. Фактически на это смотрят с совершенно противоположных позиций, так как Китай имеет возможность извлечь важные уроки из распада СССР.

Взаимозависимость реформ в коммунистических странах

Кризис коммунизма в 1989-91 г.г. не был ни серией не связанных между собой событий, ни просто финальным актом драмы марксизма-ленинизма, разыгранным перед мировой аудиторией. События, происходившие в одной стране, оказывали существенное влияние на другие страны, заставляя их лидеров и общество действовать и реагировать на наплыв этих событий по мере того, как они разворачивались. Визит Михаила Горбачева в Китай в середине мая 1989 г. является хорошим примером взаимозависимой природы реформ в коммунистических странах. Прибытие Горбачева в Пекин для обсуждения проблем нормализации китайско-советских отношений послужило стимулом для протестующих студентов, в результате чего число демонстрантов на улицах Пекина за несколько дней увеличилось до 300 тыс. человек. Студенты на площади Тяньаньмэнь развернули транспаранты, в том числе и на русском языке, называвшие Горбачева "великим реформатором", "освободителем" и "посланником демократии".⁷ Один из ученых Пекинского университета предсказал даже, что "цветы политических реформ цветут в Советском Союзе, но дерево принесет плоды в Китае".⁸ К сожалению, Дэн Сяопин имел в виду совершенно другой пример. По свидетельству членов КПК, он "ставил в пример хорошей общественной дисциплины" советские войска в Тбилиси, которые в апреле того же года при помощи слезоточивого газа, лопат и дубинок жестоко расправились с демонстрантами.⁹

Даже при кратком рассмотрении взаимосвязанной природы событий, происходивших в коммунистических странах в 1989-91 г.г., видно, что происходившее в одной стране оказывало влияние на события в другой, а лидеры одной страны извлекали уроки как из удачного, так и из неудачного исхода событий в другой.

Акцент на взаимозависимой природе реформ в Советском Союзе и Китае не означает, однако, отказа от признания значимости других факторов, таких как структурные условия, институты, политическая культура или социальная мобилизация. Все они играют существенную роль в политических преобразованиях.

Одним из наиболее важных является вопрос о том, какие уроки пытаются извлечь из факта падения коммунизма в Советском Союзе и Восточной Европе китайские руководители. Несомненно, распад Советского Союза в декабре 1991 г. имел особое значение, так как был сигналом надвигающейся опасности. Поэтому данное событие, безусловно, повлияло на представление китайцев о коммунизме и его жизнеспособности, а, следовательно, и на их стратегию реформ.

Прошлое Советского Союза и будущее Китая

Распад Советского Союза стал сюрпризом для всех в мире, даже для тех, кто направлял свои усилия на уничтожение коммунизма. Сегодня некоторым, возможно, очень не терпится предсказать подобное крушение коммунизма и в Китае. Но важно избегать прямых аналогий с Советским Союзом и не пытаться подогнать Китай под советскую модель. Не менее важно осознать, что те самые условия, которые привели некоторых к тому, чтобы поспешно предсказать в Китае надвигающийся развал в советском стиле, на самом деле

могут сделать его *менее* вероятным, потому что китайские политики сумели извлечь уроки из того опыта, который служил опорой их власти.

Распад Советского Союза является исключительно важным и информативным событием для понимания будущего Китая. Как и все остальные политики, китайские лидеры проводили соответствующие аналогии. Поэтому не удивительно, что распад СССР стал катализатором вызревания стратегии реформ, фундаментально отличной от стратегии КПСС. Китайские политики стремились использовать в ней уроки, извлеченные ими из распада Советского Союза, которые могли помочь им лучше ориентироваться в пространстве коммунистических реформ.

Те, кто хорошо знаком с реформами в Китае, знают, что китайцы очень сильно интересуются проблемой развала Советского Союза. Этот феномен был отмечен многими исследователями в данной области. В своей работе по изучению успеха китайских реформ и провала перестройки в Советском Союзе Питер Нолан приходит к выводу, что "события, происходившие в одном из этих коммунистических гигантов, являлись реакциями на выбор политики в другом".¹⁰ От Нолана не ускользнул тот факт, что "страх китайского руководства перед последствиями более масштабных политических изменений значительно усиливался ускорением политической дезинтеграции в СССР в конце 1980-х годов, а также падением коммунизма в Восточной Европе в 1989 г."

Другие исследователи определили конкретные области, в которых Китай стремился извлечь уроки из зарубежного опыта. Примером могут служить работы Нины Гальперн и Чеслава Тубилевича об изучении в Китае экономического опыта Восточной Европы.¹¹

Если мы хотим добиться полного понимания китайских реформ, нам необходимо сначала понять, какое влияние распад Советского Союза оказал на стратегию реформ руководства КПК, и как политики используют извлеченные ими из данного опыта уроки, чтобы сохранить у власти режим, пока они пытаются установить баланс с силами модернизации и демократизации. Хотя нет гарантии, что им будет сопутствовать успех, осознание этого фактора меняет представление о будущем Китая, в котором существует реальная возможность того, что политические уроки советского опыта могут помочь предотвратить крах режима на неопределенное время.

Учась на ошибках товарищей

Есть веские причины считать, что распад Советского Союза оказал серьезное влияние на стиль мышления партийного руководства и китайских граждан. Действительно, он резко изменил значение популярного в 1950-е гг. китайского лозунга, гласившего, что "сегодня Советского Союза — это наше завтра". Могло ли однопартийное государство, созданное по образцу Советского Союза, основанное на той же идеологии и сталкивающееся с похожими проблемами, рассматривать события 1989-1991 гг. в Восточной Европе и СССР, как не имеющие последствий для самого себя?

Не трудно найти доказательства того, что китайцы постарались извлечь уроки из распада Советского Союза. Дэн Сяопин во время падения Берлинской стены и развала Советского Союза полагал, что эти уроки могли бы быть использованы для укрепления КНР. Вскоре после распада СССР Дэн публично заметил, что "у некоторых [социалистических] стран серьезные неприятности. Кажется, социализм ослабевает, но люди... могут научиться на этих уроках. Это может помочь нам улучшить социализм и повести его по пути более здорового развития... [Я] не думаю, что марксизм исчез, вышел из употребления или потерпел неудачу."¹²

Президент Цзян Цзэминь, который пришел к власти вслед за расстрелом демонстрации на площади Тяньаньмэнь, имел похожие взгляды на значение распада Советского Союза: "После семидесяти с лишним лет строительства социализма в СССР случилась большая трагедия развала. Почему? Необходимо глубоко и всесторонне исследовать случившееся, выделить причины и вынести из этого уроки". Если это сделать правильно, "то будет новое развитие марксизма-ленинизма".¹³

В 90-е годы после того, как Китай устоял, президент Цзян начал призывать к проведению серьезного исследования причин распада Советского Союза с целью понять его значение для будущего Китая. Ведущие специалисты страны откликнулись на этот призыв: "Изучение причин развала Союза в данный момент очень важно для Китая... так как [это] поможет нам усовершенствовать процесс наших реформ...создать фундамент социализма с учетом китайских особенностей, а также повести страну далеко в будущее и сохранить Китай безопасным, стабильным и непоколебимым."¹⁴

Распад Советского Союза повлиял не только на политиков. Китайские граждане разных убеждений также находятся под глубоким влиянием краха советского коммунизма. В исследовании Пэн Яли о демократии и политических дискуссиях в Китае делается вывод о том, что распад СССР способствовал формированию в Китае политической атмосферы, в которой отдается предпочтение сильному "корпоративистскому" государству в руководстве переходом от государственного социализма к рыночной экономике.¹⁵ Те, кто придерживается таких взглядов, указывают на негативный опыт советского блока и утверждают, что "сильное государство может быть необходимо для поддержания политической стабильности в переходный период".¹⁶ Однако подобные идеи присущи не только тем, кто отдает предпочтение "корпоративистскому" государству. Те, кто склоняются в сторону социал-демократической парадигмы, и при этом поддерживают право частной собственности, свободный рынок и снижение роли государства в управлении экономикой, также обеспокоены массовым принятием ценностей западного либерализма, утверждая, "что сегодня русские страдают потому, что Россия встала на либеральный путь".¹⁷

Следуя призыву президента Цзян Цзэминя, соответствующие исследовательские центры занялись изучением проблем распада СССР. Результатом их деятельности стало издание большого количества книг о распаде Советского Союза. Многие из них содержали специальные разделы, посвященные урокам, которые следовало извлечь из этого опыта.¹⁸

Едва ли не каждая издаваемая в КНР статья или книга о России содержит рассуждения о параллелях между советской и китайской коммунистическими системами и о значении этого для будущего Китая.

Обзор некоторых из них может дать представление о характере приложенных усилий.

Уроки распада Советского Союза

Несколько недель спустя после попытки осуществления переворота в Советском Союзе в августе 1991 г. китайские ученые начали размышлять о том, какое значение крах коммунизма в СССР имеет для Китая. В документе для внутреннего пользования, озаглавленном "Реалистические ответы и стратегический выбор Китая после переворота в Советском Союзе" подготовленном отделом теории и идеологии газеты "Чжунго цинняньбао", было проведено исследование меняющейся ситуации и ее значения для будущего КНР.¹⁹ В нем признавалось сходство двух стран по целому ряду параметров и одновременно подчеркивались существенные различия между ними. Так, утверждалось, что Китай начал реформироваться значительно легче, чем Советский Союз, и его

реформы были намного успешнее. СССР был намного более разнороден по национальному составу, и подчеркивалось, что более 90 процентов китайцев — этнические ханьцы, в то время как в Советском Союзе этнические русские составляли чуть более половины населения. Часть ответственности возлагалась также на православие как консервативную религию, препятствующую реформам. И, наконец, важным признавался тот факт, что СССР накануне своего распада отстоял уже очень далеко от времен большевистской революции, и, таким образом, в стране не осталось лидеров революционного периода, в которых мог верить народ.

Более существенными, чем причины распада Советского Союза, являлись для авторов документа уроки этого события для Китая. Они утверждали, что было бы неправильно переделывать китайскую систему на капиталистический манер, как попытались сделать в СССР, двигаясь из крайней левой в крайнюю правую позицию. Они рекомендовали партии трансформироваться из революционной в правящую и перестать тратить время на классовую борьбу, бороться с коррупцией и стараться заручиться поддержкой народа путем предоставления ему большей демократии и свободы, но в определенных пределах. Ответ заключался не в том, чтобы ориентироваться на западные стандарты, а в том, чтобы вернуться к традиционной китайской философии, такой как конфуцианство. Отмечалось также, что наиболее глубокое влияние на Китай распад СССР оказал в вопросах идеологии. Исходя из этого, рекомендовалось ослабить диктат партийной идеологии, чтобы люди могли поддержать общепринятый набор ценностей, а партия, таким образом, — получить народную поддержку.

Поскольку марксизм-ленинизм больше не рассматривался как эффективное средство выражения лояльности государству и обоснования законности его существования, необходимо было создать новую идеологическую базу, чтобы узаконить правление КПК. Именно тогда для повышения легитимности партии впервые обратились к китайскому национализму.

Почти все эти темы, впервые изложенные в материале “Чжунго цинняньбао” в сентябре 1991 г., впоследствии были расширены, развиты и отражены в литературе, посвященной распаду Советского Союза. Во всех этих работах исследуются причины развала СССР и предпринимаются попытки определить его значение для Китая, причем авторы большинства из них основными виновниками случившегося называют КПСС и саму советскую систему.²⁰ По мнению китайских ученых, КПСС, будучи революционной партией, так и не стала действительно правящей, оставаясь слишком догматичной и негибкой, как и система, которой она управляла. В данных исследованиях возлагается также определенная вина на советских лидеров, которые не начали реформ раньше. Даже Михаил Горбачев, автор наиболее комплексной программы реформ Советского Союза, является объектом критики, так как перестройка надела слишком много ошибок и выглядела наивной. В работах упоминается также кризис системы, с которым столкнулся Советский Союз, и который означал, что задачи в области развития производства так и не были достигнуты, что и привело к потере народной поддержки.²¹ Эта ситуация усугублялась этническим фактором, о котором говорят, как о “пороховой бочке распада СССР”.²² В тех же исследованиях приводится довод о ключевой роли, которую сыграл в дестабилизации системы затянувшийся конфликт в Афганистане.²³

Свою попытку переоценить советский опыт и причины, приведшие к распаду СССР, Лу Наньцюань и Цзянь Чанбин начинают с исторического переосмысления этого опыта за весь период от большевистской революции до падения коммунистического режима. Ленин в целом рассматривается как хо-

роший лидер, которого особенно высоко оценивают за его новую экономическую политику (НЭП): в современном Китае НЭП ценится очень высоко.

Вывод Лу и Цзяна о том, что Сталин — главный виновник неудачи Советского Союза, не является сюрпризом. Сталина не считают “предателем дела революции” и не ругают за “чистки”, а скорее критикуют за отказ от НЭПа, попытки экспортировать коммунистическую революцию и проведение территориальной экспансии. Исследователи указывают на множество благоприятных моментов на протяжении всей советской эры, когда можно было начать реформы, предотвратив тем самым развал страны. Сталин рассматривается авторами исследования как единственный лидер, поведший СССР по неправильному пути. В то же время каждый последующий руководитель, от Хрущева до Горбачева, также считается ответственным за отказ от проведения программы комплексных реформ, которые позволили бы отказаться от догматического подхода к строительству социализма и ввести рыночные механизмы.

Спорным остается только вопрос о том, мог или нет Горбачев возглавить программу реформ, которая возродила бы Советский Союз, не приведя его к развалу. Многие китайские ученые утверждают, что это было маловероятно, поскольку система имела уже так много проблем, что их невозможно было исправить. Тем не менее, один из них с этим не согласен. Гао Фан, один из самых авторитетных специалистов в этой области, полагает, что если бы Горбачев “был созидательным марксистом”, он мог бы провести в Советском Союзе эффективные реформы и избежать развала.²⁴

При рассмотрении непосредственных причин распада СССР Лу Наньцюань, Цзян Чанбин и другие авторы уделяют также внимание национальному вопросу. В этом отношении с исследованиями западных специалистов перекликается аргумент Гэ Линьшэна и Ху Яньфэня²⁵ о том, что Горбачев *гласностью* развязал националистические устремления, которые подняли амбиции тех, кто хотел получить независимость. Лу Наньцюань, Цзян Чанбин и их коллеги пришли к выводу, что он не уделял должного внимания национальным проблемам, вероятно надеясь, что если удастся решить другие проблемы страны, то этот вопрос разрешится сам собой. Они утверждают, что, осуществляя свою программу реформ, Горбачев допустил три критические ошибки. Первая заключалась в том, что через *гласность* он способствовал открытому обсуждению истории, не отдавая себе отчета в том, что “в советских шкафах было спрятано много скелетов”. Вторая ошибка состояла в том, что *гласность* привела к открытым дебатам в обществе, в результате которых, по мнению исследователей, позиция КПСС была подвергнута сомнению, и партия потеряла легитимность. И, наконец, неспособность Горбачева удержать Союз как единое целое рассматривается как последнее звено в цепи причин, разваливших СССР.

В работе, опубликованной в ознаменование десятилетней годовщины распада Союза, Хуан Вэйтин отмечает, что падение СССР не только является огромной трагедией, но также и зеркалом для Китая, позволяющем видеть все страдания, сопровождающие подобный развал²⁶. Хуан Вэйтин перечисляет шесть факторов, которые, по его мнению, привели к падению коммунизма в Восточной Европе. Первым из них является идеологический догматизм и привычка слишком жестко придерживаться теории, что ведет в конечном итоге к экономическому спаду. С этим фактором близко связана сверхцентрализация экономики. Еще одним фактором является излишняя бюрократизация, при которой бюрократия обладает монополией на власть. Также не остались без внимания чрезмерные затраты на гонку вооружений и глобальное соревнование с Соединенными Штатами. По мнению Хуана, эти ресурсы лучше было бы потратить на экономическое строительство и повышение уровня жизни населения.

Фактором, которому на Западе было уделено сравнительно небольшое внимание, является быстрая смена идеологии, необходимая для проведения в Советском Союзе *перестройки*. На Западе часто обходят вниманием то, что советский режим на самом деле перешел практически за одну ночь от трактовки прибыли как грабежа к поддержке капитализма. Хуан, однако, считает быстроту, с которой это сделали, критической ошибкой и рассматривает смещение идеологии от догматизма "левого толка" к капитализму и излишнему свободо-мыслию, как слишком скорое. При внимательном прочтении его работы становится очевидным, что он видит в этом факторе главную причину, приведшую к потере КПСС легитимности.

И, наконец, фактор советских национальных меньшинств также связан с вопросом легитимности. Однако, в отличие от большинства западных исследователей, Хуан Вэйтин считает, что советский режим мог бы эффективно справиться с национальным вопросом при наличии достаточных финансовых средств. Хуан полагает, что если бы советская экономика функционировала лучше, а регионы СССР, в которых проживают нацменьшинства, на равных правах с остальными пользовались бы ее достижениями, они были бы рады оставаться частью империи. Вне всякого сомнения, такая интерпретация происходит из осознания автором существования в Китае собственных национальных проблем, а также обусловлена текущей политикой КПК, нацеленной на умиротворение нацменьшинств при помощи дополнительных финансовых средств.

Хотя Хуан утверждает, что эти шесть факторов сыграли решающую роль в распаде Советского Союза, однако, по его мнению, существовали еще две базовые причины, вызвавшие его. Это запоздалое обращение к реформам и всеобщая коррумпированность советской системы, особенно коррупция партийной верхушки. Он считает, что процветающая экономика и честное руководство могли бы предотвратить распад Советского Союза.

В китайской научной литературе, посвященной распаду СССР, практически отсутствует исследование роли религии и церкви. В то время как на Западе этому фактору, наряду с ролью гражданского общества в целом, было уделено много внимания, китайские исследователи, казалось, недооценили его значение.²⁷ Однако этого нельзя сказать о чиновниках китайского правительства. В документе для внутреннего пользования Бюро по делам религий при Госсовете КНР, озаглавленном "Текущие религиозные проблемы Китая: вновь об исследовании пяти характеристик религии"²⁸, говорится: "Дезинтеграция Советского Союза и резкие перемены в Восточной Европе явились результатом местных политических и экономических неудач, а также обостряющихся там социальных противоречий, включая неудачную политику в отношении религии, которая привела к отчуждению верующих. Религия стала оружием в руках диссидентов для подстрекания масс и провоцирования политических волнений, ускоряющим таким образом падение коммунистических партий в Советском Союзе и Восточной Европе".²⁹

Совершенно очевидно, что китайские лидеры осознали, что церковь и другие факторы гражданского общества могут играть важную роль в разрушении коммунизма.

Другие темы, которые прослеживаются в китайской литературе, посвященной распаду СССР, фокусируются на роли партии и народной поддержки. КПК должна трансформировать себя в правящую партию и получить от центрального руководства больше автономии и больше законодательной инициативы.³⁰ Партии предлагается также допустить существование в обществе альтернативных голосов либо посредством подключения к дискуссиям других партий, либо через усиление роли групп влияния. Однако авторы не считают, что партия должна отказаться от своего руководящего положения, как это сделала

КПСС, поскольку в этом видится основная причина распада Советского Союза. Существует общее мнение, что партия должна работать, чтобы заслужить поддержку и доверие народа, борясь с коррупцией, отказываясь от идеологического догматизма и делая все возможное, чтобы улучшить условия жизни простых людей. Это представляется особенно важным с точки зрения заботы об этнических меньшинствах страны, которые должны также иметь права и привилегии и быть удовлетворены своей жизнью в "срединном государстве".

При этом становится ясно, что сила и принуждение не сбрасывается со счетов как эффективное средство управления, особенно в том, что касается подавления инакомыслия, действий этнических сепаратистов, недовольных студентов или движения "Фалуьгун". К такому заключению можно прийти, учитывая жесткую критику Горбачева за то, что он старался избегать использовать силу в Восточной Европе и республиках СССР. Таким образом, этнический аспект развала Советского Союза дает важную информацию для размышлений о реформах в Китае, особенно в контексте его традиционной культуры, делающей упор на порядок и оправдывающей применение жестких методов подавления инакомыслия во имя сохранения стабильности режима.

Уроки новой России для Китая

Помимо уроков, связанных с распадом Советского Союза, который нашел отражение в китайской научной литературе последнего десятилетия, китайские лидеры уделяют существенное внимание другим важным урокам уже постсоветского периода. Один из наиболее очевидных уроков заключается в том, что развал СССР не принес, как ожидалось, процветания и стабильности ни Восточной Европе, ни республикам бывшего СССР. В то время как несколько государств Восточной Европы, таких как Чехия и Венгрия, довольно успешно шагают по дороге демократии и экономического прогресса, разрушения в бывшей Югославии, напряженность в Приднестровье и другие негативные процессы являются более тревожными симптомами. Конечно, для Китая более близким объектом для сопоставлений является не Восточная Европа, а Россия. Здесь война в Чечне, десять лет экономических потрясений и значительное снижение международного авторитета также не сулят лучшей перспективы.

В свете этих фактов не должно стать сюрпризом, что китайские лидеры и множество простых китайцев чувствуют, что их собственный выбор оправдан. Хотя китайские интеллектуалы сокрушались по поводу жестокости методов, использованных для разгона протестовавших студентов в июне 1989 г., события нескольких последующих лет в Восточной Европе и Советском Союзе показали, что если бы в то время китайский коммунистический режим пал, все могло оказаться намного хуже, приведя к экономическому спаду, бесконтрольной коррупции и даже гражданской войне. Подобными идеями пропитаны в Китае научные исследования российской политики постсоветского периода.³¹

В то время как большинство западных исследователей согласились бы с теми краткосрочными издержками, связанными со сменой режима и являющимися частью цены, которую необходимо заплатить за удовольствие жить при демократии, китайские ученые относятся к этому скептически. Данную точку зрения ясно выразил Чжан Шухуа, утверждающий, что Запад делает слишком большой упор на демократию и недостаточно большой на стабильность и процветание, которые одинаково важны.³²

Другой важный урок, который усвоили китайские лидеры, заключается в том, что жизнеспособность коммунистических партий и политиков является долгосрочной целью, и что добровольная передача власти силам оппозиции — это не то, чего на самом деле хочет народ. Вероятно не является простым совпадением призыв Цзян Цзэминя в 1996 г. обратить внимание на уроки краха

советского социализма и возвращение к власти нескольких бывших коммунистических партий в Восточной Европе, а также успешное участие на думских выборах в декабре 1995 г. Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ). Ее выступление на выборах 1999 г. в Государственную думу также укрепило специалистов в мысли о том, что коммунистические партии еще рано списывать со счетов и выбрасывать на "свалку истории".

На самом деле поддержка российскими избирателями КПРФ меньше по сравнению с количеством россиян, сожалеющих об окончании коммунистического правления. Данные опроса 1999 г. показывают, что несмотря на то, что почти 22% россиян, если бы у них был выбор, выбрали бы жизнь, которую они имеют сейчас, чуть более 64% все-таки выбрали бы жизнь до 1991 г. На конкретный вопрос, что они думают о распаде СССР, 77% респондентов ответили, что сожалеют об этом.³³ Более свежие опросы показывают, что более 13% россиян считают развал Советского Союза катастрофой глобального масштаба, а 43% — несчастьем для многих людей, живущих в государствах-преемниках.³⁴ Даже такие режимы, как в Польше и Румынии, чьи коммунистические революции были экспортированы из Москвы, стали в последние годы свидетелями возрождения коммунистической поддержки. Все это должно подсказать китайцам, что крах правления коммунистической партии не является неизбежным. Если коммунистические партии могут сохранить поддержку в тех странах, где социализм потерпел неудачу и было сделано так много ошибок, каковы тогда перспективы для коммунистического Китая, который постоянно добивается самых высоких в мире темпов экономического роста?

Когда Советский Союз начинал предпринимать попытки выхода из застоя, в который он вступил при Л.Брежневле, Китай уже развивал специальные экономические зоны и вводил элементы рыночной экономики, включая частную собственность, материальное стимулирование. Результатом этих мер стала экономика, рост которой составлял почти 10% в год, начиная с 1978 г., с четырехкратным увеличением ВВП за период с 1980 по 1995 г. Контраст с перестроечным Советским Союзом состоит в том, что данные экономические реформы не дискредитируют компартию, как это случилось в СССР. Наоборот они укрепляют ее. Начав раньше и позволив почувствовать успехи экономических реформ прежде, чем приступить к серьезным политическим реформам, таким, например, как выборы в сельской местности, КПК уже этим поставила себя в более выигрышное положение, чем КПСС, которая менее чем за пять лет проделала путь от реформ к развалу.

Поскольку КПК доказала, что может самостоятельно проводить эффективные реформы и улучшать материальные условия в стране, поддержка ее среди масс действительно велика. Одновременно с этим партия трансформируется, становясь менее догматичной и принимая в свои ряды представителей новой элиты. Кроме того, процесс демократизации продолжается: деревенские выборы становятся более демократичными, ВСНП приобретает все большую законодательную власть, распространяется либерализация средств массовой информации.³⁵ И, наконец, сегодняшнее партийное руководство весьма отличается от руководства десятилетней давности с точки зрения персоналий и взглядов. В начале XXI века Китай сильно рознится от того, каким он был в 1989 г., и его обстоятельства совсем не такие, как у Советского Союза в его последние дни.

Приближающийся распад Китая?

1989 г. оказался критическим моментом в истории коммунистических режимов. До этого времени ни одно из коммунистических государств никогда не распадалось. А здесь в течение каких-то двух лет их осталось только четы-

ре. Причем два из них — Северная Корея и Куба — только называются коммунистическими, давно став личными диктатурами под прикрытием марксизма-ленинизма. Между тем, Китай и Вьетнам “проводят на ошупь реформы, по существу равносильные отказу от марксистско-ленинского опыта”³⁶. Несмотря на то, что Китай и Вьетнам реформировали свои системы до такой степени, что практика применения к ним ярлыка “коммунистический” была поставлена под вопрос, тот факт, что эти государства по-прежнему управляются коммунистическими партиями и действуют в рамках марксистско-ленинской идеологии, хотя и сильно пересмотренной, не изменил фундаментальную природу этих систем.

Без боязни преувеличения можно утверждать, что реформы советского и китайского режимов были беспрецедентными, так как никогда прежде подобные изменения не пытались осуществить одновременно два правительства, которые в совокупности управляли почти двумя миллиардами людей более двухсот национальностей, проживающих на территории, занимающей половину планеты. Реформы, которые попытались осуществить Москва и Пекин, являлись беспрецедентными также и по своим результатам. Вопреки ожиданиям, события 1989 г. не выбросили мировые коммунистические режимы на “свалку истории”. Десять с лишним лет спустя самая многонаселенная страна мира уверенно смотрит вперед, олицетворяя собой волю к выживаемости коммунистической власти.

Предстоит увидеть, сможет ли КНР успешно двигаться по пути трансформации к созданию более свободного и обеспеченного общества, не развалившись под грузом реформ в процессе их осуществления. Хотя некоторые считают, что шансы на это весьма призрачны и утверждают, что согласно историческим фактам коммунистические режимы не могут принимать другие формы, и их падение неизбежно в результате попыток реформ³⁷, подобные утверждения основываются на “историческом детерминизме”, а не на здравом смысле. Утверждать, что Китай развалится, потому что так случилось с другими коммунистическими системами, так же нелогично, как говорить, что поскольку одни авторитарные режимы начали переход к демократии, то и все остальные авторитарные режимы сделают то же самое.

Если партийные лидеры пытаются трансформировать Китай в более либеральное государство, легитимность которого зависит от эффективности режима, шансы такой трансформации могут быть весьма неплохими. Однако, если в конце концов Китай будет не в состоянии реформировать себя и действительно распадется, то следует иметь в виду, что конечным результатом этого совсем не очевидно должна стать демократия. Подстрекатели, дезинтеграция, этнические распри и религиозные конфликты становятся все более вероятными по мере того, как государство демократизируется, затрудняя саму эту демократизацию.³⁸ Если учесть почти 100 миллионов представителей этнических меньшинств, разбросанных вдоль границ КНР, недавнюю историю политических репрессий и огромные масштабы страны с точки зрения территории и населения, распад Китая — это то, чего необходимо избежать любой ценой. При населении, составляющем одну пятую часть мирового, ядерном арсенале и региональных силах, питающих территориальные амбиции, распад Китая заставит Боснию, Косово и Чечню выглядеть как мелкие стычки.

В начале XXI века ситуация в Китае едва ли напоминает ситуацию десятилетней давности. КНР также не похожа на страну на грани развала. Самые верные объяснения того, почему коммунистический режим смог избежать краха, непосредственно связаны с конкретной политикой, проводимой руководством КПК и разработанной с учетом неудачи советского социалистического эксперимента. Хотя результат остается неопределенным, тем, кто ждет при-

ближающегося распада Китая, можно порекомендовать рассмотреть другие варианты, поскольку КНР делает все возможное, чтобы не повторить ошибок, приведших к развалу СССР.

1. Quoted in John Lichfield. US Insomniacs Phone the Gorbachev-Yeltsin TV Show // *The Independent* (London). 7 September 1991.
2. Jack Goldstone. The Coming Chinese Collapse // *Foreign Policy*. 1995. Pp. 35-52; Yasheng Huang. Why China Will Not Collapse // *Foreign Policy*. 1995. Pp. 54-68.
3. Henry Rowen. The Short March: China's Road to Democracy // *National Interest*. 1996. Pp. 61-70.
4. George Gilboy and Eric Heginbotham. China's Coming Transformation // *Foreign Affairs*. July-August 2001. Pp. 26-39.
5. Gordon Chang. *The Coming Collapse of China*. New York. 2001.
6. Гао Фан. Югуань сулянь цзюйбянь цзигэ чжунъяо взньти дэ фэньси // *Сулянь цзюйбянь шэньцэнцы юаньинь яньцзю*. Под ред. Лу Наньцюаня и Цзян Чанбина. Пекин, 1999. С. 137.
7. Bill Keller. Soviets and China Resuming Normal Ties After 30 Years // *New York Times*. May 17, 1989. P. A1; Sheryl WuDunn. Students in China Flood Main Square // *New York Times*. May 15, 1989. P. A8; 300,000 Flowers Bloom in China // *New York Times*. May 17, 1989. P. A26.
8. Quoted in Keller. Soviets and China Resuming Normal Ties After 30 Years. P. A1.
9. Bill Keller. Gorbachev Visits Beijing for Start of Summit Talks // *New York Times*. May 15, 1989. P. A1.
10. Peter Nolan. *China's Rise, Russia's Fall: Politics, Economics and Planning in the Transition from Socialism*. New York: St. Martin's, 1995. P. 5.
11. Nina Halpern. Learning From Abroad: Chinese Views of the East European Economic Experience. January 1977-June 1981 // *Modern China* 11: 1. January 1985. Pp. 77-109; Czeslaw Tubilewicz. Chinese Press Coverage of Political and Economic Restructuring of East Central Europe // *Asian Survey* 37:10. October 1997. P. 927-943.
12. Цит. по: *Сулянь цзюйбянь шэньцэнцы юаньинь яньцзю*. С. 3.
13. *Лунь дан дэ цзяньшэ*. Пекин, 2001. С. 410.
14. Цит. по: *Сулянь цзюйбянь шэньцэнцы юаньинь яньцзю*. С. 2.
15. Yali Peng. Democracy and Chinese Political Discourses // *Modern China* 24, 4. Oct. 1998. P. 437.
16. Ibid.
17. Ibid. P. 438.
18. В дополнение к *Сулянь цзюйбянь шэньцэндэ юаньинь яньцзю* см.: Лу Наньцюань, Цзян Чанбин, Сюй Куй, Ли Цзинцзе. *Сулянь синван ши лунь*. Пекин, 2001; Цзо Фэнжун. *Чжимин дэ цоу — сулянь дуйвай чжаньлюэ дэ яньбянь юй инсян*. Пекин, 2001; *Сулянь цзюйбянь синьтань*. Под ред. Гун Дафэя, Сюй Куя, Ян Чжэна. Пекин, 1998; Чэнь Синьмин. *Сулянь яньбянь юй шэхуйчжун гайгэ*. Пекин, 2002; Пу Голян. *Лунь сувэйтай тичжи дэ лиши дивэй цзи ци шицзянь цзяосюнь // Дунъюу чжунъя яньцзю*. № 1. 2001. С. 70-75.
19. *Сулянь чжэнбянь хоу чжунго дэ сяньши индуй юй чжаньлюэ сюаньцэ, Чжунго циньянь бао*, сысян лилунь бу. 1991. Сентябрь // *Чжунго чжи чунь*. 1992. Январь. С. 35-39.
20. Гао Фан. *Сулянь дунъюу цзюйбянь юаньинь яньцзю*. Пекин, 1992; Ван Чжэнцюань. *Сулянь куатай дэ гэнбэн юаньинь // Элосы яньцзю*. 2001. Декабрь. С. 5-9; Чжоу Шанвэн. *Сугун чанци бунэн цзодоа сань гэ дайбяо инчу дэ цзяосюнь // Элосы яньцзю*. 2001. Декабрь. С. 10-13; Цзо Фэнжун. *Даочжи сугун байван дэ цзи гэ гуаньцзяньсин иньсу // Элосы яньцзю*. 2001. Декабрь. С. 28-34; Пань Дэли. *Лунь сулянь цзюйбянь дэ сысян чжэнчжи гэньюань // Дунъюу чжунъя яньцзю*. 2001. № 5. С. 2-7; Пань Дэли. *Сугун сяньцинсин дэ санши юй сулянь цзюйбянь — сюэси 'сань гэ дайбяо' сысян, дуй сулянь цзюйбянь юаньинь цзай жэньши // Дунъюу чжунъя яньцзю*. 2001. № 6. С. 1-8; Хуан Вэйтин. *Сугун вандан шиньянь цзи*. 2002.
21. Сюй Чжисинь. *Лунь сулянь шибай дэ цзинци гэньюань // Дунъюу чжунъя яньцзю*. 2001. № 3. С. 1-10.

22. Чжан Шэнфа. Сулянь цзети юаньинь цзай тань // *Элосы яньцзю*. 2001. Декабрь. С. 16-27.
23. Там же.
24. *Сулянь цзюйбянь шэньцэнцы юаньинь яньцзю*. С. 151.
25. Там же. Гл. 5.
26. Хуан Вэйтин. Указ. соч.
27. Другое возможное объяснение состоит в том, что, как показали беседы автора с некоторыми китайскими учеными, эта тема пока слишком чувствительна, чтобы писать о ней в открытом виде, например в журнале. Действительно, недостаток письменных источников по данной теме может свидетельствовать о том, что она воспринимается очень серьезно учеными и правительственными чиновниками.
28. Этот документ перепечатан в: *China: State Control of Religion*. New York: Human Rights Watch/Asia. 1997. Pp. 116-144.
29. Ibid. P. 133.
30. Ibid. и Пань Гуан. Чжичжэндан дэ чжидао сысян гуаньси дао гоцзя дэ синван — цун сулянь цзети кань 'сань гэ дайбяо' сысян дэ чжунъяо ии // *Дунъоу чжунъя яньцзю*. 2001. № 6. С. 9-14.
31. Ху Цзянь. Элосы цзинци чжуаньгуй моши дэ сыкао — цзяньлунь чжунъя цзинци чжуаньгуй дэ бицзяо // *Дунъоу чжунъя яньцзю*. 2001. № 2. С. 79-84; Лоу Фан. Элосы: цун цзихуа дао шичан дэ цзяньнань году — тоуши 21 шицзи цзинци гайгэ мубяо // *Дунъоу чжунъя яньцзю*. 2001. № 6. С. 32-36; Сюй Полин. Чжундунъоу юй элосы цзинци чжуаньсин шинянь: дуби юй цзедзянь // *Дунъоу чжунъя яньцзю*. 2001. № 1. С. 22-29; Дунъоу цзюйбянь дэ гэньюань юй цзяосюнь. Под ред. Лю Цзуси. Пекин, 1995.
32. Чжан Шухуа. Миньчжу дэ цзяньсинь юй шэньхуа дэ поме, — дуй элосы шинянь чжэнчи чжуаньгуй дэ фэньси юй фаньсы // *Дунъоу чжунъя яньцзю*. 2001. № 4. С. 12-19.
33. *СССР и СНГ в Российском Общественном Мнении*. Москва: РОМИР, 2001.
34. *Новая Россия: Десять лет реформ глазами россиян*. Москва: Институт Комплексных Социальных Исследований, РАН. 2001. Октябрь.
35. Jie Cheng and Yang Zhong. Defining the Political System of Post-Deng China: Emerging Support for a Democratic Political System // *Problems of Post-Communism* 45:2. January-February 1998. Pp. 30-42; Murray Scot Tanner and Chen Ke. Breaking the Vicious Cycles: The Emergence of China's National People's Congress // *Problems of Post-Communism* 45:3. May-June 1998. Pp. 29-47; Timothy Brook and B. Michael Frolic. *Civil Society in China*. Armonk, NY: M.E. Sharpe, 1997.
36. Zbigniew Brzezinski. *The Grand Failure: The Birth and Death of Communism in the Twentieth Century*. New York: Charles Scribners, 1989. P. 12.
37. Bruce Dickson. Unsettled Succession: China's Critical Moment // *National Interest*. 1997. Pp. 64-72.
39. Samuel Huntington. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman, OK: University of Oklahoma Press, 1991; Jack Snyder. *From Voting to Violence*. New York: W. W. Norton, 2000.

К истории русской общины в Пекине

© 2004

А. Хисамутдинов

I

До 1917 г. в Пекине существовала небольшая русская община, членами которой являлись сотрудники Российского посольства, служащие отдела КВЖД, преподаватели школы русского языка и священники Российской духовной миссии.

В середине октября 1920 г. в Пекине прошло собрание представителей всех русских эмигрантских организаций Китая. В делегацию Харбина вошли председатель городского общественного управления П.С.Тищенко, уполномоченный того же управления доктор М.Ю.Козубовский, председатель биржевого общества Н.В.Водянский и член общества А.П.Опарин, председатель общества домовладельцев Д.В.Кусков и присяжный поверенный В.И.Александров, от общества судебных деятелей — товарищ прокурора Пограничного окружного суда Л.И.Изотов и юрист Г.Х.Нилус. Из Тяньцзиня приехал П.В.Вологодский. Основным решением собрания стало создание Комитета (объединенного) русских делегаций.

После окончания гражданской войны в 1922 г. положение сильно не изменилось. Несмотря на то, что Пекин был столичным городом, русские здесь не задерживались. Получив информацию о других русских общинах в Китае, они уезжали туда. Тем не менее, Пекин сохранял статус формального центра русской эмиграции. Именно здесь располагалась резиденция одного из лидеров российской эмиграции в Китае Д.Л.Хорвата. Его знания, опыт и авторитет в среде русских эмигрантов позволили ему занять почетную должность главы эмигрантских организаций на Дальнем Востоке.

В 1928 г. Д.Л.Хорват объявил всему дипломатическому корпусу иностранных представительств в Китае, что он избран главой "самоуправляющейся единой эмигрантской общины" (Русская национальная община). Под его председательством в Пекине 10-17 сентября 1930 г. состоялся Съезд представителей организаций, входивших в Дальневосточное объединение. "Совещание признало, — писал А.А.Пурин, — необходимым соглашение со всеми антикоммунистическими группами, не входящими в состав дальневосточного объединения за исключением атамана Семенова, так как на основании сведений, доставленных с советской территории и от партизанских отрядов в Приморской, Амурской и Забайкальской областях, выяснилась полная неприемлемость имени Семенова на русской территории"¹. По этому поводу было опубликовано специальное обращение.

У Д.Л.Хорвата имелись следующие представители: Н.А.Квашинский и В.М.Леонтович (Харбин), П.И.Кречетов (Хайлар), В.В.Политковский (Цицикар),

Хисамутдинов Амир Александрович, кандидат исторических наук, профессор Дальневосточного государственного технического университета (Владивосток).

И.А.Люблинский (Гирин), В.В.Блонский (Мукден), А.П.Воробчук (Тяньцзинь), К.П.Нечаев (Дайрен и Порт-Артур), М.М.Афанасьев (Гонконг и Кантон), А.А.Дьяков (Синьцзянская провинция), Ю.Н.Фомин (Шанхай) и др.

Большую роль в Пекине играла жена Хорвата, художница и литератор К.А.Хорват — председатель Русского благотворительного общества². Она часто помогала русским художникам, приезжавшим в Пекин, а роман "Торжество любви" посвятила своему брату А.А.Бенуа, жившему в доме Хорватов. После смерти своего мужа она пыталась собрать архивные материалы о жизни Хорвата, обратившись через газеты к русским эмигрантам.

В начале 30-х годов численность русской общины в Пекине еще более уменьшилась. "В Пекине в настоящее время, — писал корреспондент, цитируя английскую газету "Пекин-лидер", живет от 200 до 300 русских, считая недавно прибывших белых, и около 300 семей советских подданных. В 1927 г., по сведениям главного управляющего китайскими таможенными, русских в Китае насчитывалось 68097 человек, в то время как англичан — 11614. В указанное выше число не входят, надо полагать, русские, проживающие в Харбине и Маньчжурии"³. Положение выходцев из России было весьма незавидным, так как они были лишены всяких прав⁴. Многие предпочитали уехать в Харбин и Шанхай, где было проще найти работу без знания китайского языка. В то же время в Пекине работало немало русских предприятий. Все кабаре, рестораны и кафе содержатся почти исключительно русскими. Русские артисты, кельнерши и повара. Особенно популярными были крупные кабаре "Альзар" и "Интернейшн"⁵. Много русских врачей и медсестер работали в Рокфеллеровском институте. К огорчению эмигрантов, Русская миссия находилась в стороне от делового центра, и они построили небольшую церковь в районе, где проживало наибольшее число русских людей.

Русская национальная община окончательно прекратила существование с учреждением 10 ноября 1937 г. пекинского отделения Антикоминтерна. В нем имелись следующие отделы: экономический, культурно-воспитательный, военный, казачий, дамский кружок и благотворительное общество⁶. Все службы отделов разместились в Пекинском российском доме, открытом 12 декабря 1937 г. Финансовой основой отделения стал кооператив, который занимался в основном снабжением и продажей товаров. Существовала русская столовая, где можно было недорого поесть. Были открыты разнообразные кружки. После закрытия Антикоминтерна пекинцы основали Российский эмигрантский комитет, просуществовавший до конца второй мировой войны.

II

Основным научным направлением деятельности в сфере русской эмиграции в Пекине было востоковедение, которое включало многие аспекты китаеведения, а также прикладные науки. Одним из наиболее известных ученых, трудившихся в этом городе, был С.М.Широкогоров. И.И.Серебренников отмечал: "В области антропологии подготовлен к печати на английском языке капитальный труд под названием "Рост и Этнос". Названный труд состоит из трех частей и шестнадцати глав и снабжен большим количеством таблиц, диаграмм, рентгеноскопических снимков, фотографий и т.п. Помимо этого С.М.[ихайлови]чем были собраны и обработаны обширные материалы по физической антропологии Китая. Эти материалы охватывают антропологические наблюдения, произведенные над 10000 отдельных лиц — тунгусов, маньчжуров, китайцев и т.п. Собраны обширные фольклористические материалы, относящиеся к различным племенам тунгусской расы. Они включают сказки, сказания, песни, шаманистические гимны и призывания. Среди материалов имеется одна маньчжурская эпическая поэма в стихах, рассказывающая о давно про-

шедших событиях в Амурском крае. В области лингвистики составлены русско-тунгусский и тунгусско-русский словари, содержащие около 30000 слов, и, помимо сего, лингвистические пояснения к некоторым тунгусским фольклористическим текстам... В 1936 году Широкогоров начал писать давно задуманный им труд над названием "Этнология", который он успел почти закончить. Труд этот состоит из двух томов, семи частей и 35 глав".

Пекин также был одним из центров практического востоковедения. Здесь располагалась Русская духовная миссия, накопившая огромный опыт в изучении Китая. Самым крупным специалистом в области языка считался И.П.Митрофанов. "Всесторонне образованный человек, бывший лицеист, блестяще владеющий английским, французским, немецким и китайским языками, выдающийся китаевед, И.П.Митрофанов производил чрезвычайно приятное впечатление. В отличие от многих других китаеведов, ему был присущ живой и глубокий интерес к жизни и быту населения Китая. Поражало и его обширное знакомство с международной синологической литературой"⁸. В Пекине работал Китайский институт русского языка и русской литературы. Старейшими преподавателями в нем были Я.Я.Брандт и И.Н.Веревкин. Китаевед И.С.Бруннерт был профессором Пекинского университета. Помимо преподавания японского языка в Русской школе он занимался общественной работой, был известным деятелем Антикоминтерна. Известным русским дипломатом и автором книг был И.Я.Коростовец. Китаевед С.А.Полевой все свободное время посвящал составлению русско-китайского словаря. Переводами с китайского и других языков занимался его коллега В.В.Долбежев, который с 1898 г. работал на дипломатических должностях в Китае. В Пекине Долбежев был секретарем Российского эмигрантского комитета. Свой вклад в китаеведение внес И.И.Гапанович, хотя он не был китаеведом по образованию. Публиковал научные статьи в "Экономическом бюллетене" и в "Вестнике Маньчжурии". В 1931 г. был приглашен на должность профессора истории в Национальный университет "Цинхуа" в Пекине, около 20 лет преподавал древнюю и русскую историю, написал несколько фундаментальных трудов об историческом синтезе.

III

В Пекине выходило немало русских изданий. Этому способствовало то, что в Китае существовала одна из старейших русских типографий в Успенском монастыре Русской духовной миссии в Пекине (одно время она находилась в Харбине). Тематика издаваемых книг была весьма широкой: от миссионерско-богословских и востоковедческих работ (труды членов Российской духовной миссии в Пекине) до литературно-исторических книг и учебников. Издавался здесь и журнал "Китайский благовестник". Всего с 1902 по 1906 гг. было выпущено около 40 изданий на русском и китайском языках. По заказу школьной секции Харбинского общества возрождения России в 1918 г. здесь напечатали около 100 тыс. учебников. Немало книг, выпущенных монастырской типографией, в дальнейшем было переиздано, в том числе востоковедческие работы и словари.

Понимая, что в условиях эмиграции нужно рассчитывать только на свои силы, архиепископ Иннокентий принял предложение юриста и предпринимателя В.В.Носач-Носкова об организации в Пекине коммерческого книгоиздательства и сдал типографию ему в аренду. На ее базе Носач-Носков основал в 1920 г. товарищество "Восточное просвещение", в которое на паях вошли некоторые деятели российской эмиграции в Китае. В декабре 1920 г. А.Н.Серебренникова приняла предложение Носач-Носкова стать корректором в новом издательстве. Узнав об этом, профессор Г.К.Гинс обратился к ней с просьбой проследить за корректурой его книги "Сибирь, союзники, Колчак", которая

там печаталась. Одно время руководителем издательства был И.И.Серебренников⁹. В начале 1922 г. по просьбе архиепископа Иннокентия он возобновил издание журнала миссии "Китайский Благовестник", напечатав в нем свою статью "Албазинцы".

Большую роль в русскоязычной печати Китая сыграл журнал "Русское обозрение", первый номер которого вышел в декабре 1920 г. Издателем выступила Дальневосточная лига свободы и прав человека. Редакторами-издателями были В.В.Носач-Носков и Г.К.Гинс. С обзорными статьями о политической жизни той поры в журнале выступил Г.К.Гинс, свои воспоминания предоставил П.В.Вологодский. Теоретическая статья профессора М.В.Абросимова и аналитический обзор экономического положения в регионе не мешали восприятию поэтических работ местных авторов (А.Нилуса, А.Герасимова, В.Иванова). В журнале хорошо заявила о себе чета И.И. и А.Н.Серебренниковых. Неплохим дополнением к разнообразным материалам стал раздел "Политический дневник", детально рассказывающий о событиях в регионе. Весьма ценной информацией был заполнен раздел "Библиография". В нем анализировалась не только литература, увидевшая свет в Китае, но и книги, опубликованные в Европе¹⁰.

Во втором номере журнала больше места заняла тема востоковедения, которая в дальнейшем получила дополнительное развитие. В нем были опубликованы не только обзорные материалы о Дальнем Востоке, но и художественные произведения о Китае. Читателей не мог не заинтересовать очерк Н.Лидина "В советской России. Письма из Иркутска". Г.К.Гинс и Н.Стрелкова выступили со статьями о творчестве Л.Н.Толстого. Следующий номер "Русского обозрения" вышел сдвоенным (№ 3-4) и был напечатан в Харбине. Одну половину номера занимали художественные произведения (Вс. Иванова, Е.Яшнова, М.Волошина и др.), в другую вошли материалы, посвященные экономике (Е.Яшнова, А.Савицкого, Г.Гинса и др.).

Пятый, майский, номер открывали стихи И.Бунина, отметившего свое 50-летие. Хотя поэзия и литература занимали существенную часть этого номера, в нем было много и других интересных материалов. Г.К.Гинс, написавший статью "Семья и брак в Советской России", привлек к сотрудничеству с журналом своих коллег с Юридического факультета. Философ Л.Зандер опубликовал очерк "Константин Леонтьев о прогрессе". Юрист В.В.Энгельфельд написал о новой германской конституции. Как всегда, журнал предоставил свои страницы тем, кто хотел поделиться воспоминаниями о недавнем прошлом. Так, Е.Е.Яшнов напечатал очерк "У истоков революции (из воспоминаний земского статистика)". Под псевдонимом "Случайный" скрывался участник событий в Монголии, написавший материал "В осажденной Урге: Впечатления очевидца". Раздел "Библиографии" открывался обзором альманахов, изданных в Шанхае ("Дальний Восток", "Желтый лик", "На чужбине").

В сдвоенном номере 6-7 за 1921 г. редакция продолжила публиковать материалы о Дальнем Востоке. Страницы журнала по-прежнему занимали статьи о востоковедении, принадлежавшие перу П.В.Шкуркина, М.В.Абросимова. Экономика и политика тоже оставались в центре внимания. Были опубликованы стихи местных авторов (М.Щербакова, Т.Баженовой). Привлекая авторов не только из Китая, но и из других стран региона, журнала напечатал очерк эмигранта из Японии Н.Амурского (Н.П.Матвеев), рассказавшего о кровавых событиях на Нижнем Амуре. В октябре 1921 г. вышел из печати последний, 10-й номер. Издание было прекращено, с одной стороны, по финансовым причинам, с другой стороны, в Харбине и Шанхае стали открываться новые журналы, с которыми было трудно конкурировать.

Ежемесячный иллюстрированный журнал "Архитектура и жизнь", орган Харбинского общества землевладельцев и домовладельцев, издавался

“Восточным просвещением” с января 1921 по 1922 г. Редактором-издателем был инженер Н.В.Никифоров. Журнал отличался превосходным полиграфическим качеством. Однако помимо статей о зодчестве в нем публиковались стихи и рассказы, содержание которых, по мнению рецензентов, не всегда соответствовало высоким требованиям. “Первые две книжки журнала, — писал Е.Е.Яшков, — имеют узко-местный — харбинский характер. Нам кажется, редакции не мешает несколько расширить сферу своего наблюдения. Даже ближайшие центры Дальнего Востока — Дайрен, Тяньцзинь, Шанхай и Пекин — представляют с точки зрения архитектуры и искусства много интересного”¹¹.

В начале XX века Китай открыл тюрьму для иностранцев в юго-западной части Пекина. При ней имелись церковь, больница и двор для прогулок. Первыми заключенными стали русские — около 70 человек, осужденных в основном за уголовные преступления, которые после 1917 г. потеряли право на экстерриториальность. Их привезли из Харбина и других городов Маньчжурии. Они-то и подняли вопрос об издании тюремной газеты. Издателями “Вестника Первой Пекинской тюрьмы” стали Ф.Беклемишев и китаевед А.П.Фридендер. “К сожалению, — вспоминал пекинец А.Баранов, — газета просуществовала недолго, так как с первых же шагов появились политические споры, и начальнику тюрьмы пришлось закрыть необычное издательское дело”¹².

IV

После второй мировой войны в Пекине, как и в других городах Китая, почти вся русская община была охвачена советским патриотизмом. Этому способствовало и то, что глава православной миссии Виктор перешел в советское гражданство. Как и во многих крупных городах Китая, в Пекине было основано Общество граждан СССР. Его председателем стал П.П.Ребрин, заместителем — А.Н.Спешнев, он же заведовал культурно-просветительской частью. Вторым заместителем был Н.И.Шикин, он же — заведующий экономической частью, секретарем являлся В.Д.Болдырев. В члены правления избрали Н.В.Успенскую, Г.А. и М.Г. Кибиревых, А.Н.Федоренко, Ю.Н.Петрову. В ревизионную комиссию вошли Л.В.Андреев (председатель), И.С.Бруннерт (секретарь) и М.А.Квишко¹³. В основном занимались культурно-просветительской деятельностью, организовали оркестр, музыкальный кружок и кружок самодеятельности, была создана своя библиотека. В Обществе часто устраивались показы советских фильмов. Особенно активной была молодежь, которая состояла в комитете Союза советской молодежи.

Немало среди русских пекинцев было, однако, и тех, кто продолжал отрицательно относиться к Советской России. Успехи Народно-освободительной армии Китая породили среди них большую панику. Некоторые уже хорошо знали о депортации из Харбина в СССР. Все, кто имел хоть какие-то связи, старались получить визы и уехать в другие страны. Тем, у кого не было такого шанса, оставалось одно — отправиться с общей группой, которая формировалась в Шанхае. Там подготовительная работа началась в конце 1948 г., эвакуация — в начале 1949 г.¹⁴. Последний пароход из Шанхая на Филиппины пришел 20 мая 1949 г. “В срочной эвакуации иностранцев из Шанхая заключается и наше, русских эмигрантов и эмигрантов других национальностей, оправдание. Мы, несмотря на все уговоры темных сил, не соблазнились заманчивыми предложениями, а предпочли всему джунгли, и в этом отношении мы нашли в лице Международной организации помощи беженцам полную поддержку”¹⁵.

Тем не менее большинство русских пекинцев предпочло репатриироваться. 30 мая 1954 г. из Пекина в СССР отправилась для работы на целине первая партия бывших русских эмигрантов — 136 человек. В последнюю группу, которой руководил П.Фиалковский, вошли 126 репатриантов¹⁶.

1. Пурин А. Совещание эмиграции. Объединение дальневосточных русских групп // Новая заря. Сан-Франциско, 1930. 23 октября.; См. также: Курбский И. Быль о Пекине // Русская жизнь. Сан-Франциско, 1958. 29 апреля.
2. Русский бал в Пекине // Шанхайская заря. Шанхай, 1932. 15 июня.
3. Русские в Китае // Новая заря. 1930. 4 июня.
4. Русские эмигранты на Дальнем Востоке // Новая заря. 1937. 21 августа.
5. Шибанов И. Как живет русская колония Пекина // Новая заря. 1933. 13 июля.
6. Пекинец. Открытие Российского дома в Пекине // Возрождение Азии. Тяньцзинь, 1937. 14 декабря.
7. Профессор С. М. Широкогоров: Некролог // Возрождение Азии. 1940. 7 марта.
8. Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т. 2. В эмиграции. Тяньцзинь: //Наше знание. 1940. С. 76-82.
9. Серебренников И.И. Указ. соч. С. 120.
10. Серебренников И.И. Сибиреведение. Харбин, 1920; Швиттау Г.Г. Русская кооперация на международном рынке. Берлин, 1920; Настольный календарь сибирской кооперации на 1920 г. Шанхай, 1920; Русский эмигрант. 1920. № 1 (Сент.) и др.
11. Е.Я. Рецензия // Русское обозрение. 1921. № 3-4 (Март-апр.). С. 156.
12. Музей русской культуры в Сан-Франциско. Коллекция А.С.Лукашкина; Баранов А. К истории "Вестника Первой пекинской тюрьмы."
13. Как работает Общество граждан СССР в Пекине // Новая заря. 1946. 20 августа.
14. Информационные бюллетени. Сан-Франциско, 1953. № 1,2. Б. С.
15. Шанхай агонизирует... // Наш голос. Сан-Франциско, 1949. 29 апреля.
16. Фиалковский П. К 40-летию отъезда на целину // На сопках Маньчжурии. Новосибирск, 1994. № 8 (Июнь). С. 1-2.

Энциклопедия "Духовная культура Китая"

Китайская философия как часть мировой философии

© 2004

М.Титаренко, В.Феоктистов

От редакции

Продолжаем публикацию материалов энциклопедии "Духовная культура Китая", подготовленной к изданию в ИДВ РАН. В этом номере вниманию читателей предлагается вводная статья к разделу "Философия и традиционная наука", которая знакомит со спецификой китайской философской традиции, ее отличиями от философий, рожденных другими культурами мира, с главными проблемами ее изучения.

Китайская философия принадлежит к древнейшему слою мировой культуры. Возникнув в I тыс. до н.э., она стала неотъемлемой частью духовной цивилизации не только Китая, но и большинства стран Восточной Азии. Вместе с тем она является и яркой, самобытной страницей мировой философии.

Современная история все более убедительно демонстрирует огромную роль духовного начала в развитии человечества. Именно духовный фактор был главным, системообразующим в структуре китайской цивилизации на всем протяжении ее развития. Вполне логично, что интерес к проблемам китайской традиции сфокусировался в последние десятилетия на китайской классической философии как "зеркале китайской цивилизации" (Жэнь Цзюй).

Китайская философия и китайская духовная цивилизация теснейшим образом связаны между собой, образуя органическое целое. Философия как часть духовной культуры любого народа является неотъемлемой составляющей всей духовной деятельности человеческого сообщества. В большинстве стран и регионов философия является идейно-теоретическим основанием духовной цивилизации. В Китае с момента появления цивилизации как совокупного духовного опыта общества философия становится ключевым нормативным компонентом деятельности человека во всех ее проявлениях и отношений с государством, социальными институтами, семьей и т.п. Китайская философия

Титаренко Михаил Леонтьевич, академик РАН, профессор, директор ИДВ РАН.
Феоктистов Виталий Федорович, академик РАН, кандидат философских наук,
заместитель руководителя Центра сравнительного изучения цивилизаций Восточной Азии ИДВ РАН.

приняла на себя роль координатора всей системы социальных, духовных и нравственных ценностей, которая охватывает отношения человека к мирозданию (Небу и Земле), к государству и его правителям, а также к другим людям, принадлежащим к различным социальным слоям и семейным кланам.

Антропологизация окружающего мира и натурализация поведения человека стали важнейшей особенностью китайской философии. Отсюда вытекает специфически китайская постановка вопроса о единстве Неба и человека, о триединстве “Небо — Земля — человек”. Отношения человека и Неба регулировались этическими нормами и критериями соответствия человека занимаемому им месту в общественной структуре, т.е. той социальной роли, которая предписывается ему общественным или естественным разделением труда и иных функций. Небо выступало верховной мерой, высшим нравственным примером и высшим судьей, определяющим соответствие личности ее месту в иерархической системе социальных отношений. Уже в древнейшем памятнике народной культуры Китая “Книге песен” (“Ши цзин”) содержится достаточно целостная система представлений о Небе, определившая фундаментальные взгляды всех школ мудрости в доциньском Китае, прежде всего — идею гуманности (*жэнь*), как конкретизацию понятия соответствия человека критериям Неба и справедливости.

Мудрецы Древней Эллады полагали, что философия — это первооснова всякого знания. В средние века в Европе и на Ближнем Востоке в период расцвета схоластики философия стала служанкой теологии. Особая же роль китайской философии состояла в том, что на протяжении почти четырех тысячелетий существования китайской цивилизации она побуждала всех просвещенных членов общества следовать высшей мудрости, которая определялась нормами справедливости, праведности и соответствия человека, вне зависимости от его места в социальной иерархии, — провозглашаемой этой мудростью системе ценностей и предназначениям небесной воли. Тотальность и универсальность этих требований придавали им обязательный характер. Только в этом смысле философия была связана с теологией, т.е. небесные предназначения выступали высшей мерой земных ценностей.

Первая и главная черта, отличающая китайскую философскую культуру от типов философской рефлексии иных цивилизаций, состоит в ее политической и социально-нравственной ангажированности и ее теснейшей связи с общественными отношениями и политикой. Философия в Китае всегда выполняла функции теоретического обеспечения и укрепления мощи государства, управления страной, регулирования отношений внутри социума, внутри иерархии и между людьми. Слова Конфуция о том, что “Правитель должен быть правителем, подданный — подданным, отец — отцом, сын — сыном” (“Лунь юй”) являлись одним из важнейших принципов управления страной на протяжении более двух тысячелетий. Китайское государство всегда носило идеократический характер, который сохранялся на протяжении тысячелетий, и философия и философы в обществе играли весьма важную роль. Этот факт, в свою очередь, определил еще одну особенность китайской философии — ее приверженность канонам, нормативным сочинениям, составлявшим содержание китайской мудрости вплоть до начала XX в. Именно учение о канонах — *цзин сюэ* — стало духовной сердцевиной китайской философии.

Главная черта китайской философии обусловила ее двуединую структуру — построение по вертикали и горизонтали. В вертикальном отношении она представляет собой совокупность высших норм мудрости и нравственности — духовной и политической. Такая вертикаль устанавливает жесткий порядок и иерархическую субординацию ценностей и добродетелей, эталоном ко-

торых выступает Небо. Путь нравственного существования человека — это следование Небу, и его единство с ним.

Горизонтальная же структура китайской философии, которая заключена в замечательном понятии “многообразии в единстве”, наложила отпечаток на все без исключения сферы духовной и материальной жизни китайского общества. Это многообразие базируется на методологическом и рационалистическом единстве — необходимости соответствия норм поведения человека велениям Неба, ритуалу, естественности, разуму и традициям.

Отмеченные выше особенности китайской философии в решающей степени были обусловлены самим характером китайской цивилизации как материковой культуры земледельческого типа. Академик В.И.Вернадский, анализируя влияние биосферы на структуру научного знания применительно к земледельческой культуре Китая, особое внимание обращает на то, что “выработанная система и навык земледелия сохранялись и изменяли окружающий быт и природу”. При этом он приводит слова американского эколога G.V.Gressey (Г.В.Грессея): “Наиболее характерным элементом китайского ландшафта является не почва, не растительность, не климат, но население. Всюду находятся человеческие существа. В этой престарой земле едва ли можно найти место, неизмененное человеком и его деятельностью” (См. В.И.Вернадский. “Размышления натуралиста”. Кн. II. “Научная мысль как планетарное явление”. М., 1977. стр. 105, 106). По словам В.И.Вернадского, антропогенные изменения природного ландшафта Китая есть результат существования и деятельности многих триллионов “людей рода Номо и его предшественника синантропа” в течении сотен тысяч лет (там же, стр. 106).

Таким образом, философия, как и другие виды духовной деятельности, была поставлена на службу земледельческой культуре в сравнительно замкнутом континентальном пространстве. Она рождалась как ответ на общемировоззренческие вопросы этой культуры и была теснейшим образом связана с экономической и политической практикой, что изначально сообщало китайской философии отчетливо выраженный утилитарно-прагматический характер. Более того, отдельные предметы, природные явления (времена года, календарь, материальные элементы мира — дерево, металл, почва, вода, огонь и т.п.) постепенно превратились в духовные символы и философские категории, которые составили основу китайской натурфилософии, а затем были включены в категориальный аппарат других философских школ. Это не значит, что китайская философия была лишена онтологического и гносеологического содержания — просто она развивалась как всеобъемлющее духовное начало китайской цивилизации, как ее этическое и политическое основание. Все это наложило заметный отпечаток на характер категориального аппарата китайской философии, который — в отличие от чисто логических категорий европейской философии — носит настолько специфический национальный характер, что порой ему трудно подобрать аналог в западной философской традиции.

Поэтому есть все основания утверждать, что китайская философия — это взгляд на мир земледельца: именно через призму его интересов и поведения рассматриваются и решаются основные онтологические вопросы. Это проявилось, в частности, в концепции взаимосвязи времени и пространства с “пятью первостихиями”, темным и светлым началами и субстанцией *ци*. Не лишним будет напомнить, что ханьское конфуцианство (III в. до н.э. — III в. н.э.) канонизировала слова Конфуция о том, что все “должно делаться в соответствии со временем” и утвердило календарный подход в качестве принципа управления страной, который определял политику, культуру, мышление.

Конкретность времени и пространства в человеческом измерении обусловила специфический путь развития естествознания в Древнем Китае и по-

родила оригинальный метод изучения природы. Суть этого метода можно свести к следующему.

1. Фокусом исследования являются не единичные явления, а целостность, всеобщность и комплексность.

2. Внимание концентрируется не на состоянии покоя, а на течении времени, движении объекта, на процессе, на взаимопревращении и взаимопреодолении пяти первоэlementов, взаимодействии мужского, светлого (ян) и женского, темного (инь) *ци*.

3. В размышлениях доминирует интерес не к структуре и строению отдельного предмета, а к его возможностям и свойствам (критерии применимости); преобладает взгляд на вещи как на нечто непрерывно перетекающее из одного состояния в другое.

4. Важны не отдельные качества вещи, а ее реальная применимость, ее способность к ответному воздействию на другие целостности в макрокосме.

5. При отсутствии интереса к моделям, формам и путям движения вещей особое внимание уделяется индуцированию знаний путем многочисленных измерений и подсчетов, построения нумерологических моделей и схем, при этом движение и развитие идей происходило главным образом по аналогии или согласно историческим прецедентам и традициям.

Еще одной примечательной чертой китайской философии является признание ею наличествования окружающего мира, как наличия, которое обозначается комплексно-символическими терминами — Небо, Поднебесная, Земля, вся тьма вещей (*вань у*). Причем утверждается, что все это сущее следует определенному пути (*дао*) и соответствует определенному порядку и нормам (*дэ, ли*). Понятия европейской философии — “бытие” и “небытие” — в китайской философии приобретают значение констатации наличного бытия: “наличие” (*ю*) или “отсутствие наличия” (*у*). Не случайно поэтому вопрос о том, существует ли внешний мир, и служит ли он источником человеческого знания, как правило, признавался как самоочевидный факт и не являлся предметом спора или философских размышлений в китайской культуре. Объектом таких размышлений был путь развития этого мира — Дао, диалектика наличия/отсутствия и их извечное диалектическое взаимопревращение.

Изначальная нормативность китайской мудрости обусловила еще одну ее особенность: диалектика становления сущего, его развития, перехода в другую сущность и гибели приобрела в Китае символично-нумерологическое выражение, т.е. предстала в виде проблемы соотношения числовых множеств, которые формализованы в виде триграмм и гексаграмм “Книги перемен” (“И *цзи*на”). Специфический оттенок имеет и принятое в Китае понятие круговорота в окружающем мире: согласно представлениям китайских мудрецов, в мире все взаимосвязано и взаимозависимо, соподчинено и взаимопревращаемо; в нем действуют вечное взаимопорождение и взаимопреодоление “пяти первоэlementов”, двух противоположных начал *инь ян* и саморазвитие материально-субстанциального и духовного начала *ци*. Подобно тому как высшим совокупным единством мира является Небо, высшим пределом развития выступает “Великий предел” (*тай цзи*), по достижении которого начинается новый цикл развития.

Органическая связь китайской философии с китайской цивилизацией в целом наглядно проявила себя также в своеобразии характера, формы и культуры мышления, которые в известном смысле обусловлены иероглифической письменностью. Иероглифика вносит компонент дополнительной знаковой информации и выявляет сущностно-видовую принадлежность того или иного понятия или термина. Если в европейских языках слово — это формальный знак той или иной сущности, который идентифицируется только посредством сложившейся традиции или неписаного “общественного договора” в рамках той

или иной социально-этнической и культурной общности, то в китайском языке каждый сложный или простой термин-знак несет в себе кроме этого определенную образную информацию, дешифрующую и первоначально классифицирующую этот знак и относящую его к тому или иному классу вещей, образов, понятий и т.п. Иероглифы, которые изначально были изобразительными символами-знаками тех или иных предметов или отношений, а также современные слова-понятия (включая заимствованные переводные или собственные абстрактные категории), одновременно несут в себе дешифровку смысла понятия на образном иероглифическом уровне.

С характером китайской письменности, "китайским способом мышления" тесно связана и определенная методология специфически китайского анализа вещей и явлений, весьма отличная от европейской.

На протяжении веков китайская философия формировала холистские тенденции в китайской культуре, культивируя органическое видение как мироздания в целом, так и человеческого сообщества. Социальный органицизм и идейный холизм придают китайской философии и духовной культуре Китая в целом высокую внутреннюю гомогенность и устойчивость. При этом следует учитывать и такую особенность китайской классической философии, как ее традиционалистский характер.

Традиции, в том числе философские, составляют сердцевину любой национальной культуры, ее неповторимость и, следовательно, основу дальнейшего развития данной, конкретной цивилизации. В истории же китайской философии традиции не просто играют роль связующего звена между различными поколениями философов, но и выступают тем каркасом, на который нанизываются новые философские идеи. Причем эти идеи в прошлом преподносились не в виде чистых новаций, а всего лишь как новый комментарий к уже известному, "общепризнанному" философскому наследию. Именно в таких своеобразных рамках и шел процесс развития китайской классической (главным образом конфуцианской) философии.

Естественно, что новое прочтение и даже простое комментирование классических текстов-канонов способствовало возникновению иного представления о ставших уже привычными понятиях и образах. Но вся трудность адекватного восприятия нового содержания состояла в том, что автор новой трактовки пользовался для разъяснения своей позиции старыми, каноническими понятиями-символами, принадлежавшими тому или иному классическому произведению.

Иными словами, довольно ограниченный круг категорий, их устойчивость и традиционная нормативность серьезно затрудняли адекватное восприятие основных философских понятий китайской классической философии, а тем более их развития. Ныне это обстоятельство заставляет исследователей, воспитанных на западной логико-аналитической традиции, искать в европейской философской культуре термины и понятия/категории, которые могли бы соответствовать китайским философским реалиям.

Однако, выявленные в последнее время национальные особенности китайской классической философии (особенно в трудах китайских ученых-историков философии) позволяют сделать вывод о несостоятельности попыток механического переноса понятий западной философской культуры на китайскую почву. Такая экстраполяция вольно или невольно искажает содержание и форму развития философского знания в Китае.

Особенностью китайской классической философии является ее гуманистический и рационалистический характер. К ней вполне применимо данное Кантом определение философии как науки, призванной дать ответ на три вопроса

“всемирно-гражданского значения”: Что я могу знать? Что я должен знать? На что я могу надеяться? (см.: Кант И. Сочинения в 6-ти т. М., 1984, т.3, с.661).

В этом смысле китайская классическая философия является одной из самых “человечных” мировых философий, поскольку именно человек во всем многообразии его внешних связей всегда стоял в центре внимания китайских философов.

Многие принципиальные положения классической китайской философии не только делают честь прошлым достижениям человеческого разума, они сохраняют свою актуальность и в наши дни. Это, например, высказанный впервые великим энциклопедистом Сюнь-цзы (III в. до н.э.) тезис о том, что высшей ценностью в мире является человек, или положение древнего памятника “Шу цзин” (VI-V вв. до н.э.) о том, что “человек есть воплощение наивысшей одухотворенности в мире вещей”; это идея единства и гармонии природы и человека, которая составляла стержень всей конфуцианской метафизики и неоконфуцианства эпох Сун и Мин; это, наконец, тезис о “моральном познании мира”, о “нравственном самосовершенствовании” как важнейших компонентах деятельности человека и его поведения в обществе и о познании как процессе постижения “блага”, “добра”.

Суммируя основные положения философии классического конфуцианства, можно сказать, что это было блестящее соединение метафизики с этикой и социологией. Китайские мыслители постоянно расширяли сферу своих изысканий, включая в них все новые и новые области социальной жизни. При этом человек, его природная и общественная сущность, его субъективные возможности, разум, способность познавать мир оставались в центре внимания философов-конфуцианцев и в новое, и в новейшее время. Это была в полном смысле слова рационалистическая философия, которая искала для человека достойного его места в мире, призывала бережно относиться к природе, сохранять, а не разрушать внешнюю природно-естественную среду проживания людей, гармонизировать отношения человека и природы. Это была, наконец, этическая философия, признававшая не только верховенство нравственных критериев добра и разума над чувствами, но и единство и гармоничность процессов познания мира и обретения добродетели.

Рационалистический характер китайской классической философии наложил существенный отпечаток на ее онтологию: ее главной темой стал не вопрос об отношении духа, сознания к материи, бытию, а проблема собственно начал бытия, “начала сущего”. В этом смысле китайскую философию можно назвать “учением о пределе сущего”, о пределе чувственного и рационального познания мира вещей. Не случайно поэтому возникшие в глубокой древности понятия “Единого”, “Пути”, “Первоначала” и “Великого предела” стали центральными категориями онтологических и гносеологических концепций китайских философов различных ориентаций. Проблема пределов познания феноменального мира, “оформленных” вещей и дофеноменального начала этого мира поглотила в китайской философии вопрос о его субстанциональных основаниях, рассмотрение которого было подчинено выяснению “конечной”, предельной ступени сущего — его первоначала. Это была отличная от западной философской рефлексии постановка вопроса, которая значительно обогатила мировое философское знание.

В связи с этим китайская философия выработала свой, оригинальный категориальный аппарат, который трудно переводим на язык западной философской рефлексии. Строго говоря, китайская классическая философия не знала таких фундаментальных категорий, как материя, идея, бытие. Это не значит, что сами проблемы соотношения материального и духовного, бытия и небытия не ставились китайскими философами. Но рассматривались они иным

образом, в иных категориях, не совпадающих полностью с западной философской традицией. Поэтому достаточно трудно (и не всегда правомерно) ставить вопрос об однозначном отнесении того или иного мыслителя к материалистическому либо идеалистическому направлению в философии.

Несмотря на то, что китайская философия в значительной степени носила умозрительный характер, ее теоретическим спекуляциям было присуще стремление выстроить цельную картину мира, воплощающую в себе единство человека, космоса-природы и общества. Эта системность мышления, превалирование "единого" над отдельным, особенным составляла характерную черту классической китайской философии.

Наконец, существенной особенностью китайской классической философии, отличающей ее от философии Запада, выступает ее глубокая, органическая связь с социальной и политической практикой. Философское знание в Китае традиционно включало в себя весь комплекс знаний о природе, обществе и человеке, в том числе и искусство управления государством и поддержания гармонии в рамках иерархически выстроенного социума. Собственно онтологические и гносеологические концепции приобретали в нем форму моральных конструкций и принципов, норм и максим управления. Нормы социального поведения и общественного устройства выводились из представлений о сущности и структуре мироздания, небесной космологии. Это обстоятельство обусловило сложность разграничения понятий "философия" и "общественно-политическая мысль" применительно к Китаю. С другой стороны, содержательная емкость и многофункциональность китайской классической философии, ее последующая "идеологизация" — то есть превращение в официальную доктрину государства — обусловили ее роль общекультурной доминанты в жизни традиционного китайского общества. Философия в Китае превратилась в духовный стержень социальной жизни, фундамент, на котором покоилась вся культурная традиция страны. Философия глубоко проникла в обыденное сознание народа, сформировала стереотипы массового сознания и поведения, вызывая тем самым активную обратную связь этого сознания с философской мыслью и общественной практикой. Взаимодействие же "книжного" знания и народной культуры размывало грань между собственно философией (как элитарным знанием) и обыденным, массовым сознанием.

Проникновение в Китай в конце XIX в. идей западной философской культуры серьезно поколебало господствующие позиции классической китайской философии и ее традиционализм. Перед философской элитой Китая встал вопрос о необходимости и возможности синтеза философий Китая и Запада. Эта проблема породила различные концепции такого синтеза, включая и более общую постановку вопроса — о синтезе культур Востока и Запада. В 30-40-е годы XX в. выдающимся современным китайским философом Фэн Юланем была предпринята попытка создания "нового учения о законе-принципе ли" обновленного неоконфуцианства как синтеза классической конфуцианской философии и логико-аналитической философии Запада. Рождается новое направление в китайской философии — "новое современное конфуцианство", которое продолжает развиваться и в наше время (в основном на Тайване и в США). Проблема же дальнейшего развития китайской философии вышла ныне за рамки Китая и широко обсуждается философами других стран, в том числе и России.

Таким образом, изучение прошлого и будущего китайской философии стало актуальной проблемой не только китайской, но и мировой философской культуры, затрагивающей судьбы общечеловеческой духовной цивилизации.

Известный кризис современной западной философии обусловил возросший интерес мировой философской науки к истории китайской философии

(как, впрочем, и к восточной философии вообще), в наследии которой ученые пытаются найти пути дальнейшего развития мировой философской науки и преодоления того духовного кризиса, который связан с вступлением человечества в техногенно-информационную эру. Обострение противоречий между технократическим прогрессом мирового сообщества и морально-этическими критериями этого процесса поставило в ряд первоочередных задач философского знания разработку адекватных новым историческим условиям духовных и этических оснований человеческого существования и его перспектив.

В этой связи одно из ведущих мест в духовном поиске ученых-философов заняла проблема модернизации и реконструкции классической китайской философии и использования ее потенциала в процесс обновления мировой философской культуры. В последние два-три десятилетия в центре внимания мировой синологии, как и историко-философской науки в целом, оказалась проблема взаимовлияния и возможного синтеза восточной, главным образом китайской, философии и философской традиции Запада. В этом синтезе многие западные философы (в основном в США) видят плодотворный путь обогащения мировой философии и созданию нового мировоззрения постиндустриального общества знаний III тысячелетия, или информационного общества.

Естественно, что в этом контексте большое внимание уделяется проблеме будущего классической китайской философии как значимой составляющей мирового философского наследия формирующейся общечеловеческой научной мысли.

Академик В.И. Вернадский еще в 30-40-х годах XX в. выдвинул новаторскую методологическую идею о том, что научная мысль выступает как планетарное явление, образуя ноосферу — сферу разума. В этом процессе историко-философские идеи играют огромную структурообразующую роль. “Наука есть проявление действия в человеческом обществе совокупности человеческой мысли”¹. И далее: “Биосфера XX столетия превращается в ноосферу, создаваемую прежде всего ростом науки, научного понимания и основанного на ней социального труда человечества”². Вернадский указывал, что современная научная мысль, “новая философия и новая наука” сложилась в Западной Европе под влиянием и как синтез результатов духовных и научных изысканий в странах западной Римской империи, а также персидской, арабской, индийской и китайской культур. “В XX в. мы видим новый резкий перелом в научном сознании человечества, я думаю, самый большой, который когда бы то ни было переживался человечеством на его памяти, несколько аналогичный эпохе создания эллинской науки, но более мощный и широкий по своему проявлению, более вселенский. ... Научная мысль впервые выявляется как сила, создающая ноосферу, с характером стихийного процесса”³. В.И. Вернадский глубоко подметил переключку идей восточной философии с современной научной мыслью. “Ученые, чуждые философской и религиозной культуре (Запада), охватывающие численно большую часть человечества, вошли как равные в научную работу и быстро занимают в ней равное положение... новые области естествознания, к которым принадлежит биогеохимия, в области философии Востока встречают более важные и интересные для себя наведения, чем в философии Запада”⁴.

70-90-е годы XX в. можно назвать периодом открытия китайской философии западным неазиатским миром. В изучение этого древнейшего слоя китайской культуры включились философы-профессионалы, способные оценить философское наследие Китая с точки зрения его содержательных характеристик, отвечающих (или не отвечающих) общепризнанным параметрам западной философской традиции. Наряду с решением частных вопросов, касающихся характеристики взглядов того или иного китайского мыслителя, работы сов-

ременных китаеведов-философов ценны тем, что китайская классическая философия признается здесь органической частью мировой философии.

Наконец восстановлена историческая справедливость в отношении китайской философии, которую со времен Гегеля было принято игнорировать в качестве собственно философского знания. Прав оказался не Гегель, а его знаменитый предшественник Лейбниц, который первым сумел увидеть в китайской классической философии глубокое общемировоззренческое, логико-математическое содержание.

В наше время изучение и осмысление процесса развития китайской философии переместились в иную плоскость — выяснения национальной специфики этой философии, ее соотносимости с западной философской традицией. Перед исследователями китайской философии возникла труднейшая методологическая проблема идентификации классического аппарата философских категорий, выработанных многовековой историей философии в Китае, — другими словами, определения степени их соответствия аналогичным понятиям западной философии.

И здесь выяснилось еще одно существенное обстоятельство, поставившее в тупик некоторых исследователей: оказалось, что многие (если не большинство) категории классической китайской философии не вписываются в западную философскую культуру, не имеют (или почти не имеют) в ней аналогов. Так возникла проблема национальной специфики китайской классической философии, которая в свою очередь затронула ряд принципиальных вопросов чисто методологического характера. Важнейшим из них оказался вопрос о научности китайской философии и, следовательно, правомерности анализа понятийного аппарата в традиционных западных философских терминах. Естественно, встал вопрос и о методологических основаниях философского знания в Китае, об их соответствии западной методологии, основу которой составляет аристотелевская логика. Наконец, как следствие этих двух проблем возник вопрос о принципах перевода китайских философских понятий на европейские языки. Таким образом, включение китайской классической философии в мировой процесс развития философского знания вызвало к жизни целый комплекс сложных теоретико-методологических проблем, решить которые предстоит совместными усилиями философам как Китая, так и других стран.

1. Вернадский В.И. Размышления натуралиста. Кн. II. Научная мысль как планетарное явление. М., 1977. С. 38.
2. Там же. С. 31.
3. Там же. С. 50-51.
4. Там же. С. 75.

Культура

Китайская культура у врат глобализации

Великая китайская стена стоит незыблемо вот уже два тысячелетия. Но охранительных функций она теперь не несет. Наоборот, влечет к себе туристов как самый знаменитый китайский символ. Былой бастион между Китаем и миром, она стала одним из двигателей процесса вовлечения Китая в мир и привлечения мира к Китаю.

Эту животрепещущую тему ("Китай в мире", "мир в Китае") деятели китайской культуры давно и страстно обсуждают со всех доступных им трибун — в печати, на конференциях, совещаниях. Всего лишь за 2 года до вступления КНР в конце 2001 г. в ВТО в одной только из сфер культуры (кинематографии) руководящие организации, вводя процесс приобщения к миру в необходимые для себя рамки, обнародовали 126 внутриотраслевых документов и 320 — совместных с Министерством культуры.

Эта тема активно затрагивалась и на прошлогоднем симпозиуме, посвященном 50-летию творческой деятельности одного из лидеров китайской литературы Ван Мэна. В ярком докладе д-р Вэнь Фэньцяо представил движение китайской культуры XX века как три попытки вырваться из губительной замкнутости высокомерия в безмерные просторы всечеловеческой цивилизации.

Первая попытка 20-х годов прошлого века была, образно говоря, стремлением надеть модное платье с чужого — европейского — плеча, и ведущей ее тенденцией стала откровенная "антитрадиционность", а методологией — непримиримое противопоставление "нового", идущего с Запада, и "старого" национального, которое следует разрушить. Лидером этого направления был назван писатель Лу Синь (хотя, надо заметить, сам он подобных крайностей избегал).

Вторую попытку возглавил Мао Цзэдун (докладчик обозначил эту попытку "эпохой Мао"). Она оказалась рачительным, но бесперспективным стремлением подлатать ветшающее платье, и докладчик квалифицировал ее как "почвенничество", тяготеющее к консервации привычной низкой культуры в духе "народности" и "массовости", к не менее, чем в первой модели, агрессивному противопоставлению внутреннего и внешнего, национального и заимствованного. Центром этой конструкции был акцент на "китайском стиле и китайской манере"; Мао Цзэдун практически безапелляционно свернул с пути модернизации китайской литературы по "заморскому" типу к "левой литературе, пролетарской массовой литературе, рабоче-крестьянско-солдатской литературе ... На какое-то время такие произведения, как "Женитьба маленького Эрхэя", "Песенки Ли Юцяя" Чжао Шули, "Ван Гуй и Ли Сянсян" Ли Цзи, отличные от литературы периода "4 мая", стали ведущей формой литературы освобожденных районов, а творчество "лоточного литератора" Чжао Шули определило направление будущего развития китайской литературы".

Вывод доклада в отношении полувека конвульсивных движений отечественной культуры между “своим” и “общечеловеческим” звучит совершенно бескомпромиссно: “Необходимо заметить, что история развития китайской литературы, особенно экстремистская ситуация периода “культурной революции” с ее “образцовыми спектаклями” показала, что “почвенническая” модернизация Мао Цзэдуна, усиленная акцентом на “народность”, не сумела увидеть собственной ограниченности и недостатков, и в итоге современная китайская литература, стиснутая рамками установок “почвеннической” модернизации, фактически шаг за шагом двигалась в тупик”.

С 80-х годов XX века в Китае стала крепнуть еретическая для прошлого мысль о том, что марш вперед возможен лишь во всечеловеческой колонне, и конвоиры, ранее стрелявшие без предупреждения, отошли на обочину этого тракта и сняли пальцы с курков. “История, — отмечается в докладе, — предложила другого рода путь модернизации литературы Китая — “литературу нового периода”, возникшую в 80-е годы после начала политики реформ и открытости. Это более высокий, многоставный тип модернизации, стоящий на родной почве и открыто смотрящий в мир, обладающий и современностью, и народностью”.

Литературно-художественный аспект этого рывка возглавил Ван Мэн, один из наиболее значительных современных писателей и авторитетный общественный деятель. Его мнение, его оценки, к которым прислушивается вся страна — от официозно-партийного до оппозиционно-уличных слоев, тем ценнее, что это не спущенное “сверху” указание, а частное мнение, но такое “частное”, которое созвучно не только верхним нотам, но и нижним.

По данной в цитируемом докладе формулировке, “Ван Мэн акцентирует независимость литературных ценностей, многообразие, многоуровневость, вырывается из идеологических шаблонов бинарности литературных ценностей как “нового”-“старого”, “современного”-“традиционного”, “передового”-“отсталого”, “литературного”-“нелитературного”, “революционного”- “контрреволюционного”. Его кругозор шире, позиция терпимей, и в этих категориях он дает такой многоаспектный, объемный ценностный анализ: “Литература — радость. Литература — болезнь. Литература — средство. Литература — общение. Литература — романтика. Литература — риск. Литература — отдых. Литература — царь. Литература — служанка. Литература — ангел. Литература — шлюха. Литература — яркая клумба. Литература — лекарство, которое не исцеляет. Литература — чашка благотворного рисового отвара. Литература — это все или ничего”; и даже так: “Литература — это еще и “обманно-самообманная” забава мудреца, и слабака, и апофигиста, и пустослова, и обожающего свои безумства трусливого безумца, и уклониста и беглеца — это убежище от жизненных тягот”.

Творчество Ван Мэна — это не просто один из компонентов сегодняшней китайской литературы, а историческая веха на пути ее развития. “Творчество Ван Мэна имеет переломное значение для развития китайской литературы XX века и представляет собой ведущую модель литературы и даже целую литературную эпоху... Перед лицом XXI века китайской литературе совершенно необходима стратегия “глобализации”, призванная как сохранить “индивидуальность” китайской литературы, так и “модернизировать” ее, и Ван Мэн своим творчеством предоставил нам полезный материал, насыщенный исторической прозорливостью”.

В начале 2002 г. Ван Мэн выступил перед менеджерами культуры в Центральном институте управленческих кадров культуры с лекцией о глобализации как стратегическом направлении развития китайской культуры, и этот текст был растиражирован газетой “Гуанмин жибао” потому, что писатель очень точно уловил не всеми воспринимаемую идею о глобализации как не только неостановимом процессе естественного развития человечества от

узости ко всеобщности, но процессе более значительном, чем могут его пере-
дать одни лишь экономические показатели.

Глобализация, по Ван Мэну, — это не утлые клетушки на задворках барской усадьбы, а вольное поселение равнозначных “самостей”, и потому это — неизбежное улучшение качественных характеристик человека, акцентирование гуманитарного аспекта внешне, казалось бы, только количественных хозяйственных показателей, это обретение человеком объемности всеземного эквивалента, уход от ограниченно понимаемого и потому ограждаемого барьерами плоскостного “национального”. В глобализованном мире человек обретает две неотторжимые друг от друга характеристики — как элемент национальный и как элемент всечеловеческий.

Врата глобализации распахнулись перед Китаем, приглашая его в семью народов мира. Но Ван Мэн предупреждает — войти в эти врата Китай должен не нищим просителем, а гордым и равноправным партнером: “Страной, имеющей свою культурную специфику, осознанно хранящей свою культурную специфику и к тому же впитывающей всю передовую культуру; страной с еще более высокой нравственностью, с еще более благородными людьми” (при этом понятие “благородный человек” он передает классическим конфуцианским “цзюньцзы” — емким понятием, подразумевающим высокосзначимую личность, стоящую над толпой и облагораживающую толпу). Такой Китай не затеряется в “благородном семействе” глобализованного человеческого сообщества.

И в этой мысли — точный подтекст призыва Ван Мэна: не экономической цифирью единой жив человек, но тем незыблемым внутренним стержнем благородства и мудрости, сопоставимым и у Вана, и у Джона, и у Ивана. Пафос призыва писателя “строить культурную державу” — в принципиальном отказе от политического аутизма, в лечении идеологической глухоты, в осознании себя не “над миром”, а “в мире”, состоящем из равнозначимых элементов, и собственная национальная традиция — основа такой общемировой равнозначимости, а вовсе не оторванная от ледяного поля льдина, плывущая в никуда, чтобы в конце концов растаять (или, как иронизирует писатель, оказаться экспонатом в музее).

*С.А.Торопцев,
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник ИДВ РАН*

Волна глобализации и строительство культурной державы

Ван Мэн

Три поколения руководителей нашей страны с чрезвычайным вниманием относились к культурному строительству. В 1949 году председатель Мао указывал, что вслед за волной строительства экономики может подняться волна строительства культуры. Сформулированный товарищем Дэн Сяопином принцип “ухватиться за две цивилизации” ставит строительство духовной цивилизации, несомненно, включающей в себя и культурное строительство, на

чрезвычайно важное место. Товарищ Цзян Цзэминь выдвинул важную идею “трех представительств”, в которой культурное строительство является одним из “корней партийного строительства, основ ведения политики, источников силы”.

Тенденции развития мира никогда не были однозначными. Вне всякого сомнения, нынешние тенденции глобализации, интеграции, стандартизации и внедрения цифровых технологий вызывают немало голосов протеста, но поставить им преграды невозможно, и нам остается лишь последовать вместе с ними вперед, не содрогаясь, не ропща на Небо и не обвиняя человека, — такова одна сторона явления. Но есть у тенденции еще и другая сторона — локализация, многообразие, народность и индивидуализация. Все с большим упорством люди должны оберегать систему и традиции собственной культуры, собственную самостоятельность.

Вот в этом плане культура и является важным оплотом. Ибо в культуре как раз и не происходит отождествления, ценности культуры — плюралистичны. На Западе отмечают Рождество, в Китае — Праздник весны, ты в восторге от оксфордского произношения английского языка, а я говорю на китайском *путунхуа*, ты напеваешь свои серенады, а я — шэньсийские частушки *синьтянью*... Мы можем вместе наслаждаться, обмениваться друг с другом, но в принципе у каждого — своя специфика и свои особенности. Это и есть плюралистичность культуры. Такое самосознание культуры, такая ее специфика — чрезвычайно ценны.

Культурное разнообразие обогащает и расцветивает мир, придает нации достоинство и даже консолидирует государство. Это именуют “культурным патриотизмом”. “Мое китайское сердце”, о котором с чувством поет Чжан Мин, — это и есть сердце китайца, пропитанное китайской культурой. Можно даже так сказать: откуда взяться китайскому сердцу без китайской культуры? Самосознание культуры, самоуважение культуры и осознание ею своего достоинства может стабилизировать нас в процессе экономической глобализации. Не будь этого самосознания, самоуважения культуры, осознания ею своего достоинства, глобализация станет односторонним движением, и к людям может прийти ощущение, что их заглатывают, ассимилируют — это и называется гибелью государства и нации.

Построение культурной державы означает, в каком, в конце концов, обличье наша страна предстанет перед миром.

Китай — это многотысячелетняя древняя китайская цивилизация. Но последние сто-двести лет мир воспринимал его нищим, отсталым “больным человеком Восточной Азии”. Таков факт. Аннексии и контрибуции, утрата суверенитета и унижение страны — вот чем полнилась история. Сколько героических личностей боролись за развитие государства, его обогащение и укрепление, за развитие экономики, мечтали о модернизации, о богатстве страны, о цивилизации, о демократии!

Экономическое строительство — важный пункт, стержень нашей государственной работы. Не поднимется экономика — нечего и о прочем говорить. Но мы не должны ограничивать свое видение только экономикой. Для построения нашего государства, для облика нашего государства, помимо экономического кругозора, совершенно очевидно необходимо иметь и культурный кругозор. В культуре наша устойчивость, наше преимущество, культура — это наш облик, наша сила. Экономика у нас стремительно растет, и все же догнать развитые страны по доходам людей — это дело будущего. Но если наши доходы и несравнимы с доходами в развитых странах, то у нас есть своя слава, своя гордость, свое богатство и своя основа — наша особая культура.

Китайская культура в мире — уникальна, это непрерывно существующая, живая культура с долгой историей. Именно китайская культура объеди-

няет более чем миллиардный Китай: при различных политических убеждениях, обычаях и привычках, ценностных критериях, расхождении во мнениях китайская культура — знамя, под которым сплачивается народ Китая и китайцы всего мира. И потому она — часть общего государственного потенциала. Эта культура сама по себе и те национальные чувства, обычаи, представителем которых она является, — это консолидирующая сила, и нельзя судить о ней только в плане теории или морали (это-то как раз легко урегулировать и изменить), а консолидирующая сила ее психологической и традиционной составляющих чрезвычайно устойчива и не может быть заменена ничем иным.

Государственная политика Франции формулируется так: “В культурном плане мы сверхдержава”. Франция не является сверхдержавой в военном плане, но они считают себя представителем европейской культуры и о культуре говорят с особой гордостью. В мире много стран, и можно составить рейтинг их культурной деятельности, сформировать их культурный облик. Вот, например, Шотландия, это часть Соединенного королевства, шотландский Эдинбург — место не слишком большое, в каком-то смысле даже захолустье, но Эдинбургский фестиваль имеет всемирную известность. Другой пример — Ирландия, тоже не слишком обширное место, но люди там гордятся своими мастерами литературы — Уальдом, Шоу, Джойсом. В ряде стран фольклорная деятельность вроде пивного праздника или карнавала, праздника вина играет большую роль в туризме и других аспектах государственной деятельности, в том числе и в формировании культурного образа страны.

Язык и письменность — краеугольный камень культуры, особенно наша иероглифика с ее информативностью, зримой образностью и музыкальностью, это чудо всечеловеческой культуры не сопоставимо ни с чем. Потому-то литература и искусство имеют особо важное значение для формирования национального духа.

Китайская культура не замкнута на самой себе, и иностранцы способны ее воспринять. В древности китайская культура оказала влияние на весьма большой регион Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Сегодня китайская медицина, кухня, *кунфу* распространены по всему миру. И даже пекинская музыкальная драма *цзинцзюй*, хотя она и достаточно специфична, нравится некоторым иностранцам, и они специально едут в Китай обучаться этому искусству, петь в амплуа *хуцзы*, *лаодань*, *хуалян* да еще сценическим “боевым искусством” овладевают. Когда они выполняют прием “кувырок ястреба”, то только длинный нос и выдает иностранца.

Говоря о строительстве культурной державы, мы вовсе не имеем в виду, что следует замкнуться в себе. Необходимо с еще большей открытостью впитывать, принимать, переваривать все, что есть в мире передового, полезного. Чем более мы становимся культурной державой, тем смелее надо впитывать то, что непохоже на нашу культуру, то, что несет ей пользу. Впитав в себя сто рек, море становится еще шире. Культурная держава — понятие отнюдь не закрытое. Чем национальнее, тем всемирней, и утвердиться можно лишь в том случае, если есть индивидуальность и статус; в то же время чем всемирнее, тем национальней, то есть живой остается лишь та культура, которая способна впитывать в себя мир, обмениваться с миром, преодолевая даже возникающие с мировой культурой конфликтные моменты. Замкнутая культура, конечно, самобытна, но в конце концов очутится лишь в музее.

Меня давно волновало вот что: Германия вероломно напала на Советский Союз, и в 1941 году Советский Союз отступал по всей линии фронта, но в годовщину Октябрьской революции в Москве провели военный парад, с речью выступил Сталин, который сказал, что Гитлер пытается уничтожить нас. Кого хочет он уничтожить? Нацию Пушкина, Толстого, Тургенева, нацию, породив-

шую Лермонтова, Менделеева, Попова и других ученых, нацию, породившую таких музыкантов, как Чайковский. Под силу ли ему это? Эта речь была признана величайшим духом.

Китай — родина Конфуция, Лао-цзы, Мэн-цзы, здесь родились Цюй Юань, Ли Бо, Ду Фу, Сыма Цянь, Цао Сюэцин, у нас были Ци Байши, Сюй Бэйхун, Лу Синь. Эти люди — наша гордость. Но нам нужны не только люди прошлого, мы должны также помогать нынешним мастерам культуры, почитать их. С такими титанами иным становится дух нации, уверенность нации, достоинство нации. Страна, нация обязаны иметь подобных представителей культуры, обязана своей культурой внести выдающий глобальный вклад.

Строительство культурной державы — дело не одних только учреждений культуры, это широкое понятие, и сегодня особенно важно акцентировать внимание на сохранении и развитии лучших традиций, упорядочивать и развивать роль культурной классики, должным образом использовать национальный язык и письменность, раскрыть сокровищницу народной культуры, обогащать и развивать себя самым передовым мировоззрением и плодами науки и культуры, со вниманием относиться к международному обмену. Также чрезвычайно важно по-особому расширять самосознание, самоуважение, осознание своего достоинства всем народом в процессе культурного строительства, укреплять культурное сознание во всех аспектах работы. Проблемы культурного строительства — это проблемы не только учреждений культуры, это также проблемы повышения образовательного уровня народа и уровня его духовной цивилизации.

Наша страна сейчас стремительно рвется вперед в экономике, но еще не встала в первые мировые ряды. Но прежде всего нам нужно быть страной, получающей лучшее образование. Нам нужно быть страной, имеющей свою культурную специфику, осознанно хранящей свою культурную специфику и к тому же впитывающей всю передовую культуру; и нам нужно быть страной с еще более высокой нравственностью, с еще более благородными людьми. Нынешняя ситуация в этом плане в нашей стране не сопоставима ни с нашими традициями, ни с нашим местом в мире, и строительство культурной державы — грандиозный, чрезвычайно ответственный и далекоидущий замысел.

(Гуанмин жибао. Пекин. 9 января. 2002. Текст выступления в Центральном институте управленческих кадров культуры).

Перевод с китайского С.Торопцева.

Рецензии

Потапов М.А. Внешнеэкономическая модель развития стран Восточной Азии. М.: Междунар. отношения, 2004. 240 с.

Интересующимся проблемами Восточной Азии читателям, видимо, известна предыдущая фундаментальная работа доктора экономических наук М.А. Потапова — известного ученого и специалиста в области мирохозяйственных связей в регионе Восточной Азии: *«Внешнеэкономическая политика Китая: проблемы и противоречия»*, вышедшая в 1998 г. За прошедшие после ее издания пять лет на азиатском рынке произошло немало интересных и поучительных событий, потребовавших научного осмысления. Взять хотя бы азиатский финансовый кризис конца 90-х годов или влияние стагнации мировой торговли начала нынешнего столетия на дальнейшее развитие новых индустриальных стран (НИС) и Китая. А поступательное, несмотря на многие неблагоприятные факторы, продвижение вперед Китая? Или первые интеграционные шаги в Восточной Азии? Эти и другие вопросы М.А. Потапов неоднократно затрагивал в своих публикациях в научных изданиях, в том числе в журнале «Проблемы Дальнего Востока». Отрадно, однако, что автору удалось комплексно рассмотреть их в своей очередной монографии с присущей ему основательностью, расширить предмет своего изучения — не только Китай, но и практически все азиатские динамично развивающиеся страны.

Книга представляет собой подробный анализ внешнеэкономической модели развития стран Восточной Азии в 80—90-х годах XX века, включая КНР и «новые индустриальные экономики» Республику Корея, Сингапур, Тайвань, Гонконг, Таиланд, Индонезию, Малайзию, Филиппины. В монографии исследуются механизм и движущие силы «экономического чуда» восточноазиатских государств, причины, уроки и последствия азиатского финансового кризиса 1997-1998 годов, региональные и глобальные аспекты развития этой группы стран, сделана попытка теоретического обобщения современного азиатского новоиндустриализма.

Монография, безусловно, востребована и с научно-теоретической точки зрения, и в практическом смысле. За последнее десятилетие трудно вспомнить, за редким исключением (работы С.А. Бьлянца, В.А. Мельянцева), обобщающие труды на эту тему. В теоретическом плане монография М.А. Потапова поднимает важнейшие экономические вопросы, связанные с возможностью и необходимостью «догоняющего развития» стран «третьего мира» на примере восточноазиатской модели развития, содержанием азиатского новоиндустриализма, соотношением торговой политики экспортной ориентации и импортозамещения, либерализма и протекционизма в регулировании национального внешнеэкономического комплекса.

Автор справедливо подчеркивает, что возможности экономического роста на основе трудоемкой специализации не безграничны. К 90-м годам эффект трудовой специализации НИС приблизился к своему пределу, и трудоемкие процессы стали переноситься в менее развитые страны. Центр тяжести государственной политики НИС постепенно смещался на стимулирование более капиталоемких и технологичных отраслей (производство сложной электронной аппаратуры, легковых автомобилей, химических товаров, аэрокосмической техники и др.). Китай же в 90-х годах постепенно, по мере интегрирования в систему мировой экономики, отходил от стратегии *импортозамещения* и разумно сочетал с нею стратегию *экспортной ориентации* в отраслях легкой промышленности, в производстве электробытовой техники, поэтапно ослабляя протекционистскую защиту промышленности, контроль над внешней торговлей и валютным регулированием, поощряя привлечение иностранного капитала.

М.А. Потапов выделяет коренные особенности, отличающие КНР от НИС. Они связаны, прежде всего, с огромной численностью населения, обширной территорией, колоссальным внутренним рын-

ком и масштабами китайской экономики, целостной диверсифицированной структурой производства, включая базовые отрасли промышленности, неравномерным распределением людских и природных ресурсов. Все это, пишет автор, сделало невозможным точное копирование Китаем присущей НИС экспортно-ориентированной модели воспроизводства. Логичен в этой связи вывод о релятивности Китаем внешнеэкономической стратегии развития "восточноазиатского типа" в широком смысле. КНР эффективно применяла рецепты НИС по поиску оптимальных форм и методов участия в международном разделении труда и использованию модели экспортной ориентации в целях развития внешнеэкономических связей.

Оценки М.А. Потапова в отношении разразившегося в 1997-1998 годах азиатского кризиса сводятся к тому, что произошел не крах азиатской новоиндустриальной модели, а циклический кризис, обусловленный широкомасштабным движением международных краткосрочных портфельных инвестиций. Экономические события в Восточной Азии в конце 90-х годов внесли коррективы в прогнозы развития НИС, но не опрокинули самой их сути. Кризис обнажил многие слабые стороны и недостатки экономической модели восточноазиатских стран. Стала ясна необходимость разработки конкретных мер по укреплению национальных конкурентных преимуществ данных стран на основе интенсификации производства и повышения производительности труда, структурной перестройки промышленности в направлении увеличения добавленной стоимости и технологического уровня продукции.

В нынешних условиях, пишет М.А. Потапов в своей "теоретической" шестой главе, экспортно-ориентированная модель развития НИС и Китая должна дополниться стратегией современного новоиндустриализма. Эта стратегия во внешнеэкономической области подразумевает, по мысли автора, использование интенсивных факторов роста, формирование "новой экономики", базирующейся на знаниях и информационных технологиях, устойчивых инвестициях в повышение качества людских ресурсов.

Автор справедливо делает вывод, что выбор НИС и Китаем стратегии догоняющего развития представляется ес-

тественным стремлением этих стран порвать с экономической отсталостью, сократить разрыв с развитыми странами, поднять свою экономику на более высокую ступень развития. Принципиально неверно, по его мнению, сводить стратегию догоняющего развития только лишь к приоритетному развитию тяжелой промышленности и импортозамещающей стратегии. В действительности стратегия догоняющего развития шире и органически включает в себя как импортозамещающую модель, так и стратегию экспортной ориентации с использованием сравнительных преимуществ. При этом этап импортозамещения, пройденный многими развивающимися странами, включая Японию и НИС (за исключением, пожалуй, лишь Гонконга и Сингапура), представляется не экономической ошибкой, несовместимой со сравнительными преимуществами, а, скорее, наоборот, — закономерным первоначальным этапом стратегии догоняющего развития, заложившим необходимую индустриальную основу дальнейшего развития по пути экспортной ориентации.

В практическом плане интересными представляются темы монографии об условиях присоединения КНР к ВТО и возможных последствиях этого шага для китайской экономики в свете аналогичных переговоров России (третья глава), причины и уроки азиатского финансового кризиса и рекомендации автора по проведению либерализации финансового сектора при сохранении макроэкономической стабильности и национальной безопасности страны, освещенные в четвертой главе, что также имеет большую значимость для России, решающей подобные задачи.

Ознакомившись с книгой и поднятыми в ней проблемами, хочется пожелать автору и дальше по возможности развивать исследования по этой теме. Это представляется особенно важным для экономической науки в свете качественного самоопределения НИС как категории мировой экономики, возможного появления в ближайшей перспективе новых "индустриальных волн", расширения числа НИС и их выхода за рамки "третьего мира", приближения наиболее передовых из новых индустриальных стран "первой волны" к стадии зрелого постиндустриального развития.

Ларин А.Г. Китайцы в России вчера и сегодня. Исторический очерк. М.: Муравей, 2003. 222 с.

История китайцев в России особенно интересна тем, что между прошлым и настоящим прослеживается целый ряд характерных параллелей, изучение которых позволяет лучше понять суть сегодняшних процессов.

О китайцах в России написано немало, однако, более или менее активно изучались лишь отдельные периоды их пребывания в нашей стране. Наибольшее, пожалуй, внимание российской общественности китайская община привлекла в конце XIX — начале XX вв., когда правительство развернуло интенсивное хозяйственное освоение дальневосточных территорий, благодаря чему возник феномен массового "наплыва" китайских рабочих, вызвавший к жизни ряд сложных проблем экономического и политического характера.

Со второй половины 30-х гг. тема "российских" китайцев оказалась вообще закрытой. Однако на этапе перестройки и создания новой России, когда у нас опять появилось множество китайцев, она вновь громко зазвучала, будоража умы не только политиков, но и рядовых граждан.

Рецензируемая монография — первое целостное исследование темы, от ее исходных сюжетов до самых актуальных современных проблем (что, разумеется, не означает закрытия всех "белых пятен" в наших знаниях о данном предмете). Аккумулируя достижения других исследователей, книга вместе с тем отнюдь не является их компиляцией, она существенно расширяет наши представления об изучаемом предмете. Целый ряд граней темы раскрыт в книге впервые. Это касается, например, сферы взаимоотношений между российским (советским) и китайским правительствами по проблемам китайской диаспоры. Прежде из этой области были опубликованы лишь отдельные факты, хотя, как выясняется, и одна, и другая стороны неизменно уделяли вопросам эмиграции самое серьезное внимание, зачастую поднимая их рассмотрение на уровень высших властных структур.

Многие другие сегменты темы изложены в книге полнее, чем прежде или под новым углом зрения. Так, в 50-60-х гг. в СССР появилось значительное количество книг и статей, посвященных участию китайских бойцов на стороне красных в гра-

жданской войне. Решая определенную политическую задачу — содействовать укреплению советско-китайских взаимоотношений, эта литература, будучи новаторской, познавательно ценной, вместе с тем подчас идеализировала образ китайского красноармейца, рисовала его неправдоподобно сознательным. На самом деле — автор показывает это, опираясь на документы — многие китайские рабочие шли в армию под давлением обстоятельств, просто чтобы не умереть с голода в чужой стране, охваченной войной и разрухой. И только в Красной армии, встретив товарищеское, равноправное обращение, став полноценными членами коллектива и одновременно — объектами интенсивной разъяснительно-пропагандистской работы, китайские бойцы постепенно проникались идеями революции. Разумеется, как считалось в то время, мировой революции, очагом которой вслед за Россией предполагалось сделать их родной Китай.

Впервые ввести в научный оборот большой фактический материал, прийти к новым интересным выводам автору удалось благодаря основательной проработке документов в российских внешнеполитических архивах, а также использованию китайских литературных и архивных источников, в том числе тайваньских. Нелишне заметить, что значительную часть своих концепций автор предложил научной общественности несколькими годами ранее, опубликовав в 2000 г. в Институте Дальнего Востока предварительный, более краткий вариант своей работы, небольшой тираж которой быстро разошелся. В новой редакции первоначальное изложение углублено и существенно расширено.

Рецензируемая работа посвящена большей частью (но не только) китайским мигрантам на Дальнем Востоке — в регионе, в котором проживала их основная масса и о котором рассказывает подавляющее большинство источников. Другое ограничение: автор не берется описывать деятельность китайской делегации в Коминтерне, исходя из того, что это — отдельная сфера политики и отдельная тема исследования. Представляется, что установка этих рамок вполне оправдана, поскольку позволяет сосредоточиться на узловых проблемах избранной темы, подать

их более отчетливо. Собственно говоря, такому подходу подчинено все построение книги: автор, как правило, подкрепляет свои соображения одним — двумя примерами, оставляя за пределами текста большой массив однородного фактического материала. Кое-где такое изложение приобретает даже чрезмерную беглость.

А.Г. Ларин показывает формирование китайской диаспоры в России как начавшийся почти с нуля и нараставший из года в год процесс, обусловленный сначала привлекательностью природных богатств региона при отсутствии контроля за их эксплуатацией, а затем растущей потребностью экономики края в рабочей силе, особенно в период строительства транссибирской магистрали и города-крепости Владивостока. В конце концов, малочисленное и редкое китайское население края к 1910 г. увеличилось, по официальным данным, до 111 тыс. чел.

Отличительной чертой миграционного потока через российско-китайскую границу стал его ярко выраженный сезонный, отходнический характер. Другая его особенность состояла в присутствии большого количества нелегальных иммигрантов, превышавшего, как считали некоторые, число легальных, чему способствовали слабая охрана границы и неэффективность паспортного режима. Основываясь на официальных данных и экспертных оценках того времени, автор предпринял интересную попытку несколькими способами подсчитать общую численность китайского населения на российском Дальнем Востоке на 1910 г. По его подсчетам, численность оказалась в пределах 200 — 250 тыс. чел., что резко отличается от цифр, публиковавшихся в китайской прессе: до 700 тыс. чел. В общем населении края, интенсивно наполнявшемся в конце XIX — начале XX века переселенцами из европейской части России, доля китайских мигрантов не могла превышать, таким образом, 20 — 25% (стр. 18 — 23).

Для автора характерно стремление не уходить от рассмотрения острых вопросов, объективно разобраться в противоречиях, вызванных к жизни деятельностью китайской общины, найти логику в переплетении различных, нередко противоположных взглядов на нее, обосновывая, но не навязывая читателям свою точку зрения. Это относится, в частности, к оценке роли китайского труда в экономическом освоении российского Дальнего Востока. Китайский труд представлял собой необходимый компонент производительных сил региона. Так, на рубеже XIX — XX вв. китайские мигранты соста-

вляли подавляющее большинство в сфере неквалифицированного физического труда и преобладали во многих других профессиях, особенно в торгово-предпринимательском секторе. Владея специфической, отработанной за века культурой земледелия, китайские крестьяне занимали господствующее положение на рынке сельскохозяйственной продукции.

Вместе с тем в глазах россиян деятельность китайцев имела и серьезные теневые стороны. К их числу, как показывает автор монографии, отечественные специалисты относили постоянную хозяйственную конкуренцию между российским и китайским населением, хищническую эксплуатацию пришельцами природных богатств края, утечку за рубеж всего того, что они зарабатывали или добывали в тайге нелегальным образом (включая золото).

Предметом частых дискуссий служил вопрос: чей труд экономически более эффективен: труд безответных, скромных, работающих китайцев или физически более выносливых и более инициативных российских рабочих? Интересно, что группа правительственных экспертов смогла лишь констатировать, что противопоставление первого второму “как экономически более выгодного не находит себе оправдания в действительности” (стр.24).

Автор без обиняков говорит об эксплуатации, которой подвергались китайские рабочие в России. Вместе с тем он предостерегает от попытки механически подходить к явлениям прошлого к современным меркам. Неприемлемая в современном цивилизованном мире степень эксплуатации китайского труда в те времена, будучи широко распространенной во многих странах Тихоокеанского региона, считалась нормой. Она оказывалась выгодной и самим китайским рабочим, стремившимся на заработки за рубеж и поощряемых в этом стремлении их собственным правительством. Нелишне заметить, что китайских кули столь же безжалостно, как и иностранные предприниматели, эксплуатировали их соотечественники-подрядчики.

Особый раздел в книге посвящен распространенным на рубеже XIX — XX веков взглядам на массу китайских эмигрантов как на источник повышенной опасности, способный в результате своего численного роста, пользуясь поддержкой с этнической родины, вытеснить россиян с Дальнего Востока. По мнению автора, эти опасения в силу ряда обстоятельств были преувеличены, однако, и поводов, если не причин, для их возникновения имелось

немало. Закрытость китайской диаспоры создавала почву для подозрений, что она в какой-то мере подчинена властям в Пекине. И действительно, на основании китайских архивных источников автору удалось выяснить, что эмигрантские общества втайне проходили регистрацию и утверждение в Китае, направляли туда свои отчеты, получали мандаты для председатели и его заместители и даже участвовали в выборах в парламент (стр. 59).

Систематизируя многочисленные "за" и "против" по различным аспектам большой проблемы "китайцы в дореволюционной России", выявляя групповые и ведомственные интересы, автор показывает, как под воздействием разнонаправленных давлений у правительства складывалась долгосрочная стратегическая линия, направленная на постепенное ограничение масштабов использования в России китайского труда.

Немало новых наблюдений и выводов содержится в главе, посвященной участию китайских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне. Автор впервые показал, например, что известная революционная организация, возникшая в 1918 г. — Союз китайских рабочих — финансировалась советским правительством — Народным комиссариатом иностранных дел (стр. 81). Некоторые деятели СКР страдали синдромом ультрареволюционности. Они, в частности, разрабатывали утопические планы скорейшего введения частей китайских красноармейцев в приграничные провинции Китая с целью установления там советской власти. Подобный же экстремизм проявлял кое-кто из руководителей китайских партизанских отрядов на Дальнем Востоке, перенося боевые действия на территорию Маньчжурии (стр. 113-114).

Известно, что в 1918-1919 гг. настроения "сверхреволюционности" имели определенное распространение и в структурах советской власти. Соответствующие подразделения советских органов на Дальнем Востоке готовили отряды китайских бойцов для участия в китайской революции; Коминтерн и его уполномоченные на Дальнем Востоке посылали эмиссаров, в том числе китайской национальности, с задачей установления контактов с революционными организациями в Китае; пропагандировали идеи революции среди возвращавшихся на родину китайских рабочих. Автор отмечает, что накат революционной волны из России, заставляя Пекин принимать серьезные контрмеры и по линии безопасности, и в сфере политики, не мог не осложнить трудный

процесс нормализации советско-китайских отношений.

Что же касается другого слоя китайской диаспоры, купеческого, то для его позиции характерен такой приводимый в книге факт. В ходе гражданской войны многие общественные организации, объединявшие представителей этого слоя, стали обращаться к бэйянскому правительству с просьбой прислать войска для защиты жизни и имущества китайских граждан в России. После этого Пекин и начал направлять свои воинские части в Сибирь (стр. 102-106).

Стремление автора к непредвзятому анализу и светлых, и темных сторон жизни китайской диаспоры отличает и описание советского периода ее истории. Насколько позволяет материал, автор проводит своих героев сквозь трудные годы глубоких социально-экономических преобразований: НЭПа, кооперации, коллективизации, индустриализации. Он показывает реальные достижения советского национально-культурного строительства, благодаря которому китайцы впервые почувствовали себя равноправными, полноценными жителями России, стали пользоваться уважением за ударнический труд, впервые обрели школы и театры на родном языке и даже фонетическую письменность, созданную на основе новейших достижений языкознания.

Вместе с тем им пришлось испытать горькую чашу экспроприации собственности, дававшей им средства существования, и массовых репрессий, заключительным аккордом которых стала тотальная депортация китайцев (как и корейцев) в 1938 г. с Дальнего Востока. Не оправдывая тех методов, которые применялись в ходе депортации, автор отмечает, что советское правительство видело в ней необходимую меру в условиях оккупации Японией Маньчжурии и возрастания напряженности в советско-японских отношениях. Он подчеркивает также, что репрессии и насильственные переселения были характерной чертой внутренней политики советского государства, от них страдали все национальности страны, и китайцы не были исключением: они разделяли судьбу всего советского народа.

Начатая в СССР перестройка и образование Российской Федерации создали благоприятные условия для возникновения новой волны китайского "наплыва", а с ним и возрождения — разумеется, с поправкой на время — множества проблем, казалось, безвозвратно ушедших в прошлое. Из приведенного в книге анализа становится очевидным: китайский труд

сегодня, как и на рубеже прошлого и позапрошлого веков, имеет в глазах российской общественности и положительные, и негативные стороны, и разные сектора российского общества, разные ведомства оценивают его неодинаково. Одни говорят о заметной пользе, которую приносят китайские торговцы и рабочие, отмечают их трудолюбие, трезвый образ жизни, готовность довольствоваться скромной оплатой. Другие обвиняют их в массовом уклонении от налогов, массовой же скупке заделшево наших природных богатств, поставке низкокачественного товара на грани брака, многочисленных нарушениях паспортно-визового режима. На что первые возражают: теневая деятельность китайцев мало чем отличается от теневой деятельности самих россиян и смыкается с нею; ответственность же за то и другое лежит в первую очередь на наших властях, не желающих или не способных защитить интересы страны.

Сам автор не сомневается в целесообразности использования китайского труда. Вместе с тем он отмечает, что российская общественность явственно обеспокоена перспективой китайской "демографической экспансии" — проблемой вновь ожившей, поскольку оказалась воспроизведена столетней давности ситуация: слабость российских позиций на Дальнем Востоке плюс огромная разница в демографических потенциалах двух стран. Отличие от прошлого, и не в пользу России, состоит в том, что теперь Китай набрал небывалую мощь и, продолжая наращивать ее, проявляет все больший интерес к природным богатствам Сибири.

С точки зрения автора, для правильного понимания проблемы необходимо различать две ее стороны. Одна сторона — это отмеченное выше постепенное вызревание объективных возможностей для будущей гипотетической "мирной экспансии", в частности, демографической. Вторая сторона — вопрос ее полити-

ческой выгоды. Китай нуждается в длительном мире для организации нового экономического подъема. Ему нужен также спокойный тыл, чтобы более уверенно строить свои отношения с Западом. Аналогичные потребности испытывает и Россия, и это, собственно, и составляет политический фундамент долгосрочного стратегического партнерства двух стран, побуждающего их избегать любого обострения отношений и потому делающего "мирную экспансию" политически нецелесообразной. Но только при одном нижеследующем условии.

В нашей литературе не раз говорилось о необходимости для российского государства осознать важность проблемы миграции из Китая и разработать соответствующую стратегию. В порядке ее конкретизации российские Китаеведы и демографы выдвинули множество полезных предложений. Разделяя и развивая точку зрения своих коллег, автор рецензируемой монографии настойчиво подчеркивает: мало принять даже самую хорошую стратегию. Для ее эффективного претворения в жизнь государственная власть должна быть достаточно сильной, чтобы держать под контролем миграционные потоки, регулировать их объем и качество, навести порядок в торговле с китайскими партнерами и т.п.

В последнем разделе книги автор, выходя за рамки темы, размышляет о том, способно ли российское государство обрести искомое могущество, и здесь его повествование переходит в другой жанр — превращается в публицистическое, приобретая эмоциональность, но теряя, к сожалению, в основательности научного анализа. Тем не менее, нельзя не согласиться с его заключительным утверждением, что укрепление совокупной мощи государства является не только необходимым условием решения проблемы китайской эмиграции, но и залогом успешного развития дружеских, добрососедских отношений между РФ и КНР.

Шэн Чжихуа. Советские специалисты в Китае (1948-1960). Пекин: Чжунго гоцзи гуанбо чубаньшэ, 2003. 448 с.

Набирающий год от года новые силы процесс развития многосторонних связей между Россией и Китаем побудил китайских ученых к более глубокому исследованию положительного опыта в недалеком историческом прошлом с целью передать новому поколению эстафету дружбы и успешного сотрудничества между двумя странами и народами. Восстанавливая в памяти современников позитивные созидательные действия предшествующих поколений и анализируя характер советско-китайских отношений в разные периоды с позиций современности, исследователи-историки все больше акцентируют внимание на совпадении коренных национальных интересов двух народов, на их желании и исторической предопределенности жить в мире и дружбе, быть добрыми соседями и равноправными партнерами.

Показательна в этом плане опубликованная в 2003 г. книга известного ученого и политолога Шэн Чжихуа о советских специалистах, работавших в Китае в 1948-1960 гг., вклад и заслуги которых, по словам автора, в налаживании системы управления и экономического строительства государства в начале пути к модернизации нового Китая нельзя ни отрицать, ни игнорировать (с. 411).

Рецензируемая книга является плодом большой и кропотливой работы, связанной с поиском и пристальным изучением многочисленных документальных свидетельств практической деятельности советских специалистов в Китае. В монографии использованы материалы МИД КНР, провинциальных и городских архивов Китая в Ляонине, Фуцзяни, Цзилине, Внутренней Монголии, Синьцзяне, Хэйлуцзяне, Чанчуне, Даляне и др. Рассекречивание и публикация архивных материалов, осуществленные в России в 90-х годах, создали благоприятные условия для ученых-историков. Шэн Чжихуа тщательно исследовал ставшие доступными документы российских архивов: Архив Президента Российской Федерации (АПРФ), Архив внешней политики Рос-

сийской Федерации (АВПРФ), Центр хранения современной документации (ЦХСД), Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), Российский Центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Он использовал также труды известных российских китаеведов-историков — С.Л. Тихвинского, М.И. Сладковского, М.С. Капицы, О.Б. Рахманина, А.М. Ледовского, Б.Т. Кулика, Р.А. Мировицкой и многих других, воспоминания участников событий 50-х годов, публикации на эту тему западных исследователей и политологов.

Особое внимание Шэн Чжихуа уделил так называемой "устной истории", основанной на рассказах и воспоминаниях китайских рабочих и инженеров, простых людей, работавших вместе с советскими специалистами в различных городах и провинциях Китая. На судостроительном заводе в г. Даляне, металлургическом комбинате в г. Аньшане, сталелитейном заводе в г. Баотоу и многих других крупных промышленных объектах, построенных и реконструированных с помощью СССР, сохранились документы и живы очевидцы, в деталях подтверждающие ведущую роль и большой вклад Советского Союза и его посланцев — советников и специалистов в восстановление и развитие нового Китая. Шэн Чжихуа беседовал и с многими (более 30) бывшими советскими специалистами с целью воссоздать подлинную картину и характер взаимоотношений между советскими и китайскими людьми, основываясь на сложившихся представлениях обеих сторон. Фактический материал, собранный Шэн Чжихуа, представляет особую ценность, придает его книге фундаментальный научный характер.

Предваряя историю исследуемого вопроса, Шэн Чжихуа напоминает об активной и полезной деятельности в Китае еще в 20-х — 30-х годах прошлого столе-

тия групп советских политических и военных советников во главе с М.М. Бородиным и В.К. Блюхером, и о том, что в период с 1937 г. по 1942 г. в Китае действовали свыше 300 только военных советников высокого ранга и более 200 гражданских специалистов, командированных из СССР (с. 22).

После разгрома Советской армией японской военной группировки в Маньчжурии и капитуляции Японии Советский Союз помог КПК и НОАК закрепиться на Северо-Востоке Китая и создать там военно-революционную базу для освобождения всей страны. С помощью СССР была оснащена оружием, военной техникой и различным снаряжением северо-восточная группировка НОАК, сыгравшая решающую роль в поражении гоминьдановских войск и освобождении всей страны. Советские организации поставляли в Китай автомашины, горючее, медикаменты, различное оборудование и материалы, содействовали восстановлению железных дорог. Экономическое и научно-техническое сотрудничество с СССР давало возможность КПК подготовить руководящие административные и технические кадры для управления различными отраслями народного хозяйства.

Исследуя деятельность советских специалистов в Китае на протяжении 10 с лишним лет, в том числе в годы политических и идеологических разногласий между СССР и КНР, Шэн Чжихуа выделяет в ней четыре исторических этапа, два из которых связывает с политикой И.В. Сталина, а два — с действиями Н.С. Хрущева.

На первом этапе, по определению автора, "сталинского периода" (1948-1949 гг.) еще до освобождения Китая и провозглашения КНР Мао Цзедун и другие китайские руководители неоднократно обращались к Сталину с просьбами об оказании помощи и направлении в Китай советников и специалистов различного профиля. Об этом свидетельствуют приводимые в книге документы, как, например, телеграмма Линь Бяо от 8 сентября 1948 г., адресованная Сталину, с настоятельной просьбой прислать советских военных специалистов (с.42-44). Взаимопонимание по многим вопросам было достигнуто на переговорах в ходе секретной миссии А.И. Микояна в Китай в феврале 1949 г. (с. 58-60), а также во время секретно-

го визита делегации КПК во главе с Лю Шаоци в Москву в июле-августе 1949 г. (с. 62-75). По мнению Шэн Чжихуа, Сталин, определяя курс дальнейших действий, несколько "затягивал" решение вопросов о помощи КПК и скорейшем направлении специалистов в освобожденные районы Китая.

Вместе с тем автор показывает, как в условиях сложной международной обстановки и продолжающейся гражданской войны в Китае шел процесс постепенного сближения и установления доверительных отношений между руководителями и народами двух стран. В июне 1948 г. на Северо-Восток Китая для оказания помощи в восстановлении разрушенного войной народного хозяйства прибыла первая группа советских специалистов-железнодорожников во главе с министром железнодорожного транспорта СССР И.В. Ковалевым. Еще 220 советских специалистов прибыли в Шэньян 25 августа 1949 г., после "успешного", как отмечает автор, визита Лю Шаоци в Москву.

Как известно, после победы китайской революции и провозглашения КНР Советский Союз, несмотря на собственные послевоенные трудности, оказал большую помощь Китаю, не жалея для этого ни сил, ни средств. В частности, была отремонтирована, а затем безвозмездно передана в собственность КНР Китайско-Чанчуньская железная дорога, для управления которой было подготовлено свыше 40 тысяч китайских железнодорожников. В то время все больше китайцев приходили к убеждению, что "спасти Китай может только Советский Союз".

На втором этапе "сталинского периода" (1949-1953 гг.) активизировался процесс становления и развития советско-китайских отношений, которые были скреплены Договором о дружбе, союзе и взаимной помощи 14 февраля 1950 г., а также подписанием ряда других соглашений, в том числе и о советских специалистах. Автор подробно излагает ход подготовки сторонами соглашения об условиях работы советских специалистов в Китае, подписанного 27 марта 1950 г. (с. 87-88). Он напоминает и о состоявшемся 21-23 марта важном рабочем совещании ответственных представителей ведущих министерств и ведомств СССР, руководителей групп советников и специалистов, поименно называет его участников в ранге

заместителей министров или начальников управлений (Госплана, Минфина, Минюста, МПС и др.). С совещание проводил первый заместитель председателя Госкомитета по внешнеэкономическим связям Совета Министров СССР И.В.Архипов, по указанию И.В.Сталина сменивший И.В.Ковалева на посту руководителя всеми советниками и специалистами в Китае. Подводя итоги обсуждения большого круга проблем, которые предстояло решать советским специалистам, И.В.Архипов призвал их трудиться с открытой душой и полной отдачей сил, оказывать всемерную помощь китайскому народу (с. 109).

Было очевидно, что Китай, не имея опыта государственного строительства и соответствующих профессиональных кадров, остро нуждался в большом количестве советских специалистов, чтобы выполнить намеченный план первой пятилетки. В августе 1952 г. в беседе с И.В.Сталиным Чжоу Эньлай просил направить в Китай 800 специалистов разного профиля. Месяц спустя Чжоу Эньлай обратился к заместителю Председателя Совета Министров СССР В.М.Молотову с аналогичной просьбой прислать в 1952-1953 гг. 239 советских инженеров и техников. В июле 1953 г. правительство КНР попросило дополнительно еще 172 специалиста, хотя в то время в Китае уже трудились 277 советских профессионалов. Все они оказали существенную помощь КНР в разработке крупных проектов, планировании строительства в различных отраслях народного хозяйства, в подготовке инженерно-технических кадров (с. 106-108). В этот период и особенно после выдвинутого Мао Цзэдуном в 1952 г. призыва к всесторонней учебе у СССР под девизом "Советский Союз сегодня — это Китай завтра" заметно возросла потребность Китая в советских специалистах. Просьбы китайской стороны, как правило, выполнялись. Правда, как замечает Шэн Чжихуа, в ходе корейской войны (1950-1952 гг.) Сталин однажды отказался выполнить пожелание Мао Цзэдуна направить военных советников в китайскую добровольческую армию в Корею, мотивируя свой отказ тем, что СССР не может открыто участвовать в этой войне из-за угрозы расширения ее масштабов (с. 145-150).

Автор констатирует, что некоторые расхождения в позициях сторон возника-

ли уже на этом этапе при рассмотрении конкретных предложений, отдельных проектов и планов сотрудничества. Такие "противоречия" наблюдались, например, по вопросам реконструкции Пекина, формирования и деятельности органов безопасности, модернизации армии на основе современной техники, стратегии и тактики ведения боевых действий и т. п. (с. 141-150). Однако в то время эти споры еще не переносились в сферы политики и идеологии, а решались по обоюдному согласию в рабочем порядке с учетом национальных особенностей, пожеланий и интересов китайской стороны.

Справедливости ради следует отметить, что в организационном плане система командирования советских специалистов, управления и контроля за их деятельностью была еще несовершенна. Некоторые китайские министерства и ведомства, отдельные организации, еще не имея согласованных планов и четкого представления, каких и сколько требуется советских специалистов, направляли приглашения "вслепую" без должной подготовки к приему специалистов. В этом, по свидетельству автора, была вина и китайской стороны (с. 153).

Первый этап, по определению автора, "хрущевского периода" (1953-1957 гг.) характеризуется как "медовый месяц" в китайско-советских отношениях, когда наблюдался наибольший приток советских советников и специалистов в Китай. Это было продиктовано, по мнению автора, "как требованиями развития КНР и СССР, так и в особенности политической борьбой в высших кругах КПСС" (с. 176). С приходом к власти после смерти Сталина Хрущев, желая укрепить свой авторитет внутри страны и за рубежом, "стремился заручиться пониманием и поддержкой китайских руководителей" во внутренней и международной политике. С этой целью он "прилагал все усилия для урегулирования курса в отношении Китая путем стимулирования экономической и военной помощи КНР" (с. 182). По просьбам китайской стороны СССР взял на себя обязательство оказать помощь в строительстве и реконструкции 91 промышленного предприятия в 1953-1959 гг., а также завершить до апреля 1953 г. уже начатое строительство 51 предприятия (с. 183). Советская сторона проявила готовность

ежегодно принимать 1000 китайских рабочих, инженеров и техников для производственного обучения, а также направлять в Китай группы советских специалистов для оказания помощи в развитии различных отраслей промышленности КНР, что способствовало успешному выполнению первого 5-летнего плана КНР (с. 183-184). СССР проявил большую заботу и в плане модернизации вооружения китайской армии, согласившись оказать помощь КНР в строительстве оборонных предприятий и в налаживании производства новых типов военной техники советского образца, в том числе самолетов МИГ-17, зенитных установок КС-18 с радиолокатором "Гром-2" и "Пуазо-6", новых танковых дизелей, 85-мм дивизионных пушек и др. на действующих заводах Китая. Автор ссылается на соответствующую переписку Мао Цзэдуна с Н.С.Хрущевым по этому вопросу (с.185-186).

Масштабы и объемы помощи, оказанной Советским Союзом Китаю в трудный для него период, подчеркивается в книге, впечатляют даже спустя полстолетия. Всесторонняя и систематическая поддержка Китаю оказывалась Советским Союзом в строительстве и реконструкции 156 промышленных объектов, а также предприятий оборонной промышленности. В КНР поставлялись самые современные машины и оборудование, фактически безвозмездно передавались научно-техническая информация и документация, оценивавшаяся на мировом рынке в миллиарды долларов. С помощью СССР и советских специалистов в Китае уже в первой пятилетке были созданы основы современной индустрии, появились новые отрасли промышленности.

По данным китайской стороны, за 13 лет, т.е. в период 1947-1960 гг., в Китае в общей сложности работали свыше 18 тысяч советских специалистов и советников (с. 4) (в нашей печати ранее называлась цифра 10 тыс.). Многочисленные документы, факты и цифры, приводимые Шэн Чжихуа, свидетельствуют о широких масштабах деятельности советских советников и специалистов, их самоотверженном труде и огромном вкладе в восстановление и развитие КНР.

Советские специалисты и советники в Китае работали в самых разных сферах: в правительственных и военных уч-

реждениях, в промышленности, науке и технике, в системах безопасности, образования, здравоохранения и спорта. Они помогали КПК в подготовке руководящих административных и инженерно-технических кадров для управления многими отраслями народного хозяйства. Помощь китайскому руководству оказывалась не только в экономическом развитии страны, но и в укреплении ее обороноспособности путем поставок Китаю военной техники и различных видов вооружения, а также путем обучения и подготовки кадров командного состава НОАК, ее военно-воздушных и военно-морских сил.

Шэн Чжихуа приводит многочисленные примеры и факты, свидетельствующие об эффективной деятельности советских специалистов в различных отраслях народного хозяйства Китая — в металлургической и сталелитейной промышленности, в добыче угля и нефти, в производстве электроэнергетики, в ирригационных работах, на железных дорогах, на строительных объектах и в сельском хозяйстве, в лесной промышленности и животноводстве, в медицине и здравоохранении. Автор, ссылаясь на очевидцев, рассказывает о различных рационализаторских предложениях советских специалистов, которые способствовали повышению производительности труда и росту производства продукции, освоению новой техники и системы управления промышленными предприятиями на высоком научно-техническом уровне в начале пути Китая к индустриализации (с. 116-123).

Призыв Мао Цзэдуна "учиться у Советского Союза, учиться у советских специалистов" был с большим энтузиазмом воспринят китайским народом. Шэн Чжихуа выделяет три направления, по которым осуществлялся этот призыв. Первое — перевод и изучение советской научно-технической литературы, различных учебников и справочников, научных исследований, которые в большом количестве предоставлялись СССР. Второе — учеба у советских преподавателей в китайских учебных заведениях. Третье — обучение китайской молодежи в советских вузах и техникумах.

В 1950-1960-х годах более 38 тысяч китайских граждан, партийных, политических, военных кадровых работников, техников и студентов прошли обучение и

практику в Советском Союзе. В вузах и научно-исследовательских институтах СССР было подготовлено более 11 тысяч научных кадров. Советские советники и специалисты, работавшие в Китае, также щедро делились с китайцами своими знаниями и опытом (с. 405). Все это способствовало воспитанию в китайском народе духа дружбы и глубокого уважения к СССР и советским людям.

Излагая проблему деятельности советских специалистов в Китае, Шэн Чжихуа рассматривает ее как важную составную часть истории китайско-советских межгосударственных отношений в целом. Любые изменения в характере политических и идеологических связей между двумя странами на высоком государственном уровне неизбежно отражались на взаимоотношениях между народами Китая и России, в частности, на обстановке и условиях работы советских специалистов.

На втором этапе "хрущевского периода" (1958-1960 гг.) произошла заметная трансформация советско-китайских отношений, отразившаяся на судьбе советских специалистов. "Медовый месяц" дружбы и согласия закончился еще в 1956 г., когда Мао Цзэдуном был выдвинут тезис "смотреть на СССР как на зеркало", в котором отражаются не только достоинства, но и недостатки, т. е. критически, подвергая сомнениям правильность действий СССР и его советников и специалистов. Хотя, по мнению Шэн Чжихуа, после XX съезда КПСС критика культа личности Сталина в СССР, события в Польше и Венгрии не оказали радикального влияния на китайско-советские отношения и политику обеих стран применительно к специалистам (с. 18-19), однако именно после этих событий началось сокращение и откомандирование на родину советских советников, работавших в государственных и управленческих структурах КНР. В то же время Пекином был сделан акцент на приглашение и использование специалистов в различных областях экономики, науки и техники, в особенности в области новейшей военной техники.

Этот этап китайско-советских отношений Шэн Чжихуа характеризует как "движение к расколу". После встречи в Пекине Мао Цзэдуна с Н.С. Хрущевым и тайваньского кризиса в 1958 г. стали обнаруживаться "противоречия" между СССР

и КНР по вопросам внутренней и внешней политики обеих стран, а также в сфере идеологии, что "оказало определенное влияние на деятельность советских специалистов" (с. 19). Предпринятые в 1958-1960 гг. Мао Цзэдуном широкомасштабные эксперименты под лозунгами "большого скачка", вызвали сомнения в правильности взятого курса и разногласия между руководителями СССР и КНР. Политические расхождения усилились вследствие китайско-индийского конфликта в 1959 г., которому стороны давали разные оценки, а также из-за настойчивого стремления Пекина к обладанию стратегическим и ядерным оружием с помощью СССР.

В споры между высшими руководителями СССР и КНР, получившие широкую огласку, китайская сторона пыталась втянуть и советских специалистов в Китай, которых понуждали высказывать собственное мнение по поводу позиций сторон. В создавшейся напряженной обстановке советское правительство приняло решение об отзыве всех советских специалистов на родину, о чем посольство СССР уведомило МИД КНР нотой от 16 июля 1960 г. (с. 381-384). Китайская сторона характеризовала это решение как "неправомерное", поспешное, "волюнтаристское" действие Хрущева. По мнению Шэн Чжихуа, это была "попытка оказать политическое давление, что привело к подрыву советско-китайских международных отношений" (с. 16). Вторжение политики и идеологии в сферы экономических, научно-технических и других деловых отношений, считает автор, нанесло урон обеим странам, интересам обоих народов. Советские специалисты, по выражению автора, стали "жертвой, принесенной в угоду политике" (с. 19).

Дискуссии о том, насколько правомерным и правильным было решение советского правительства и каковы были подлинные причины отзыва всех советских специалистов из Китая продолжают и по сей день среди историков двух стран. Автор считает, что каждая из сторон должна нести свою долю ответственности за случившееся и извлекать уроки на будущее. Гораздо важнее и продуктивнее по достоинству оценить положительный опыт дружбы и сотрудничества двух великих стран и народов, сохранить и

продолжить добрые традиции.

Общий вывод, который делает Шэн Чжихуа в интересном и полезном исследовании, сводится к высокой оценке "неоспоримых заслуг" советских специалистов, внесших "очевидный вклад" в налаживание системы управления и экономического строительства на начальном этапе модернизации нового Китая. По его словам, "советские специалисты сыграли историческую и в определенной степени решающую роль, особенно в том, что Китай смог за несколько лет создать основу своей промышленности" (с. 411). "Если говорить о влиянии СССР на Китай, — заключает автор, — то быстрое восстановление и развитие государственной экономики, создание промышленной базы, а также появление политической и экономической системы советского типа являются результатом деятельности советских специалистов" (с. 405).

Высоко оценивая работу советских специалистов в Китае в 1948—1960 гг., внесенный ими вклад в восстановление и развитие всего народного хозяйства страны, Шэн Чжихуа считает, что китайские и российские ученые еще не до конца исследовали эту проблему. И хотя многие авторы обращаются к этой теме, подчеркивая ее важное значение, однако конкретные глубокие исследования самой проблемы встречаются не часто. По его

мнению, редким и, пожалуй, единственным исключением в последнее время стала монография Т.Г. Зазерской "Советские специалисты и формирование военно-промышленного комплекса Китая (1949—1960 гг.), (С.-Петербург, 2000 г.). Написанная на основе документов из российских архивов, эта книга привлекает внимание объективным, хорошо аргументированным изложением данной проблемы, ее места и роли в советско-китайских отношениях.

Исследование Шэн Чжихуа вопроса о деятельности советских специалистов в Китае является важным и полезным вкладом в изучение истории советско-китайских отношений. Автор не считает, что ему удалось до конца раскрыть все стороны и детали этой проблемы, поскольку важнейшие директивы и принимавшиеся правительствами СССР и КНР решения еще не опубликованы. Он допускает также, что не все оценки и характеристики происходивших событий, используемые в его книге являются абсолютно точными и правильными. Тем не менее, его призыв к советским и китайским ученым продолжить глубокое исследование роли и значение вклада советских специалистов, работавших в Китае, заслуживает серьезного внимания. Это, несомненно, способствовало бы дальнейшему укреплению дружбы и сотрудничества между народами России и Китая.

Полвека без войны и без мира: Корейский полуостров глазами российских ученых: Сборник статей. Ответственные редакторы Толорая Г.Д., Федоровский А.Н., Ли Ен Че. М.: Центр по изучению современной Кореи ИМЭМО РАН, 2003. 341 с.

Корейский полуостров, где бок о бок расположены два независимых государства — Корейская Народно-Демократическая Республика (Северная Корея) и Республика Корея (Южная Корея), постоянно привлекает к себе внимание мирового сообщества из-за целого ряда специфических проблем, во многом определяющих развитие международной обстановки не только в АТР, но и в глобальном масштабе. К ним относится отсутствие стабильных, урегулированных отношений между двумя Кореями как наследие Корейской войны 1953 года, военно-политического протivостояния двух мировых систем, а также воздействия новых угроз безопасности миру на земле в целом. Естественно, что данная проблематика находится в центре внимания российских ученых, одним из доказательств чего служит выход в свет рецензируемой книги. Это — сборник статей, авторы которых поставили задачу обрисовать внутреннее и внешнеполитическое положение КНДР и РК с тем, чтобы осветить политические и экономические аспекты российской внешней политики на Корейском полуострове с точки зрения ее современного состояния и перспектив на будущее. Состав авторского коллектива весьма представительен, что определяется не только высокими учеными степенями и званиями его участников — сотрудников научных подразделений Российской академии наук, в том числе Центра современных корейских исследований Института мировой экономики и международных отношений, Института востоковедения, Института экономических и политических исследований, Института Дальнего Востока, а также Дипломатической академии МИД РФ и Московского государственного института международных отношений (Университет). Авторами и редакторами выступают также видные дипломатические работники, много лет проработавшие на высоких дипломатических должностях в РК и КНДР (В.И. Денисов, Г.Д. Толорая, Г.Ф. Кунадзе). Следует отметить еще одну особен-

ность рецензируемого сборника — каждая статья опубликована и на русском, и на корейском языках. Это делает материалы сборника доступными корейскому читателю.

Книга, открывающаяся введением, написанным академиком Н.А. Симония, директором ИМЭМО РАН, председателем Совета Центра современных корейских исследований, состоит из трех разделов: "Две Кореи на рубеже веков", "Вопросы безопасности на Корейском полуострове" и "Экономический аспект российской политики в Корею". Введение Н.А. Симонии сразу же приобщает читателя к кругу наиболее острых проблем, связанных с ядерной стратегией КНДР и ее ролью в системе международных отношений. "Могли ли Соединенные Штаты в те времена, когда они сбрасывали атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки и чувствовали себя на вершине монопольного военного могущества, представить себе, что 58 лет спустя они столкнутся с ядерным шантажом со стороны маленькой Северной Кореи?" (с. 1). Таким образом, уже во введении задан определенный концептуальный настрой всему содержанию сборника, ощущаемый прямо или косвенно в каждой из его статей.

Проблемам внешней политики Пхеньяна и Сеула специально посвящены статьи В.И. Денисова (МГИМО МИД РФ) "Межкорейский диалог: тенденции, проблемы и перспективы", А.З. Жебина (ИДВ РАН) "КНДР в поисках выхода", Г.Ф. Кунадзе (ИМЭМО РАН) "О корейском урегулировании без гнева и пристрастия", А.В. Воронцова (ИВ РАН) "Ядерный кризис на Корейском полуострове в международном контексте". В статье Г.Ф. Кунадзе рассматриваются различия между внутренней и внешней политикой КНДР и РК. По словам автора, после окончания войны на Корейском полуострове одно корейское государство — РК "решало задачи национального возрождения", а тем временем другое корейское государство — КНДР "неуклонно приближалось к национальному вырождению" (с. 166). Ре-

зкая критика автором не только ядерной политики КНДР, но и всей северокорейской политической системы ("вполне понятно, что северокорейская политическая система несовместима ни с демократией, ни с правами человека", с. 177) лежит в основе практического предложения автора. Оно сводится к необходимости выстроить в систему все необходимые составляющие для выработки нового "синтетического" подхода к КНДР и для запуска на его основе процесса корейского урегулирования" (с. 181).

В статье В.И. Денисова отражена креативная идея поиска и использования малейших возможностей для дальнейшего развития межкорейского диалога. Вместе с тем, В.И. Денисов, как и другие авторы, констатирует, что "ядерная проблема КНДР становится весьма серьезным препятствием для продолжения межкорейского диалога, может отбросить отношения между двумя Кореями далеко назад. Поэтому задача состоит в том, чтобы найти политические средства ее решения" (с. 143).

А.З. Жебин выступает за сбалансированный подход к оценкам политической и экономической ситуации в Северной Корее. Им отмечены появление элементов ограничения прежних коммунистических догм новой доктриной построения так называемой "могущественной державы" на всей территории Корейского полуострова" (с. 16), а также первые попытки северокорейского лидера "дистанцироваться от ряда серьезных экономических и внешнеполитических просчетов, допущенных во времена руководства страной Ким Ир Сен" (с. 17) и т.д. Вместе с тем в статье приводится анализ причин сложной социально-экономической обстановки в КНДР, в том числе увеличения военных расходов, недогрузки производственных мощностей, роста безработицы и пр.

А.В.Воронцовым констатируется импульсное развитие отношений между двумя Кореями, между КНДР и США. При этом важной, на наш взгляд, является попытка автора опровергнуть распространенное мнение "о непредсказуемости и иррациональности северокорейского руководства". "С этим трудно согласиться, — считает А.В. Воронцов. — Как правило, действия последнего подчинены внутренней логике и четко сформулированным целям, прежде всего, обеспечению выживания независимой республики и сохранению своей государственности, которые, как уверены в Пхеньяне, сейчас подвер-

гаются прямой угрозе" (с. 213). Такой подход, как вытекает из статьи, во многом объясняет политику Пхеньяна, направленную на создание собственного потенциала сдерживания.

Большой интерес вызывает статья М. Е. Тригубенко "Попытки и перспективы обновления в КНДР" своей оригинальной постановкой вопроса: "Может ли попытка обновления социализма разрядить напряженность в Корее и дать повод для примирения КНДР с США?" (с. 54). Автор, естественно, избегает прямолинейного ответа. Однако из статьи следует, что обновление социализма путем сочетания внутренних рыночных реформ с внешнеэкономической открытостью способствует ускорению развития связей КНДР с внешним миром. Такая оценка представляется нам объективной и взвешенной.

Проблема урегулирования ситуации на Корейском полуострове во многом зависит от внутренней и внешней политики РК, ее экономического положения. В статье В.Ф. Ли "Тернистый путь к реальной демократии и либеральной экономике" подчеркнута, что понятие "реальной демократии" в условиях Южной Кореи далеко не тождественно трансатлантическому содержанию этого термина (с. 85). Автором доказывается, что "тяготение к ценностям либеральной демократии составляет, без преувеличения, фундаментальную основу процесса политической институционализации южнокорейского общества после освобождения от японской колонизации" (с. 108). Думается, что демократические институты в Южной Корее смогут сыграть свою роль в выработке внешней политике Сеула в отношении КНДР, без навязывания ей своей политической воли, с учетом коренных интересов всей корейской нации в целом.

С.С. Суслина (статья "Современный этап новоиндустриального развития в Республике Корея и перспективы для сотрудничества с Россией") интересна, прежде всего, анализом опыта выхода Южной Кореи из финансового кризиса 1997-1998 гг. Кризис высветил, как показано в статье, "достижения, слабости и пороки южнокорейской модели", стал для РК "рубежным этапом, разделившим ее экономическое развитие на успешное докризисное и проблемное послекризисное" (с. 279). Очевидно, можно согласиться с автором в том, что вызовы, с которыми Южная Корея столкнулась после кризиса, воздействие на нее процессов глобализа-

ции мировой экономики, делают актуальной задачу создания гражданского общества с высокой степенью социальной защиты и развитой демократией. Либерализация же южнокорейской экономики дает России новый шанс повысить свою роль в СВА путем наращивания темпов торгово-экономического сотрудничества с РК, облегчая доступ российским товарам на южнокорейский рынок, способствуя прямым инвестициям в ее экономику.

Статья А.Н. Федоровского "Получилось ли "взаимодополняющее партнерство" с РК?", целиком посвященная изучению характера двусторонних экономических связей России и Республики Корея, содержит материал, показывающий их состояние на сегодняшний день и причины их медленного развития. Автор подвергает сомнению идею о взаимодополняемости экономик РФ и РК в том виде, в каком она появилась 10-12 лет назад. "Жизнь показала нереальность тезиса "об автоматизме позитивного развития торгово-экономического сотрудничества между Россией и Республикой Корея"", — так говорится в статье (с. 325). В ней обосновывается также целый ряд направлений участия РФ в решении энергетических проблем Корейского полуострова, анализируется ситуация, возникшая вокруг со-

единения Транскорейской дороги с Транссибом и т.д.

Таким образом, в целом оценки российских учеными различных аспектов положения на Корейском полуострове в начале 2000-х гг. в принципе совпадают. Некоторое же различие взглядов обнаруживается, пожалуй, только при чтении разделов, посвященных анализу возможностей реформирования северокорейской экономики. Например, Г.Ф. Кунадзе утверждает, что северокорейская политическая система "давно уже находится на той стадии законченности и окостенелости, которая, скорее всего, исключает любые перемены" (с. 176). По словам же М.Е. Тригубенко, "в КНДР компартия постепенно утратила свое значение в принятии политических и хозяйственных решений" (с. 57). Утрата же руководящих позиций ТПК, на наш взгляд, способна привести к серьезным переменам.

Разумеется, что на многие из поднимаемых в книге вопросов на сегодняшний день невозможно получить развернутый однозначный ответ. Но важно и другое — данный сборник статей ведущих российских корееведов открывает возможность дальнейшего обсуждения проблем, тесно связанных с коренными национальными интересами России.

Юбилей ученого

К юбилею Анастасии Ивановны Картуновой

Анастасия Ивановна Картунова принадлежит к поколению исследователей старшего поколения, составляющего золотой фонд отечественного китаеведения.

А.И.Картунова родилась 31 января 1924 г. в рабоче-крестьянской семье. Опираясь на талант и трудолюбие, прошла типичный для советского человека путь получения высшего образования и профессионального становления. Закончив с отличием среднюю школу в г.Ташкенте, она получила китаеведческое образование в Московском институте востоковедения. Работая после его окончания в Международном отделе ЦК КПСС (с 1947 по 1956 гг.), контактируя в рамках служебных поручений со многими руководящими деятелями Компартии Китая и КНР, Н.И.Картунова окончательно связала свою судьбу с Китаем.

С 1960 по 1991 гг. Анастасия Ивановна — старший научный сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Поле ее научной деятельности в 50-60-е годы не ограничивалось китайской проблематикой и охватывало также проблемы международной деятельности КПСС и Советского государства, международного коммунистического и национально-освободительного движения в странах Востока. Однако при всех обстоятельствах А.И.Картунова оставалась верной главному интересу ее жизни — изучению истории Китая. Основным направлением ее исследований всегда оставались проблемы истории национально-революционного движения в Китае, особенно 20-х годов XX в., история Коммунистической партии Китая, рабочего движения, политики Коминтерна и РКП(б) (ВКП(б)) в Китае 20-х гг. XX в.

Отличительная черта научной деятельности Анастасии Ивановны в 60-80-е гг. — широкий охват явлений политической жизни Китая 20-х гг., выходящий за рамки темы коммунистического движения — основного предмета исследования советской и китайской историографии тех лет. Большое влияние на развитие советской историографии оказала книга А.И.Картуновой "В.К.Блюхер в Китае 1924-1927 гг. Документированный очерк. Документы" (М., 1970, 1979), которая в 1983 г. была переведена на китайский язык и быстро разошлась в СССР и в КНР, как среди историков, так и широких читательских масс.

В 1980 г. А.И.Картунова защитила докторскую диссертацию. В 1983 г. вышла в свет написанная на ее основе монография "Политика Компартии Китая в рабочем вопросе накануне революции 1925-1927 годов", при написании которой использовались архивные материалы, до того неизвестные историкам.

С 1994 г. по настоящее время Анастасия Ивановна трудится в ИДВ РАН. Эти годы оказались необычайно плодотворными в ее жизни. Можно сказать, что в трудах Анастасии Ивановны, написанных в 90-х гг. XX в. — начале XXI в., соединились знание и огромный опыт научной деятельности. Именно в эти годы, в благоприятных условиях открытия российских архивов, ей удалось в полной мере реализовать уже накопленные знания в области работы с архивными документами. Не будет преувеличением сказать, что в настоящее время А.И.Картунова является одним из лучших знатоков документов Коминтерна по китайским проблемам, особенно 20-х гг. XX в.

Новый уровень источниковой базы способствовал новым успехам Анастасии Ивановны в исследовательской работе. В 2000 г. вышла в свет ее монография "Политика Москвы в национально-революционном движении Китая: военный аспект. 1924 — июнь 1927 гг.", выдержавшая два издания (2-е изд. — в 2001 г.). Это — одна из немногих книг и статей "нового поколения" в отечественной историографии, написанных на новой источниковой базе, прежде всего, на основе архивных материалов документальной серии "ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае", издаваемой ИДВ РАН совместно со Свободным университетом Берлина.

Яркое явление в российской историографии — новая фундаментальная работа, подготовленная А.И.Картуновой — "В.К.Блюхер в Китае 1924-1927 гг. Новые документы главного военного советника в Китае" (М., 2003). Значение данного сборника, в работе над составлением которого ярко проявился высокий профессионализм А.И.Картуновой, трудно переоценить. Он содержит многие материалы для всестороннего видения событий национально-революционного движения Китая 20-х гг. XX в. и для более взвешенной оценки роли советских военных советников в истории Китайской республики. В КНР в настоящее время ведется подготовка к переводу вошедших в работу документов.

А.И.Картунова — автор ряда фундаментальных книг и около 150 других научных публикаций, участница целого ряда международных научных конференций. Ее научные труды опубликованы в переводах во многих зарубежных странах.

Научную деятельность она всегда сочетала с общественной, направленной на укрепление дружбы между нашей страной и Китаем. С 1960 по 1991 гг. А.И.Картунова — член центрального правления Общества советско-китайской дружбы, с 1992 г. — член центрального правления Общества российско-китайской дружбы.

Дирекция Института Дальнего Востока РАН, редколлегия и редакция журнала "Проблемы Дальнего Востока", друзья и коллеги горячо поздравляют Анастасию Ивановну с юбилеем и от всей души желают ей крепкого здоровья, счастья, дальнейших творческих успехов.

Ивану Николаевичу Наумову — 80 лет

17 января 2004 г. был отмечен юбилей видного российского ученого-китаевода, главного научного сотрудника Центра экономической интеграции в Восточной Азии Института Дальнего Востока РАН, доктора экономических наук Ивана Николаевича Наумова.

Вглядываясь в жизненный путь юбиляра, приходишь к мысли, что Иван Николаевич разделит судьбу замечательного поколения советских людей, защищавших родину в годы Великой Отечественной войны, честно трудившихся в послевоенный период и ценой самоотверженных усилий проложивших свой путь в большую науку.

В 1942 г., сразу по окончании средней школы, И.Н. Наумов был призван в Советскую Армию. Являлся непосредственным участником боев на полях сражений Великой Отечественной войны. Ратный труд юбиляра отмечен рядом правительственных наград.

В 1954 г. Иван Николаевич закончил Военный институт иностранных языков Советской Армии по специальности референт-переводчик с китайского и переводчик с английского языков и после демобилизации из армии в 1955 г. преподавал английский язык в Тюменском педагогическом институте и в Магнитогорском горно-металлургическом институте, одновременно сдав кандидатские экзамены по экономическим дисциплинам, изучая экономику КНР. В 1962 г. И.Н. Наумов поступил в аспирантуру кафедры экономики зарубежных стран экономического факультета МГУ, которую успешно закончил в 1965 г., защитив кандидатскую диссертацию. В дальнейшем он вел преподавательскую работу по новой специальности в качестве доцента кафедры и заведующего кафедрой политэкономии Магнитогорского педагогического института.

С 1971 г. Иван Николаевич работает в Институте Дальнего Востока РАН, посвятив себя комплексным исследованиям социально-экономических проблем современного Китая. Особое внимание в его научных трудах уделено анализу экономической стратегии Китая в XXI веке, изучению источников экономического роста. Основываясь на глубоком анализе большого количества официальных источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, фундаментальных исследованиях ведущих китайских экономистов, а также на личном видении проблем, сложившихся во время продолжительных стажировок и командировок в КНР, И.Н. Наумов разработал и опубликовал ряд монографий, являющихся весомым вкладом в отечественное китаеведение и востоковедение, в изучении глубинных основ жизнедеятельности китайского общества и восточноазиатского способа производства в период его реформирования и обновления. Среди этих работ особое место занимают: "Продоволь-

ственная проблема в Китае" (М., 1973); "Проблемы формирования и подъема уровня жизни населения КНР" (М., 1993); "Стратегия экономического развития КНР в 1996—2020 гг. и проблемы ее реализации" (М., 2001 г.); "Стратегия превращения Китая в супериндустриальное государство" (М., 2002) (последняя работа в соавторстве). Все монографии И.Н. Наумова заслужили положительные рецензии, опубликованные в академических периодических изданиях.

Результаты исследований И.Н. Наумова неоднократно направлялись в государственные законодательные и исполнительные органы, используются в научных исследованиях, в учебном процессе в востоковедческих вузах и на факультетах. Они важны и актуальны в плане учета зарубежного опыта при разработке экономической стратегии России в XXI веке и подготовке к ее вступлению в ВТО.

Работая в течение ряда лет научным руководителем темы "Экономическая стратегия Китая в XXI в.", И.Н. Наумов показал себя авторитетным организатором науки. Глубокая увлеченность делом и замечательные личные качества — искреннее внимание и уважение к окружающим его людям, способность аргументированно отстаивать свои взгляды, сочетание высокой требовательности с готовностью прислушаться к мнению коллег—ученых — принесли ему заслуженное уважение в коллективе.

Следует особо отметить большую и полезную работу Ивана Николаевича как члена Ученого совета ИДВ РАН, диссертационных советов ИДВ и Российского Университета дружбы народов, создателя школы научных исследований китайской экономики, воспитателя российских и зарубежных ученых — специалистов по Китаю.

И.Н. Наумов является одним из авторитетных авторов журнала "Проблемы Дальнего Востока", чьи статьи отличает глубина анализа и фундаментальность выводов и заключений.

Дирекция и научный коллектив Института Дальнего Востока, редколлегия и редакция журнала "Проблемы Дальнего Востока" поздравляют Ивана Николаевича Наумова с юбилеем и от души желают ему доброго здоровья, благополучия, новых творческих свершений.

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на дискете 3,5" с указанием имени файла в формате MS Word 6,0 для Windows или в формате RTF с распечатками текстов в 2 интервала.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) *На русск. яз.* Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С...

б) *На кит. яз.* Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С...

в) *На англ. яз.* Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. Pp. ...

Статьи.

а) *Из печатных изданий*

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) N... С...

б) *Из интернета*

Автор статьи. Название статьи // Полный электронный адрес.

Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале можно получить по тел.: (095) 124-09-02.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.

*Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.*

Сдано в набор 20.02.2004 г. Подписано к печати 15.03.2004 г. Формат бумаги 70x100 $\frac{1}{16}$
Офсетная печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 14,5 тыс. Уч.-изд. л. 14,5. Бум. л. 6,0
Тираж 915 экз. Зак. 8143

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. 124-09-02; e-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2004 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6